

М. ФЕДОТОВ

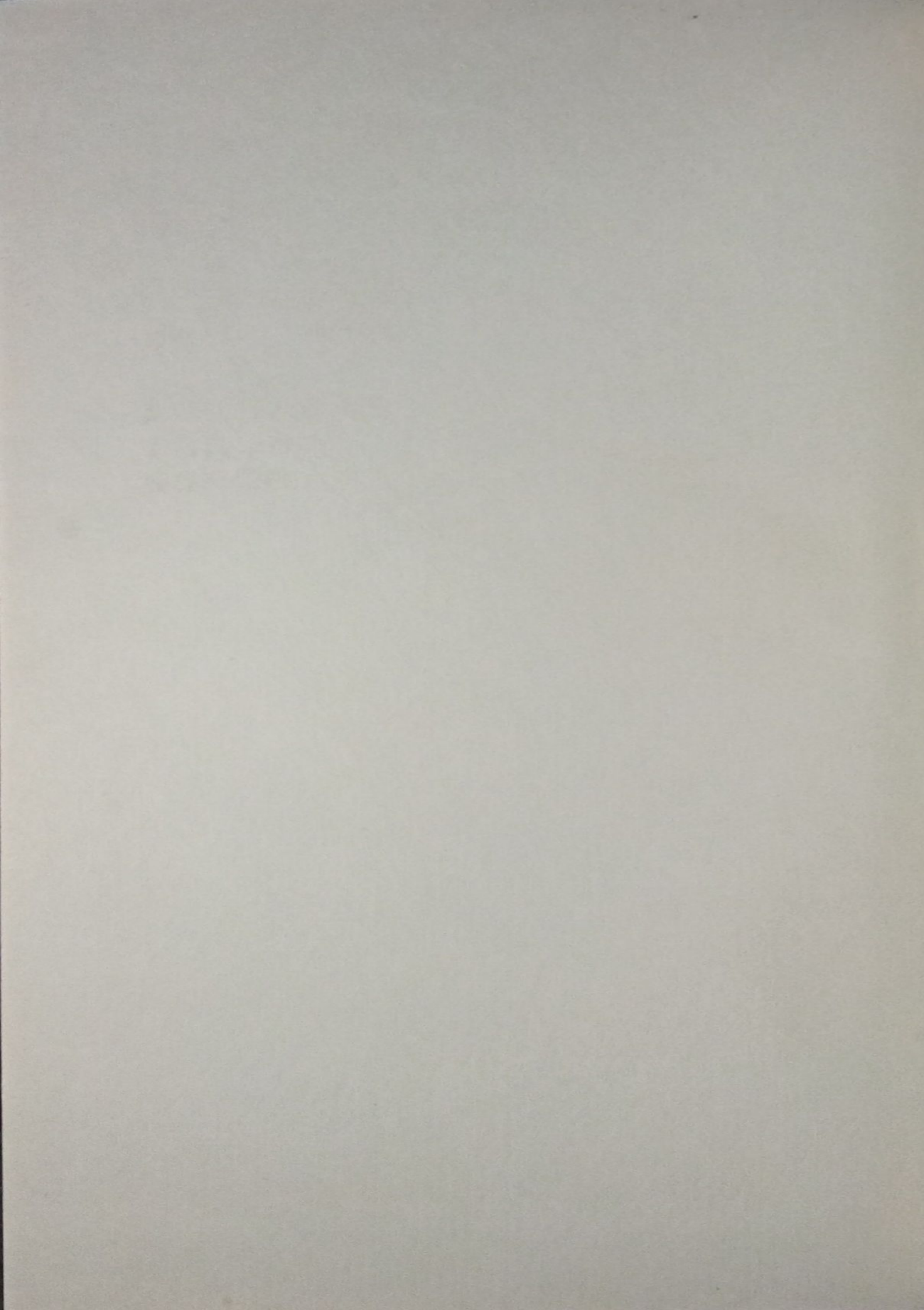

РАЗВЕДКА ВЕДЕТ ПОИСК

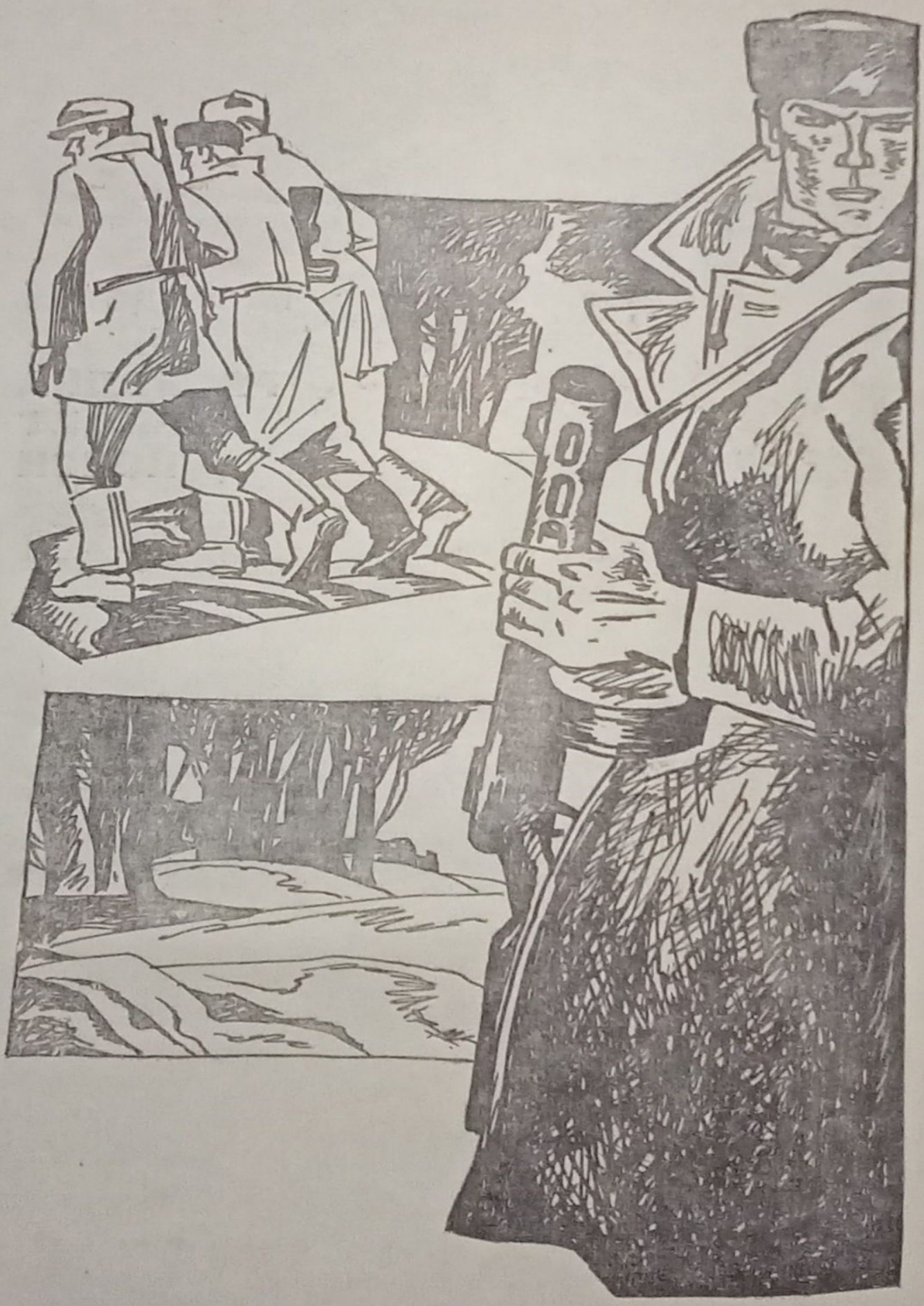

М. ФЕДОТОВ

**РАЗВЕДКА
ВЕДЕТ
ПОИСК**

М. ФЕДОТОВ

**РАЗВЕДКА
ВЕДЕТ
ПОИСК**

Издательство „Беларусь“ Минск 1976

Они первыми шли в логово врага, выслеживали его на дорогах, первыми вызывали огонь на себя. Иначе не могли: они были разведчиками.

О героических буднях партизан-разведчиков рассказывает автор этой книги — политрук разведвзвода 1-го отряда 3-й Белорусской бригады. Народные мстители дислоцировались на стратегически важном участке — в непосредственной близости от фронта, в треугольнике между железными дорогами Полоцк — Невель — Витебск. Много славных дел на боевом счету бригады. Много героического совершили разведчики.

Фашисты жестоко расправились с семьей Михаила Николаевича Федотова: изувечили, а затем расстреляли отца, избили до полусмерти мать, жестоко допрашивали младших братьев. Погибла в бою и сестра-партизанка. Попав в окружение, автор и его товарищи-разведчики выносят тяжелейшие испытания и побеждают смерть, чтобы снова быть первыми в священной борьбе.

© Издательство «Беларусь», 1976

9(C)27

Ф 34

Ф $\frac{10604-114}{M 301(05)-76}$ 086-76

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Под руководством Коммунистической партии в городах и селах, оккупированных фашистами, создавались подпольные патриотические группы, которые затем стали ядром партизанских отрядов. Ряд таких групп действовали и на территории Полоцкого района.

В мае 1942 года инициативные группы А. Астрейко, Е. Козлова, А. Фалалеева, М. Мещерякова, М. Свириденко, Г. Хрона и др. объединились в партизанский отряд, командовать которым было поручено мне. В начале июня по решению Полоцкого подпольного РК КП(б)Б наш отряд был развернут в 3-ю Белорусскую партизанскую бригаду. В конце июня в бригаду вошел отряд Я. Сташкевича. Немного раньше в ее состав влилась хорошо вооруженная патриотическая группа Карноушенко — Федотова, имевшая постоянную связь с Сиротинским подпольным райкомом партии. Через руководителей этой группы была установлена связь между Полоцким и Сиротинским подпольными райкомами партии, что способствовало развертыванию партизанского движения на территории данных районов. Уже к июлю 1942 года 3-я Белорусская партизанская бригада состояла из пяти отрядов, насчитывавших около тысячи человек. Из них свыше 200 были коммунисты и комсомольцы, которые являлись основным ядром в партизанском формировании.

Действуя в непосредственной близости от линии фронта,

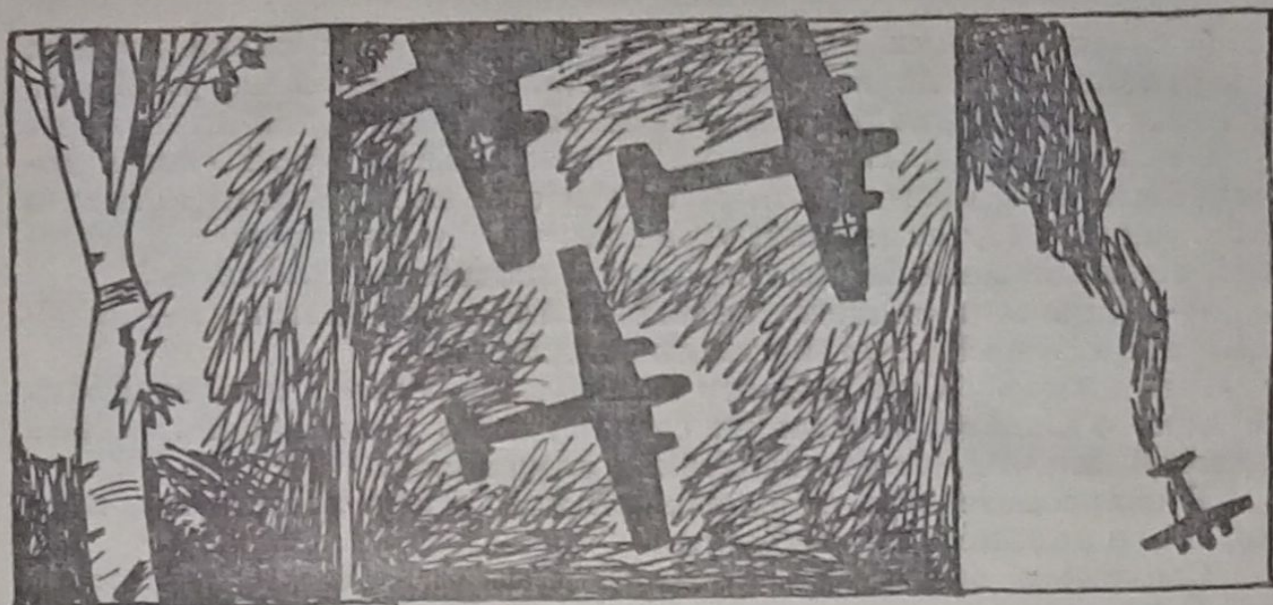
в треугольнике сильно укрепленных железных дорог Полоцк — Витебск — Невель — основных магистралей, по которым снабжались северная и центральная группы войск противника, бригада постоянно вела тяжелые бои с охранными и фронтовыми частями фашистов. Взаимодействуя с другими партизанскими бригадами Полоцкого, Россонского, Городокского, Свротимского районов и войсками Калининского фронта, 3-я Белорусская партизанская бригада своими боевыми операциями способствовала освобождению северной части нашей республики уже к осени 1943 года.

Особое место в боевых действиях партизан принадлежало разведке. Хорошо налаженная разведка являлась основой успеха любой операции. Партизанские разведчики — это смелые, решительные люди, умевшие быстро и правильно реагировать на самые неожиданные изменения боевой обстановки. Нередко, ведя разведку, они несли значительные потери. Однако, проявляя героизм, порой идя на самопожертвование, добывали необходимые для командования данные. В числе лучших разведчиков 3-й Белорусской партизанской бригады хочется назвать Ефима Рыжика, Григория Мензяка, Сергея Галанова, Виктора Кривенкова, Владимира Дроздова, Валентину Лопухову, Николая Штеера, Дмитрия Дроздова, Виктора Моисеева, Федора Новицкого, Павла Шуневича, Марка Свириденко, Галину Марченко, Василия Картавенко, Ивана Кравцова, Ивана Жака, Бориса Виницкого, Михаила Маслова, Ларису Коптелову, Владимира Иванова, Анну Карноушенко, Ивана Антонова, Михаила Федотова.

Предлагаемая читателю книга основана на документальных материалах и отражает действительные события. Автор, будучи участником всех описанных боевых операций 1-го отряда бригады, правдиво показал трудности партизанской борьбы в тылу врага, объективно выделил роль разведки в боевых партизанских буднях. С особым интересом читаются главы книги о подготовке и проведении операций по разгрому сильно укрепленного трудовского гарнизона, об организации отпора врагу во время карательных экспедиций, о политико-воспитательной работе среди личного состава и населения, проживавшего в партизанской зоне и гарнизонах противника.

Книга Михаила Николаевича Федотова — первая попытка показать героические будни 3-й Белорусской партизанской бригады на примере одного лишь ее отряда. Нелегкий боевой путь этой партизанской бригады бесспорно не исчерпывается излагаемым материалом и ждет своего описания.

А. Я. Марченко,
бывший командир 3-й Белорусской
партизанской бригады.

ТАК НАЧИНАЛОСЬ...

1

В деревне было тихо, лишь на дальнем конце кто-то затаил «Катюшу», но тут же умолк. Июньская ночь, теплая, спокойная, плыла над деревней. С востока начинало слегка подсинивать ночную темноту. На станции уже стоял «пятьсот веселый» — пригородный поезд, прибывший из Полоцка.

— Поздненько мы домой возвращаемся, — проворчал Григорий.

— Ничего, — отозвался я и похлопал его по плечу. — Зато здорово у тебя на сцене получилось!

Я уважал Григория Ефремовича Константинова, секретаря Погорелицкого сельского Совета. Он всегда приходил мне на помощь. Надо провести беседу с молодежью — проведет, некому сыграть — придет со своей гармошкой. И тогда весь вечер в избе-читальне горят лампы: две — в читальне, одна — в просторной комнате, где танцуют и играют в шашки и лото. Он же предложил и помог мне организовать молодежь, и вот мы сегодня поставили пьесу Кондрата Крапивы «Партизаны». Неплохо получилось, особенно у самого Григория. Правда, он старше всех нас, уже отслужил в армии.

— Только две недели готовились, да и то по вечерам, — ответил Константинов. — Люди-то днем в поле. Это нам с тобой можно и в другое время.

Григорий зашагал быстрее, легко печатая шаг своими «кавалерийскими» ногами.

Я быстро уснул. И почудилось, будто мы снова играем «Партизан», но не в избе-читальне, а прямо в лесу. Вдруг один из «артистов» ухватился за мое плечо и начал трясти.

Открыл глаза. Было уже светло. Надо мной стоял посыльный. Вот уже второй месяц в сельском Совете каждую ночь дежурят у телефона. Думали, что после посевной отменят, но не отменили, хотя скоро и косовица начнется...

— Савельич сказал, чтобы сейчас же явился! — сообщил посыльный и тут же хлопнул дверью.

Александр Савельевич Смольков — это председатель сельского Совета, и если он сам в такую рань в воскресенье пришел, значит, что-то серьезное случилось.

В сельсовете был и Константинов. Лицо заспанное, видно, и его только что разбудили.

Смольков, обычно спокойный человек, заметно волновался. Стоя перебирал какие-то бумажки на столе, потом вытер рукавом край его, но ничего на это место не положил, выпрямился:

— Позвонили из военкомата: вскрывать пакет...

Я застыл от неожиданности. Рука так и не смогла зашпилить верхней пуговицы рубашки, да и пуговица отскочила и покатила к железному ящику, над которым уже наклонился Смольков. Связка ключей звенела в его руке будто несколько колокольчиков. Наконец щелкнула пружина замка, скрипнула крышка ящика — и в руках у Александра Савельевича оказался толстый пакет с сургучовыми печатями.

Мы-то знали, что в этом сером пакете мобилизационный план на случай войны. Сами заполняли те бумаги и повестки. И теперь руки Смолькова торопливо срывали ярко-красный сургуч.

Я посмотрел на часы: было 5 часов утра.

«Станция Язвино», «Станция Язвино»... — от этих слов уже рябит в глазах, да и рука отказывает, а нужно торопиться. Только два слова и надо вписать нам в повестки мужчинам семи призывных возрастов — указать пункты сбора мобилизованных Погорелицкого сельсовета.

А часов в семь я был уже в деревне Ложок. Вместе с председателем колхоза Буланчиковым и его двумя сыновьями стучались в окна хат, вручали повестки. Встрепенулась обычно тихая в воскресное утро деревня. Плач, причитания слышатся в домах. И вот уже люди высыпали на улицу, направились к правлению колхоза. Мужчины и парни, подлежащие мобилизации, держатся молодцами, только блещут глаза, когда прощаются с семьей, с односельчанами.

Необычный обоз двинулся к станции: шли пешие, ехали на подводах, много было верховых. И в тихом утреннем воздухе стоял плач — то приглушенный, то вдруг надрыв-

ный... Шли быстро, торопясь. Жены и матери вскоре отстали, но нагнали у сельсовета, сгрудились на большой площади у парка. Сюда со всех деревень стекались такие же обозы.

В небе тоже было тревожно. В высокой синеве часто появлялись самолеты. Чьи они, мы не могли определить. Если шли на запад, то считали, что это наши. Но вот из-за леса вынырнул черной птицей один-единственный, и по площади ударили пулеметные очереди, а затем в парке ухнули бомбы. Самолет взмыл кверху и ушел почему-то на восток, а растерянные случившимся люди долго еще приходили в себя. К счастью, никто не пострадал. Только в оглоблях билась смертельно раненная лошадь.

2

Я с 1922 года рождения.

На призывной комиссии меня зачислили в погранвойска. 27 июля я должен явиться в свою часть для прохождения службы на западной границе. Но не мог спокойно ждать этого дня, сидеть без дела. И, как другие парни и мужчины, которые остались дома после мобилизации, пошел в истребительный батальон, организованный при сельском Совете. Командовал нами А. С. Смольков, политруком стал Г. Е. Константинов. Патрулировали дороги — проверяли документы у всех идущих на восток. А двигался непрерывный поток: пешком, с колясками, ехали на велосипедах, лошадях, иные на машинах. Обычно одна половина батальона на дежурстве (нас было человек сорок), вторая отдыхает. Правда, отдых был относительным. Нередко население поднимало ложную тревогу. Там-то, мол, видели подозрительных, и надо было неотложно мчаться туда на усталых лошадях, узнавать, что за люди. Проверяли, хотя на отделение было два-три охотничьих ружья. У многих беженцев, конечно, не было документов. Беда нагрянула внезапно, не до бумажек людям. Но таких мы чутьем угадывали.

Вскоре появилась у нас и другая обязанность. Фашистские самолеты бомбили и обстреливали беженцев, идущих сплошным потоком на Витебск. Нам нужно было подбирать и оказывать помощь раненым, хоронить убитых. Как-то налетел один стервятник и начал штурмовать беззащитные колонны. Людской поток с котомками за плечами, с малыши детьми на руках заметался по шоссе Шумилино — Язвино. Я бросился в сельский Совет, стал звонить в деревню Ложок, где был полевой аэродром, недавно построенный как запасной на случай войны.

Через несколько минут над шоссе уже завязался воздушный бой. Немецкий летчик не выдержал, пытался выйти из

боя, но наш истребитель сумел зайти ему в хвост и дал несколько длинных очередей. Стервятник сначала будто замер в воздухе, черный клуб дыма взвился над ним, и он медленно пошел к земле. Через минуту за лесом у деревни Мазеки раздался глухой взрыв.

Шоссе зашумело ликующими голосами, зашевелилось, и снова людской поток двинулся.

В небе теперь то и дело вспыхивали короткие бои. Наши «ястребки» дрались смело. Труднее было бомбардировщикам.

С каждым днем канонада с запада становилась слышнее, по ночам там полыхали зарницы. Все чаще на дороге появляются отступающие воинские части...

И вот в это время — как сейчас помню, 6 июля — в сельском Совете созвали собрание. Приглашали только членов партии и активистов, а пришел почти весь поселок. Людей волновало одно — что же дальше?

Представитель райкома говорил, что, если гитлеровцы оккупируют район, надо создать партизанский отряд, вести открытую вооруженную борьбу с фашистами.

Тридцать добровольцев решили немедленно организовать отряд. Командиром его назначили Александра Савельевича Смолькова. В отряд был зачислен и я.

В тревоге разошлись после собрания. Остались только те, кто вошел в партизанский отряд, да несколько местных хлопцев-комсомольцев. Думаем, с чего начать? Решили пока небольшой группой активистов отправиться в лес, подготовить лагерь для отряда. Берем в колхозе «Безбожник» полуторку, грузим два ящика винтовок, патроны и гранаты (накануне все это я привез из Шумилино) и отъезжаем. С нами в кузове и секретарь колхозной комсомольской организации Николай Соболевский.

Полуторка выскочила на шоссе — в поток беженцев. Крики людей, фыркание и ржание лошадей, рев моторов — все эти звуки только чуть приглушают канонаду под Уллой на Западной Двине. Который уже день там идут бои... Движемся медленно, с частыми остановками, но все вперед, к Витебску. Дело в том, что Смольков и Константинов из деревни Ужлятино, возле которой большие леса, и они предложили именно там устроить базу партизанского отряда.

Снова остановка. В радиаторе ни капли воды. Пока ищем ее, надвигается грозная туча. Она идет с запада, полукругом охватывая нас. Бело-синие молнии резко кромсают ее. Раздаются раскаты грома. А кажется: это настигает нас смертельная канонада войны... Жутко, пробирает холодная дрожь и страх неизвестности. Смольков старается успокоить:

— Ничего, ребятки! Еще немного — и поворот направо.

Но голоса командира почти не слышно из-за шума крупно ударившего косого дождя.

Промокшие до нитки, въезжаем в лес. Ветви больно хлещут по спине, сыплют с листьев почти таким же дождем. Правда, гроза уже обогнала нас, зато канонада не отстает. Временами с Двины явственно прорывается перестук пулеметов.

Возле глухой полянки Смольков и Константинов нашли знакомый хутор. Правда, дома уже не было, остались лишь сарай да баня. Но в предбаннике, к нашей радости, были сухие дрова. Быстро растопили печку, начали выжимать и сушить одежду. Немного согрелись, но никто в эту ночь так и не сомкнул глаз.

Утром вышли на опушку. Перед нами раскинулся широкий и длинный луг, зеленым ковром подступающий к Старому Селу. Вдали виднеется водокачка. Там железнодорожная станция. Над ней теперь низко кружатся самолеты. Взрывы то и дело сотрясают воздух.

Видно нам и шоссе. По нему ползет теперь уже редкий поток беженцев. Вот и над ними появились самолеты, столбами встали на дороге черно-рыжие взрывы...

В небе за Старым Селом, над Витебском, кружится целая стая немецких стервятников — бомбят город. Бомбардировка затихает только во второй половине дня. 11 июля город заняли немцы. Артиллерийский гром теперь отдалился в сторону Смоленска. Но на северо-западе продолжает греметь канонада. Полоцк еще держится.

3

Неопределенность мучает нас, а тут еще долго не возвращается Николай Соболевский, посланный в разведку в наш сельсовет. Напряжение с каждым часом нарастает. Наконец появляется Николай. Но и он не приносит успокоения. Почти повторяет то, что мы уже знали.

Поток беженцев со стороны Полоцка прекратился: немцы прорвали фронт возле Уллы, вышли на правый берег Западной Двины и подходят к Ловше и Шумилино. Если эти пункты возьмут, так перережут железную и шоссейную дороги Полоцк — Витебск. Что же делать нам?

На этот раз направили в разведку меня с одним товарищем. Александр Савельевич Смольков прямо сказал:

— В дальнюю — в сторону Полоцка, а затем Городка. Если встретитесь с кем-нибудь из районного актива, то выясните, как нам поступать дальше...

Мы взяли по нагану и по две гранаты. Пошли кружным путем — на Зароново. Эта большая деревня находится возле шоссе Витебск — Полоцк.

К Зароново подошли к вечеру. Шоссе здесь забито до отказа: идет артиллерия, автомашины, повозки, кое-где, прижимаясь к обочине, ползет танк. Люди уставшие, запыленные, на многих повязки с запекшейся кровью. Угрюмы лица, насуплены взгляды воспаленных глаз. Отступают на Витебск, а он-то уже занят, значит, попадут в западню. И мы выскакиваем на шоссе, останавливаем первую полуторку. Из кабины вылезает старший лейтенант, уже пожилой человек:

— В чем дело?

— Витебск заняли немцы. Нельзя туда...

— А не паникуешь?

Из кузова спрыгнули бойцы, окружили нас.

— Обыскать!

Когда вытащили у нас из карманов наганы и гранаты, старший лейтенант процедил сквозь зубы:

— Ясно! Диверсанты.

— Нет! Мы — партизаны.

Но нас уже толкали к откосу. Я вырвался, бросился к лейтенанту:

— Да поймите же вы, товарищ командир. Витебск занят! В западню попадете.

Старший лейтенант уже взялся за дверку кабины, затем, раздумывая, повернулся и внимательно посмотрел на меня. Видно, на лице моем было такое отчаяние, что он вдруг стал мягче, даже улыбнулся:

— Вот что, партизан, иди своей дорогой. Отпустите их, ребята, — приказал бойцам и вскочил на подножку.

Колонна тронулась... Пошла все-таки в сторону Витебска. А мы стояли и не знали, что делать. Найти другого командира, рассказать, что Витебск занят немцами? А вдруг, как и этот старший лейтенант, не поверит?

Мы пересекли шоссе. Что Полоцк еще держится, было видно по отступающим: шли организованно. Надо теперь разведать направление на Городок, левее Витебска. Может, по этой дороге и отступим вместе с бойцами.

Шоссе в Городок идет через мою деревню — Заполье. Думаю, попутно забегу к старикам, хоть на часок: ни слова не написал им с тех пор, как началась война, ни разу не взглянул. Погорелицкий сельсовет километрах в пятидесяти от Заполья.

И вдруг впереди нас разгорается настоящий бой. Неужели и там немцы? Тогда взяли правее, на Слободу — и к утру вышли возле Мишневич на шоссе на дорогу. Навстречу показалась крестьянская телега. Возница поднял голову — и я вскрикнул от неожиданной радости. Это был Шура Пашковский! Мы — друзья с детства: вместе учились, росли. Он, присадистый, коренастый, тут же попал в мои объятья.

Светло-пепельные кудряшки щекотнули мне подбородок: никак не растет наш Шура, хоть ты за уши тяни каждый день!

Оказывается, он только что отвозил в Старое Сиротино мобилизованных.

— Завез и твоего Петра, — вздохнул он.

Петр Максимов — мой шурин, муж старшей сестры Лиды, ему с весны пошел четвертый десяток.

Мы сели на телегу. Пашковский рванул вожжи — и конь побежал рысцей. А я в душе был благодарен Шуре: чувствует, что не терпится мне увидеть своих...

Были и слезы радости, и слезы горя. Радость оттого, что я как с неба свалился да жив-здоров. Но не было вестей от сестры Марии — она работала инспектором РОНО и эвакуировалась с райисполкомом. Неизвестно ничего о брате Саше. Он, окончив ФЗО, работал в Донбассе на шахте. Ни слова и от Нины — ее послали на строительство аэродрома в Уллу, а там теперь немцы... Волнуются родители. Сестра Лида жила рядом, в деревне Суровни. Она в первый день войны родила сына, а мужа Петра отправила на фронт. Лида часто бывала у родителей: вместе горе горевать вроде легче. Вот и сегодня она здесь.

Чтобы еще больше не расстраивать родных, не говорю сразу, что переночую и — в отряд. Спрашиваю, что в Городке. Он к нам ближе, чем райцентр Шумилино, и здесь многие связаны, как говорится, с белым светом только через Городок. Оказывается, там немцев нет и дорога свободна: только что оттуда возвратились наши односельчане. Это отлично, надо скорей к своим!

На следующий день покидаю родную хату. Раньше прсщался, зная, что недели через две-три загляну: место работы не за горами, в своем районе. А теперь? Трудно было расставаться.

Мать заплакала, отец тихо сказал:

— Что ж, успокойся, мы — бойцы.

Но вот уже не видно хаты, одна только развесистая береза белеет на взгорке, возле Тимошкина хутора. Может, последний раз я вижу родных...

Прежним путем добрались до шоссе, но дальше нам хода не было. По дороге шли немцы. Правда, большинство ехали на машинах, тупорылых тягачах, на зеленых фургонах. И все это — на Витебск.

Мы повернули на Зароново и полевой дорогой добрались туда на рассвете. По шоссе громыхали танки. Мы их видели впервые. На автомашинах — чинно в ряд, будто на параде, солдаты в рогатых касках, в серо-зеленой форме, а рукава почему-то закатаны по локти. Идут бронемашины — пулеметы повернуты на обочины. Мощные тягачи тянут на прице-

пах пушки, походные кухни, какие-то ящики, видимо, снаряды.

Целый день мы проползали у шоссе, но так и не смогли пройти через него. Остались тут же, может, ночью проскочим. Но когда стемнело, появился самолет, повесил ракеты-фонари, и войска не прекращала движения — шли, как и днем.

Рассвет застал нас в зарослях лозняка.

И еще целый день мы наблюдали за шоссе через сизоватую зелень. По-прежнему мощно гремела вражеская техника. И, кажется, от этого шумит в голове, а вовсе не потому, что пусты наши вещмешки, а во фляжках давно уже нет воды.

Во что бы то ни стало нужно перейти дорогу. Нас ждут в отряде. А поток не ослабевает — движется, движется, движется.

Пересечь магистраль возле Зароново не удалось. Тогда решили отойти по кустарнику и перебраться через шоссе правее льнозавода. Целую ночь лежали и выбирали момент. Вот прошла большая колонна автомашин с пехотой, за ней образовался разрыв. Следующая колонна поднимается только на гору, можно перебежать. Но в это мгновение появляется связной-мотоциклист. Снова лежим, выжидаем. Июльская ночь коротка. На востоке уже занимается заря, а войска идут и идут.

С грохотом на большой скорости промчалась колонна бронированных тягачей с орудиями на прицепах. Мы уже знали, что за каждой такой колонной образуется небольшой разрыв до подхода следующей. Поэтому без слов поняли друг друга. Метнулись к дороге и, пригнувшись, почти под фарами надвигавшейся колонны перебежали шоссе, упали в кювет и поползли в кустарник.

Позади осталось метров двести. Мы перевели дух и решили идти на поселок льнозавода. Прислушались, кажется, ничего подозрительного. Направились к крайней хате. И... оказались среди немецких автомашин и фургонов.

— Хальт! — раздался окрик.

Пустились со всех ног назад. Немцы открыли огонь, осветили нас ракетами. В поселке поднялась суматоха. А вскоре длинная цепь гитлеровцев стала окружать кустарник, в котором мы спрятались. Начинало светать, и, чтобы спастись, надо было бежать в лес через перепаханное поле. Об оказании сопротивления нечего было и думать: у нас только наганы и гранаты.

Уже отчетливо видим, как немцы заходят справа и слева. Медлить нельзя — покидаем кустарник и ползком пробираемся через пахоту. Пока немцы окружали кустарник, мы удачно проскользнули на опушку леса, к озеру.

Во второй половине дня, наконец, подошли к своему лагерю. Но здесь нет никого. Обшарили баню и все постройки хутора в надежде найти какие-то следы, но тщетно. Видно было только одно: наши ушли не спеша, потому что все за собой подобрано, замаскировано. Но куда — для нас оставалась загадкой.

До наступления темноты мы исходили в лесу все места, куда могла перебазироваться группа, но наших нигде не было.

Переночевали на хуторе в бане, а утром решили идти в деревню Ужлятино, где проживали семьи Смолькова и Константинова, чтобы узнать о товарищах.

Пройти в Ужлятино также оказалось нелегко. Нужно было пересечь железную дорогу Витебск — Полоцк. При подходе к ней много деревень — и во всех стоят немецкие войска. Да и в Ужлятино, расположенном на той стороне вдоль железной дороги, могут быть немцы. И все же идти надо.

Теперь мы пошли осторожнее, обходя деревни. К полудню были у железной дороги. Залегли в кустарнике, который подходил к самому полотну. Лежали часа два. За это время ни одного поезда не прошло. Железная дорога не работала. На той стороне насыпи — Ужлятино, в деревне ничего подозрительного не заметили.

Когда стемнело, подошли к дому Смолькова. Осторожно постучали в окошко — никого... Но затем окно открылось, показалась жена Смолькова. Она меня знала, поэтому на вопрос, где Александр Савельевич, попросила минутку обождать. Вскоре скрипнула дверь, и сам Смольков впустил нас в дом.

Сидели не зажигая света, долго говорили. Смольков сказал, что поскольку не успели оборудовать базу для партизанской борьбы, очень мало оружия и боеприпасов, то принято решение разойтись по домам и подпольно заняться подготовкой к открытой борьбе. Он посоветовал и нам собирать оружие, готовить людей. Условились о связях и паролях.

На рассвете я подался в свою родную деревню. Добрался лишь через сутки, не без опасных приключений.

4

10 или 11 июля со стороны Старого Сиротино в нашу деревню пришла отступающая воинская часть, уже побывавшая во многих боях. Борты полуторок изрешечены осколками, стекла кабин выбиты. На орудиях тоже следы осколков, местами покрытые свежей ржавчиной. Среди красноармейцев немало раненых. Но бойцы не теряли бодрость духа. Их построение передалось нам. Мы с Шурой Пашковским узнали, что эта часть вела бои под Уллой, Ловшей, а затем отступи-

ла к Витебску, но он занят. Двинулась к Полоцку — и там немцы. И вот командование решило идти на Городок, а теперь ждет, пока подтянутся остальные подразделения. Штаб расположился километрах в двух от нас, в Суровнях, в здании школы, в которой когда-то я учился.

Вскоре над нами появились «рамы» — двухфюзеляжные самолеты-разведчики противника. Красноармейцы быстро рассредоточились по кустарникам и лескам, населению приказали тоже прятаться. Я схватил в одну руку узелок с вещами, на другую взял Лидинога ребенка. Он не плакал, а тоненько пищал. Не было времени успокаивать его: меж Суровнями и нашей деревней завязался бой. Мы побежали на Ковалихин огород. Там было огромное колхозное картофелехранилище — котлован с накатной бревенчатой крышей.

Хотя я считал себя уже видавшим виды, обстрелянным парнем, но впервые наблюдал такой бой. Пулеметы строчили непрерывными очередями, ухали орудия, рядом, за нашим убежищем, рвались снаряды. Было жутко, и все-таки любопытство толкнуло меня выглянуть в проем, посмотреть своими глазами. Красноармейцы бежали из лесу, тащили пулеметы, тут же падали и длинными очередями били в ту сторону, где на высоте у Тимошкина хутора стояла одинокая береза. Возле нее на клеверище снаряды поднимали черные столбы. Вдруг надо мной раздался грозный окрик:

— Марш вниз!

Оглянулся: два красноармейца на крыше нашего убежища устанавливали станковый пулемет. Я юркнул в проход, а над головой залилась длинная очередь, меж бревен тоненькими струйками посыпался нам на головы песок.

Часа два длился бой. Вдруг стрельба оборвалась, как будто все бойцы одновременно отдернули руки от гашеток пулеметов, сняли пальцы со спусковых крючков винтовок и автоматов.

Вместе с Шурой выскочили из убежища. У березы во весь рост стояла длинная цепь красноармейцев. На нас никто не обращал внимания. Из разговоров военных поняли, что две вражеские бронемшины внезапно ворвались в Суровни, атаковали штаб, затем выбрались на высоту, к березе, откуда повели обстрел наших подразделений.

Вдруг все умолкло, потому что кто-то крикнул:

— Братцы, командир ранен!

Красноармейцы бросились в ложбинку. И хотя нас отеснили, не дали подойти ближе, со слов бойцов мы поняли, что смертельно ранен командир этой части, подполковник. Его бережно положили на плащ-палатку и понесли в Суровни. Нам не удалось увидеть его: с двух сторон тесно шли бойцы.

Через час появились немецкие пикирующие бомбардировщики, начали обстреливать деревни. Красноармейцы отошли

в лес, чтобы не пострадали жители. К вечеру подтянулись отставшие подразделения. Часть снялась и направилась в сторону Городка.

Целый день живем в неопределенности. Утром следующего дня прибегает Владимир Гапеев, бригадир: мол, клевер возле Тимошкина хутора ляжет, ежели его сегодня не скосить. Как говорится, помирать собирайся, а жито сей. И мы с отцом взяли косы, пошли к той березе. Осколки и пули поцарапали ее. Теперь в этих ранах запекся сок, почему-то темно-розовый, будто дерево кровенило. Рядом валялись листья и ветки, уже привядшие...

Коса непослушно мочалит измятый, потоптанный клевер. Чтобы передохнуть, почаще точишь и без того острое жало. Перекуры у мужчин теперь очень длинные — не то, что в прошлом году. Не клеится работа, если на душе тревожная неизвестность. Вдруг замечаю бегущего сюда Шуру Пашковского.

— Немцы! — Он задыхается и приседает в клевер. — Идут немцы...

Глянули на дорогу, что ведет из Полоцка на Городок: по тижманской горе плывет сплошной поток автомашин, идут танки. Мы только успели вбежать в свою деревню, а колонна уже сворачивала от Суровней сюда, в Заполье. Немцы моментально заполонили нашу деревеньку. Крик петухов, кудахтанье кур, истошный визг поросят заглушали другие звуки. Солдаты в серо-зеленой форме ничего не просили. Железные автоматы коротко вздрагивали в их оголенных по локти руках, пока не обрывался визг или кудахтанье... Тут же полетели наши неказистые заборы — машины и повозки заезжали прямо на грядки. Запылала костры в огородах, запахло горелым пером и жареной свежиной.

Нам, привыкшим с детских лет не брать чужого, вернуть одолженную щепоть соли, коробку спичек, было это непонятно и страшно.

И в тот день, когда уехали немцы, и на следующий люди ходили подавленные, не знали, куда приложить свои руки. Даже по-хозяйски заботливый бригадир Владимир Гапеев не появлялся под окнами, не просил идти на косовицу. А по дороге на Городок теперь уже шли небольшие колонны, изредка проносились мотоциклисты. К нам, в Заполье, к счастью, гитлеровцы в эти дни больше не заглядывали.

А часов в десять третьего дня случилось неожиданное. Под Мишневичами ни с того ни с сего вспыхнул бой. Это как раз в стороне Старого Сиротино, давно уже занятого немцами. Вся наша деревня высыпала на улицу. Строили догадки: а вдруг наши с той стороны клином отрезают немцев? Как хотелось в это верить!

Спустя полчаса на проселке показалась машина, пылит сюда — навстречу бою. Резко затормозила против нашего дома. Выскакивает советский лейтенант с развернутым планшетом-картой в руке и прямо к людской толпе:

— Как проехать на Мишневичи?

Я сбивчиво поясню:

— Надо ехать прямо, потом свернуть налево, а в Рыбчине — направо...

Но тут наш Володя на цыпочках вытягивается перед лейтенантом, моляще заглядывает в глаза:

— Так я, дядя, вас провожу, дорогу покажу.

— Лезь в кабину! — Лейтенант быстро посадил его на сиденье.

Все случилось так неожиданно, что даже мать не успела сказать ни слова. Машина рванулась с места, обдала нас пылью. Но мы успели разглядеть в кузове человек пятнадцать красноармейцев, в касках, с автоматами в руках. На кабине — ручной пулемет.

Немного времени понадобилось им, чтобы проехать каких-то восемь километров, и вот мы слышим, что бой разгорается с новой силой. А за Володю страшно: как он там, вездесущий одиннадцатилетний мальчуган?

Вернулся он, когда уже утих бой. Конопатый, низкого роста, Володя появился вдруг на окраине улицы. Я бросился навстречу. Полотняная рубашка на худеньких плечах теперь совсем грязная, зелень и на коленках холщовых брючишек. А улыбается:

— Знаешь, Миша, ну и всыпали мы немцам!

Из его рассказа понял, что наша отступающая часть попала в окружение, зашла в Ждановку, расположенную на правом берегу Оболи. Через реку красноармейцы увидели, что в Мишневичах две бронемашины и несколько мотоциклов. И завязали бой. Оболь — река глубокая, так сразу ее не возьмешь. Командир посылает в обход через козыанский мост машину с бойцами, ту самую, дорогу которой показал наш Володя. С тыла красноармейцы ударили по немцам и отбросили их в Бачище.

— А лейтенанта... убило, — он размазывает слезы.

Так вот почему у него заплаканное лицо, а я думал, от страха.

Мы продолжаем надеяться: вот-вот вернутся наши. Может, поэтому начали сенокос, а затем стали убирать озимую рожь и яровые. Сноп возьмешь — к земле тянет: такой отменный урожай! Заработала молотилка у гумна, захлебнулся барабан крупными колосьями. Что намолачивали за день, распределяли между собой, не забывая записать, сколько кому досталось. Мы еще надеялись...

Вскоре получил записку от А. С. Смолькова из Ужлятино. Ее принесла женщина, которая меняла одежду на хлеб. Всего лишь одно слово было на этой измятой бумажке: «Жди!»

Но встретиться мне с ним уже не пришлось. В июле 1942 года он ушел в партизанскую бригаду Короткина и был там комиссаром отряда.

Но я надеялся не только на Смолькова. Накануне оккупации меня и Анну Ивановну Карноушенко в числе других вызывали в райком партии, поручали создать подпольную организацию, если немцы займут район и если мы не уйдем в партизанский отряд.

ТОВАРИЩИ, ДРУЗЬЯ, ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

1

В деревнях, на дорогах — полное затишье. Фронтовые части откатились на восток, тыловые еще не подошли. Непогожие и праздничные дни, когда бригадир не бегал под окнами и не звал на работу, мы использовали по-своему. Я имею в виду молодежь — моих одноклассников и тех, кого не взяли в армию по каким-либо причинам. По двое-трое отправлялись на места бсев — искали оружие и боеприпасы. Находили и повозки с шинелями, бельем, сапогами, ботинками. Собирали даже немецкое. Все это прятали в лесу. Обычно тайники знали два-три человека, те, что собирали.

В эти грозные дни я по-настоящему подружился с Анной Ивановной Карноушенко. Она — учительница, вышла замуж за военнослужащего из нашего района. Жили сначала во Владивостоке, перед самой войной мужа перевели в Мурманск. Вот и направил он Анну Ивановну с двухлетним сыном к ее матери, пока получит квартиру на новом месте службы. А тут грянула война, и осталась Анна Ивановна у своей матери Варвары Леоновны, нашей доброй соседки. Часто молодежь собиралась возле ее дома, под большим кустом сирени. Как могли, скрашивали тяжелое время. Правда, старики ворчали на нас: мол, вокруг горе, а вам танцульки, шуры-муры. Сердились именно на нас, потому что сама Анна Ивановна как-то выделялась среди молодежи своей самостоятельностью и бескорыстной помощью. У нее была швейная

машина. И хотя война, а кому не нужна обновка, если старое платье износилось, пока прятались по землянкам, в лесу?

И вот однажды Анна Ивановна отозвала меня от молодежи, которая танцевала под ее новенький патефон, говорит:

— Миша, надо часа на два нам отлучиться.

Оказывается, утром к раскрытому окну, у которого она шила, подошли двое. Слово за слово, попросили поесть, а та возьми да и скажи: «Дети жнут-молотят вместе со стариками и старухами, а вы лынды бьете. Родину в торбу положили и шатаетесь по миру, а поесть вам подавай!» Они ничего не ответили, ушли. Потом выяснилось, что заходили к соседке, спрашивали, что это за чернявая такая, которая шьет у окна под сиренью. А как раз накануне Анна Ивановна сшила для своей соседки тетки Алены кофту, а платы не взяла, да и ни у кого не брала. Разве только горсть льносемя: очень уж вкусно оно с картошкой, ежели истолочь его в обычной ступе! Ничего плохого тетка Алена не могла сказать о своей соседке этим двум пришельцам. Только рассказала, что муж военный, но где сейчас — неизвестно; она же, хоть и учительница, а теперь добрая швея. И вот снова появились эти двое крепышей у сирени под окошком. Так и так, мол, надо нам встретиться с вами, кое-что важное передать, потому что оставляем ваши места. Сказали, где будут ждать в лесу, назвали пароль.

Мы пошли вдвоем с Анной Ивановной. На опушке нас окликнули, Анна Ивановна ответила паролем. Нас привели к шалашу в густых еловых зарослях. Вышли двое, Анна Ивановна узнала их, хотя они теперь были в другой одежде.

— Будем говорить прямо, — коренастый с португеей поправил пилотку с красной звездочкой. — Мы попали в окружение, товарищи наши подлечились, и долг не велит нам оставаться здесь дольше. Должны уходить. Но у нас есть оружие, боеприпасы. Мы не можем все это просто оставить в лесу. Кое-что знаем о вас, — он кивнул в сторону Анны Ивановны. — Поэтому оружие оставляем на вашу ответственность. Вы жена командира Красной Армии и знаете, что такое оружие и какую ответственность несут за то, чтобы оно не попало в руки врага. Ясно?

К моему удивлению, Анна Ивановна теперь стояла по стойке смирно и отчеканила:

— Ясно, товарищ старший политрук! Мы сохраним оружие.

Второй, более пожилой мужчина, сказал вовсе не командирским голосом:

— Металл боится ржавчины, Анна Ивановна. Земля и сырость вредны ему.

— Так точно, вредны, товарищ... командир...

— Ладно-ладно, обойдемся без званий. Возле вас много молодежи, и, кажется мне, хорошей.

— Я поняла вас. Кроме того, мы, — она кивнула на меня, — имеем специальное задание райкома партии.

Пожилой широко улыбнулся:

— Отлично! Тогда принимайте оружие.

Поступали по всем правилам: открывали ящики, пересчитывали винтовки в густой, еще заводской смазке и ремни, лежащие отдельно. То же делали и с деревянными ящиками, в которых находилось по две цинковые коробки патронов. Но коробки не вскрывали: они герметически запаканы.

Тяжелые ящики нам помогли перетащить красноармейцы, все по форме одетые, побритые и подстриженные. Вырыли яму возле хутора Сергея Золотого (вернее, так называлось место в лесу, а построек тут никаких не было), устелили дно мхом и сухой листвой, поставили ящики, набросали снова мха и листьев и зарыли. Бойцы на палатках отнесли желтый песок далеко в сторону и тоже замаскировали валежником.

По дороге в Заполье я спросил у Анны Ивановны, когда начнем выполнять задание райкома партии.

Она вздохнула, мягко положила мне руку на плечо и сказала:

— Не спеши, Миша. Должен же прийти связной от райкома, хотя его долго что-то нет. Мы с тобой вместе были и ты помнишь, что инструкции давали общие. Да это и не инструктаж был, а просто ставились общие задачи. Конкретно, мол, скажет связной...

— Ну и что? Зачем нам его ждать? Давайте действовать без него. Что у нас мало молодежи? Да мы с Шурой, знаете, все сделаем сами.

— Это хорошо, что у тебя такое настроение, — она снова почему-то вздохнула. — Надо всегда помнить: «Металл боится ржавчины...»

— Да вы знаете, как я и Шура стрелять можем! — настаивал я. Но сказал и осекся, потому что вспомнил, как незадолго до войны Анна Ивановна выбила 29 из тридцати возможных, а я только 18.

— Стрелять — это одно, Миша. А бить врага — совсем другое. Ты вот организуй ребят, обшарьте все поля и кустарники, соберите оружие, патроны, гранаты. Спрячьте. — Она снова грустно улыбнулась. — Только прячьте в сухие места и надежно смазывайте. Пусть это будет специальный запасной склад. Но об этом — никому ни слова. Ясно?

— Ясно! — сказал точно так же, как она ответила тем, кого встретили в лесу.

Наутро мы с Шурой были в Борке — лесном урочище. Долго подбирали винтовочные патроны, иногда находили обоймы и даже полные подсумки. Не очень веселые возвращались домой: «трофеи», прямо сказать, плевые...

— А что, если к Козьянам махнем? — говорю Шуре.

Тот согласился. Мы спрятали в лесу свою добычу и сразу же направились к реке Оболь. Здесь между Козьянами и Красомаем шли бои. Напали на такое место, ну, прямо-таки настоящий склад. В пулеметных ячейках недалеко друг от друга нашли два станкача. Даже вода была в кожухах и ленты заправлены. Но как потянешь их средь бела дня? Хотя редкий человек сейчас бывает на лугу или в лесу, а все же можешь нос в нос столкнуться с кем-нибудь. Попробуй тогда докажи немцам, что ты тащил эту «игрушку» именно им. А чуть ли не на каждом заборе, на стенах сельских хат развешаны приказы с огромным черным орлом: сдавать оружие, за хранение — расстрел.

Только когда стало темнеть, покатали пулеметы поближе к Заполью. Но как их только таскают бойцы! На каждой кочке застревают маленькие колесики. Разбирать мы их не умели. Часа два промучились, пока протащили этих два километра. Спрятать было нельзя: стояла темная ночь, и мы просто забросали их валежником.

Утром снова пришли сюда. Долго возились, пока разобрали каждый. Завернули части в промасленные тряпки, затем выкопали ямы и спрятали наших «максимов».

Сидим, отдыхаем, довольные, что так все хорошо сделали. Рассуждаем, как будем косить немцев из наших пулеметов. Особенно размышлялся я, но тут же едким смехом обрывает меня Шура:

— А ты заметил, что возле станкачей — коренастые, а не такие оглобли, как ты?

— Ну и что, подумаешь: пригнусь, вот и все.

— Да тебе же на карачках придется тащить его. Это мне больше подходит.

— И тебе один достанется...

Шура вдруг перестал смеяться, сказал серьезно:

— А для него патронов — только давай и давай. А где их взять?

Действительно: пулемет не винтовка, нужны тысячи патронов, ленты, а у нас их — кот наплакал. Стали думать, где раздобыть эту, на первый взгляд, мелочь. Я вспомнил, что в Трипутнях (километрах в четырех от нас) во время переправы нашей части вброд засосало повозку. Туда и отправились мы с Шурой, а вдруг она с патронами.

Погода стояла солнечная, хоть было ветрено. Разделись, шагнули в воду — бр-р-р! — холодно. Да и откуда ей быть теплой: сентябрь на дворе. А надо лезть — патроны нужны. Нырjali-нырjali — ничего не нашли. В Оболи вода черно-рыжая, в полутора метрах ничего не видно. Вышли на берег, чтобы согреться. Шурины кудряшки теперь не белесые, а темно-рыжие, будто переокрасился Пашковский. Не до смеха: холодно, а искать надо. Снова полезли в мутную холодную коломуть. Наконец-то Шура вынырнул, улыбается посинелыми губами:

— Н-нашел!

Ныряем вместе, ощупываем дощатый кузов. Находим ящики — длинные и тяжелые: даже в воде никак не поднять, правда, они в болотной слизи. А уже дышать нечем. Вынырнули. Кричу ему:

— Н-на б-берег!

Да, такие ящики мы видели возле пушек у Козьян. В затонувшей повозке, безусловно, были снаряды. Вот невезенье! И все же надо во что бы то ни стало заpastись патронами для своих станковых пулеметов.

Решили пойти по бывшей линии обороны от Глушицы до Рудни. Тут нам повезло. Хотя окопы были редки, но в каждом находили то обойму, то подсумок, даже нашли три пулеметных диска, правда, неполных. Наш арсенал за один день увеличился на шестьсот патронов!

Только мы недолго радовались. Ну, на сколько времени хватит этого прожорливым станкачам?

А посчастливилось совсем рядом с нашим Запольем. В маленькой спокойной речке Чернавке обнаружили пять деревянных ящичков, а в них цинковые запаянные коробки с патронами, ну, как те, что приняли мы с Анной Ивановной от группы красноармейцев, которые залечивали раны в нашем леску.

К этому времени запаслись и гранатами и капсулями к ним. Были РГД и лимонки, семь немецких — с длинными деревянными ручками. Так что оружия у нас, можно сказать, хватает. А тут как раз Анна Ивановна где-то раздобыла газету с речью Сталина от 3 июля. Прочитали ее — и сразу все стало на свои места. Ясно, что надо начинать вооруженную борьбу против гитлеровцев. К этому времени вернулся пешком из Донбасса мой брат Саша, а еще раньше — сестра Нина. Правда, Саше только шестнадцать, но и он стал нашим помощником: где найдет винтовку, патрон, гранату — тащит в свой «склад».

Вернулись из Витебска и Полоцка хлопцы и девчата из соседних деревень. В Глушицу пришли Евгений Крахмалов, Миша Понкратьев, Леня Овсяников, в Заполье — Тамара Лопухова, в Суровни — Толя Устинов, Тоня Иванова, в

Пономари — Лиза Козлова и Валя Сафонова. Нам стало веселее: свои вернулись, настоящие товарищи, комсомольцы!

3

Не только наши друзья-единомышленники возвращались в родные места. Приехал на подводе Абрам Горовой. В начале коллективизации его выслали, незадолго до войны он возвратился и жил в Витебске, а теперь вот явился, занял дом, который когда-то отнял у него колхоз. Во дворе на веревках и прямо на заборе висят пальто, костюмы, платья, отрезки сукна. Как будто Абрам обобрал магазин или по оставленным квартирам прошелся, прихватил с собой лучшее. Теперь вот просушивает на солнце, выбивает моль из меховой и суконной одежды...

Наши явились голые-босые. В чем стояли, в том и пришли домой. А к Евгению Павлову приехал какой-то подозрительно-скользкий, все время улыбающийся человечек, Мишкой называет себя. Так он натащил столько одежды, что Евгений теперь начал ходить разнаряженным купцом. Ну, пусть бы ходил, носил награбленное, если совесть не ест глаза. Так нет, начинает грозиться нам.

— Я, — говорил пьяный Евгений, — счет лицевой выставлю за то, что плохо жил при колхозах!

А если разобраться, то откуда было ему хорошей жизнью жить? Вечно шатался по улице — никак на работу не уговорит бригадир. Каждый день виснет возле магазина, пока не напьется. А потом пошел буянить по улице. Если зайвится на вечеринку, обязательно завяжет драку.

Были и такие, которые по-своему понимали оккупацию. Жил в нашей деревне Тимофей Пашковский, недалеко от хутора которого стояла израненная береза. В империалистическую войну был в плену, считал себя знатоком немецких порядков, а поэтому часто говорил:

— Братцы-людцы, нас немцы научат, как жить. У них аккуратность во всем, порядок. Это — настоящие хозяева, первый сорт!

Вскоре у нас стали появляться официальные оккупационные власти. Чаще приезжали из Шумилино. Там, в бывшем райцентре, немцы поставили крупный гарнизон. Создали районную управу, бургомистром назначили некоего Каяло. Начальником полиции — Бородулина, бывшего конюха райисполкома. У довоенного конюха открылся талант: он свободно разговаривал по-немецки...

Оккупировав нашу местность, фашисты сразу же начали терроризировать население, пытаясь запугать и подавить его волю к сопротивлению. В первые дни гитлеровцы схватили

и расстреляли Василия Иванова, председателя колхоза «Красный май». Такая же участь постигла директора Козьянской неполной средней школы Матвея Тимофеевича Грядовкина. Ни за что повесили Якова Иванова и многих других.

В Козьянах оккупанты учредили волостную управу. Возглавил ее самый настоящий подонок по прозвищу Сербиян. Редко кто помнил, что по паспорту он — Михаил Кузнецов. Знали, что это человек без роду без племени, прибился в наши края в годы гражданской войны. Жил один, ходил от двора к двору, пьянствовал. Высокий, сутулый, лицо морщинистое и обрюзгшее, голос охрипший, никогда не чесанные черные как смоль длинные волосы. Вот такого гитлеровцы поставили у нас бургомистром. Сербиян подобрал в волостную полицию таких же, как и сам, отпетых людишек.

Теперь вместо колхозов стали общины, назначили и старосту. Появился и первый полицейский — Евгений Павлов. Он сшил белую повязку, написал по-русски черными буквами «полицей» (сам-то Евгений во втором классе сидел три года, но так и не окончил и, безусловно, не знал начертания немецких букв). Евгений гордо расхаживал по окрестным деревням: повязка — на левом рукаве, на правом плече — винтовка. Каждое утро надо было объехать четыре деревни — Заложное, Заполье, Глушицу, Суровни — и выгнать людей на работу.

Оккупанты рьяно взялись за ремонт дорог и мостов. Им нужны были подводчики, чтобы перевозить боеприпасы, фураж. Ослушаться Евгения никто не мог. Да и обычно он приказывал идти на работу тем, кто до войны был активистом или служил в городе. Этих зло ненавидел. Страшно, что Евгений был местным: всех знал, поэтому был опасен.

Не забыли оккупационные власти и о хлебе. «Довели» сдать столько зерна, сколько мы не взяли с урожая нынешнего года. На нашу семью смотрели по-особому. Сестра Мария — член партии, работник РОНО, ушла с «красными». Я — заведующий избой-читальней, комсомолец, а перед этим возглавлял колхозную комсомольскую организацию. Саша окончил ФЗО, мол, тоже активист. Нина — комсомолка, строила аэродром для «красных». Петр, муж старшей сестры, ушел в Красную Армию. Следовательно, семья Федотовых — очень опасная для «нового порядка». А таких семей было много, и «новые власти» старались принудить их выполнять непосильную работу.

4

Полицейские, старосты, бургомистры старались изо всех сил угодить «новой власти». Сербиян ввел в волости такой порядок: провинился, ослушался — получай березовых па-

лок. Смастерил специальную скамью, полицейские срывают с тебя одежду и на голое тело сыпят удары. Первым поплатился Федор Бойков из деревни Пономари, человек уже в годах, тихий и скромный колхозник-трудяга...

Надо было немедленно вступать в борьбу. Но как? Конкретной борьбы никто из нас не представлял. Решили «прощупать» настроение каждого парня и девушки ближайших деревень. Опять-таки — как? Пришли к выводу, что надо налаживать вечеринки. В такой непринужденной обстановке человек не очень-то скрывает свои мысли и чувства. Кроме того, оккупационные власти подумают: веселятся, значит, их радует «новый порядок».

Я хорошо играл на мандолине, а она да еще балалайка в нашей округе до войны были любимыми инструментами. Под аккомпанемент их пели, танцевали, плясали. В добрые времена у нас было заведено: сегодня молодежь собирается в одной деревне, завтра — в соседней. Благо, деревни всего в полутора-двух километрах одна от другой. И мы возобновили эту традицию, к немалому огорчению стариков и женщин. Правда, иногда наши «посиделки» оканчивались не так, как хотелось бы. Врывались пьяные полицаи, требовали играть только для них, вели себя непристойно с девушками... Зато вечеринки помогли в основном выяснить, кто чем дышит.

А если что-нибудь происходило в одной деревне, то об этом легко было передать в другие. Так, назавтра вся окрестность знала о Тимофее Пашковском — том самом, который хвалил немецкие порядки. У него была огромная пасека. Приехали немцы, стали на ней хозяйничать. Взмолился старик, а потом начал возражать, пересыпая немецкую речь русскими солеными словами. И тогда офицер приказал высыпать Тимофею палок. Избили, как говорится, на горькое яблоко. Две недели не вставал он и уже никогда не хвалил немецкие порядки.

Таким образом все узнали и о том, что случилось в Заложном. К старой Митрофанихе — жене Митрофана Горового — заскакивает немец: «Матка, яйка!» — «Нетути яек, не нанесли курки», — отвечает. Он — в чулан, а там — полная корзина яиц. Немец за нее, а старуха: «Чтоб ты подавился этими яйцами, зверюга!» Остановился немец как вкопанный: «Что ты сказала?!» — спросил он по-русски. И так отстегал солдатским ремнем, прямо — пряжкой, что теперь старуха ни слова не говорит, когда в деревню нагрянут немцы: стала вроде немой...

Вот такая правда о «новом порядке» быстро распространилась по окрестным деревням, создавая истинное мнение об оккупантах и их приспешниках. Да и воспитывала в нужном духе участников молодежных вечеринок.

Конечно, чувствовали, что этого совсем мало, что больше нам по силам. Но мы ждали связного...

И вот однажды вбежала ко мне запыхавшаяся Тамара, сестра Анны Ивановны, и с ходу выпалила:

— Мишка, скорей к нам: Аня зовет!

Если зовет, то не зря. И я почти опрометью бросился к Анне Ивановне.

В передней сидел заросший, в лохмотьях человек. У ног — котомка тряпья. Много таких ходило по деревням: меняли одежду на хлеб, картошку, крупу.

— Знаешь, кто это? — спросила Анна Ивановна.

Нет, не припомню, чтобы у меня был такой знакомый. Качнул головой: мол, не знаю. Она же весело смеется:

— Так это ж Михаил Николаевич Гаврилов, заведующий школой из Хобней.

О Гаврилове я слышал, хотя школа далеко за Оболью, но в глаза его никогда не видел.

— Так вот он принес нам добрую весть: Сиротинский подпольный райком партии действует! — Анна Ивановна вся сияет, даже морщинок нет у глаз.

— Где же он, райком? — спросил я.

— Ишь, какой шустрый! — Гаврилов улыбнулся. — Много будешь знать, вот такая борода вырастет... Потом все узнаешь. А теперь — вот что.

И он повторил почти то же задание, о котором раньше говорили нам с Анной Ивановной в райкоме: ведать, чем дышит каждый человек, определить, кого можно взять в партизанский отряд, кого оставить тут на подпольную работу, собирать оружие. Посоветовал пробраться под Труды и Мехово. Там шли тяжелые бои, а значит, можно найти оружие.

— Дали бы нам сводки Совинформбюро, — сказал я с надеждой.

— Не горюй, будут и сводки! — ответил он с твердой убежденностью.

Лицо Анны Ивановны светилось радостью, и мне вскоре передалось ее настроение.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1

Гаврилов дал явку. Нам разрешалось три раза в месяц ходить на связь с подпольным райкомом в деревню Кабак — к Ивану Петровичу Михайлову. Анна Ивановна сначала ходила сама. Она берегла меня, потому что взрослого парня могли заподозрить или случайно захватить в подводчики и отправить к фронту с боеприпасами и фуражом. Оттуда возвращались редко: попадали под бомбежку, обстрел или попросту угоняли их на работу в Германию. Поэтому весь декабрь 1941 и январь 1942 года она в точно назначенные дни сама отправлялась на встречу в деревню Кабак.

Мы с нетерпением ждали ее. Карноушенко, как всегда, приносила сводки Совинформбюро. К этому времени я, Шура Пашковский и Тамара уже подготавливали бумагу, чернила, чтобы переписать их.

С какой радостью мы услышали весть о разгроме гитлеровцев под Москвой! А те приуныли, хотя появлялись в деревнях, требовали самогон, в первом попавшемся дворе стреляли кабанчика, ловили кур — и продолжали попойку. И ни слова о проигранной битве под Москвой.

Как гром среди ясного неба появилась первая наша листовка, точнее, сводка Совинформбюро с коротким комментарием Анны Ивановны. Появилась сразу в четырех деревнях волости. Полицейские на время притихли, будто и не заметили листовок из ученических тетрадок в клеточку, на-

писанных от руки печатными буквами. Нас никто не заподозрил, однако Анна Ивановна постоянно твердила:

— Будьте осторожны!

А нам так хотелось сделать что-то особенное, о котором заговорили бы буквально все. И вот на дверях домов старосты, полицейских и бургомистра приклеили коротенькие записки: «Смерть предателям Родины!». Все снова прошло будто незамеченным. Только пьяный Евгений утром грозился:

— Мы еще увидим, кому первому будет смерть!

И она пришла. Даже две смерти случились одновременно...

Двое незнакомых пришли поздно ночью в баню на окраине Заложного. Кто-то донес Евгению, тот побежал к старосте, и на рассвете они согнали всех мужчин из Заполья и Заложного к этой бане. Любопытство подстрекнуло и меня с Шурой Пашковским.

Староста с полицейским не осмеливались близко подходить к бане, гнали мужчин. А кому хочется свою голову нести под пули — вдруг там вооруженные? Наконец одного заставили подойти к низкому окошку.

— Назад! — раздалось из бани приглушенное. — Буду стрелять!

Толпа отхлынула, заметно поредела. Из бани вышли двое и несколько раз выстрелили вверх. Ни храбрый на словах Евгений, ни староста — суровый блюститель закона — не бросились к ним, а трусливо спрятались за толпу. Лишь когда неизвестные пошли к низине в сторону деревни Овсеи, Евгений со старостой рванулись к саням и помчались в Козьяны, к телефону.

А немного спустя сюда прикатили немцы на вездеходах с пушкой на прицепе. Двоих неизвестных нагнали возле реки Оболь. Рассказывали, что они отчаянно сопротивлялись, ранили несколько немцев, но сами не могли уйти: незамерзшая в этих местах Оболь преградила им путь... Кто эти смельчаки, никто не знал.

В тот же день Анна Ивановна созвала нас и прямо сказала:

— Видите, сколько времени понадобилось фашистам, чтобы примчаться сюда. Надеюсь, теперь-то вы поймете, почему я все время твержу: будьте осторожны?

Мы молчали. Кажется, начинали понимать.

И вот я первый раз иду на явочную квартиру к Михайловым. Тороплюсь, а вдруг меня не дождутся члены подпольного райкома.

Хата Михайловых — обыкновенная, такая, как все, вросшая в землю, покосившаяся, крытая соломой. И никто не знал, что это особенная, самая главная хата в нашем районе!

Навстречу мне поднялись двое. Оба заросшие бородами, глаза усталые, покрасневшие. И все же ничто не может спрятать знакомые черты! Антону Владимировичу Сипко даже идет борода: от нее этот красавец еще пригожее. Василия Михайловича Фролова она как-то старит. Видно, высоким и худощавым борода не к лицу.

Антон Владимирович шагнул мне навстречу, и мы крепко обнялись. Расцеловались как старые приятели и с Василием Михайловичем.

— А мы думали, что ты пропал! — все-таки удивлялся Сипко.

— Анна-то Ивановна ни слова не сказала, что такой парень жив-здоров! — вторил ему Фролов.

Целый вечер мы проговорили. Они интересовались буквально всем, перебрали каждого знакомого — как он да что? Сильно возмутился Сипко, когда я рассказал, что Евгений Павлов пошел на службу к немцам.

— И как только совесть позволила пойти в полицию, да еще в своей деревне?! — Фролов теребил черную бороду.

Мне нравился Антон Владимирович Сипко, всегда бодрый, деятельный человек. И теперь, когда вокруг горе, он не унывал. Сипко местный, из деревни Ушалы. За справедливость и доброту люди выдвинули его председателем колхоза, а затем — сельсовета. Война застала Антона Владимировича в должности председателя райисполкома. В каждой деревне его знали и стар и мал.

— И не страшно вам ходить по деревням? — не удержался я.

Сипко не сразу ответил, будто и не слышал моего вопроса. Потом вдруг тряхнул светло-русые волосы:

— Страшно, Миша, страшно... Да все время люди выручают. Хорошие у нас люди, отличные!

— А откуда полицейские да старосты? — недовольно проворчал Фролов.

— Не ной, Михайлович! Помнишь, у Маяковского: «Единица — нуль...»

— Эти «нули» столько людям крови еще попортят, — заметил Василий Михайлович.

— А мы с тобой для чего тут? И он, — Антон Владимирович кивнул на меня, — и тысячи других? Просто ты, Михайлович, расхворался. — И ко мне: — У нас там не царские палаты, обыкновенная землянка, притом очень сырая, простыл наш Михайлович.

Я не стал спрашивать, где это «там», потому что за последнее время усвоил правило: не говорят прямо, значит надо, так требует конспирация.

Антон Владимирович некоторое время сидел задумавшись, а затем обратился к Фролову:

— А что если нам попробовать убрать Сербияна руками его же хозяев? Состряпать письмо, в котором говорилось бы о связи его с подпольщиками, и подбросить в Шумилино. А вдруг клюнут?

Сипко ушел во вторую половину хаты и возвратился через час. Он отдал мне серый заклеенный пакет и сказал, чтобы наши хлопцы бросили его где-то в Шумилино.

— Не может быть, чтобы не клюнули, — отозвался на этот раз и Фролов.

Снова некоторое время молчали. Начал говорить Сипко, теперь строго, сурово, в его речи чувствовалась торжественная приподнятость:

— Назначаем тебя командиром разведывательно-диверсионной группы. Первое задание: уничтожить телефонно-телеграфную связь от Суровней до Корости. Спилить столбы, проволоку убрать. Чашки побить. Только — осторожно. Осторожность — наш первый помощник. Запомни это, Михаил!

Они передали мне и сводку Совинформбюро — на пяти страницах ученической тетради. Было уже поздно, отправляться в свою деревню опасно — пришлось ночевать. А утром решил не идти по прямой дороге, чтобы было непонятно, откуда возвращаюсь.

Перешел лесок, кустарник вывел меня на дорогу между Щербаками и Заложным. И тут нос в нос столкнулся с Сербияном.

— Тпру-у! — он натянул вожжи, и вороной жеребец остановился, кося на меня глазом и беспокойно прижимая уши.

Зато сам хозяин был спокоен. В добротном тулупе, в меховой шапке, он вовсе не походил на довоенного оборванца. Пополнел, на лице морщины разгладились. От прежнего Сербияна осталась лишь кудрявая черная прядь, нависшая над левой бровью, да мешки под глазами: теперь он пил еще больше.

— Кто такой? Откуда идешь?

Он не узнал меня, видно, потому, что я последние полтора года работал в чужой деревне и не часто заглядывал домой.

— Сам из Заполья. А иду из Кабака, от сестры.

Аркадий Яковлевич Марченко.

Антон Владимирович Сипко.

Анна Ивановна Карноушенко.

Справа налево: (в первом ряду) А. Я. Марченко, Е. А. Козлов;
(во втором ряду) С. М. Короткин, Я. Х. Сташкевич.

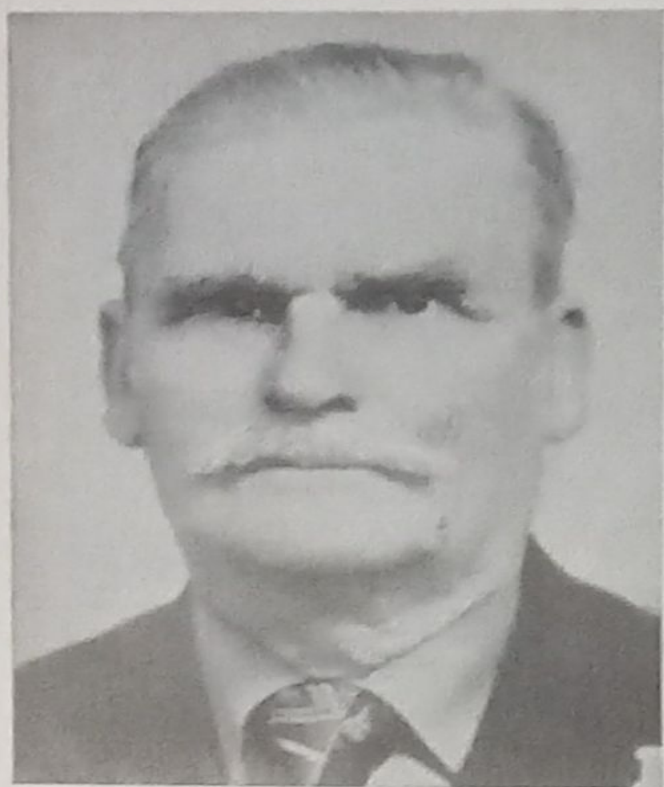
Георгий Сергеевич Петров.

Александр Савельевич Смольков.

Иван Петрович Михайлов.

Иосиф Сидорович Гуков.

Семен Семенович Черкунов.

Владимир Кузьмич Шенделев.

Константин Егорович
Пашковский.

Анатолий Михайлович Устинов.

Валентина Ефремовна Сафонова.

Лидия Николаевна Максимова.

Валентина Федоровна
Пашковская.

Антонина Ефимовна Иванова.

Юные разведчики Владимир (слева) и Виктор Федотовы.

Владимир Иванович Иванов.

Петр Владимирович Иванов.

Валентина Федоровна Лопухова
(по мужу Соловьева).

И хорошо, что только наполовину соврал. Подкатили двое саней, полные полицейских. Тут и Евгений Павлов.

— Кто-нибудь его знает? — голос Сербияна прежний — охрипший, будто исходит не изо рта, а из толстого теперь брюха, укутанного овчинным тулупом.

— Знаю как облупленного! — отзывается Евгений.

— Кто у него в Кабаке?

— Кажется, сестра двоюродная, — услужливо отвечает Евгений, стоя навытяжку перед бургомистром.

— Зачем ходил?

— Хлеб вышел, а есть хочется...

Сербиян молча бросил суровый взгляд на Евгения.

— Так точно, семья большая, а хлеб весь мы подмели, чтобы рассчитаться с властями.

— Ты смотри мне! — Сербиян потряс ременным кнутом. — Нечего тут шататься, бабы на это есть. А ты работай!

Он отпустил вожжи, жеребец рванул вперед. Вслед за разукрашенным возком засеменяли лошади с полицейскими.

И тут только я пришел в себя. Догадались бы обыскать — и все. Сводка Совинформбюро за вчерашний день и письмо, подготовленное Сипко на этого же самого Сербияна, лежали в моем нагрудном кармане. Не додумался спрятать подальше. А порвать все равно не успел бы: сделал буквально десяток шагов по дороге — и Сербиян вдруг из-за поворота появился передо мной...

Вот и еще один урок об осторожности, о которой постоянно твердит Анна Ивановна, а вчера предупреждали Фролов и Сипко. Кажется, все обдумал: в мешок для доказательства положил две буханки хлеба, фунта четыре ячневых круп, а самые главные улики неосмотрительно сунул в карман.

Спустя несколько дней Шура Пашковский повез сдавать зерно в Шумилино и «случайно обронил» письмо Сипко на железнодорожном переезде. Оно сыграло свою роль. Сербияна вызвали в комендатуру и вскоре расстреляли. Труп его долго валялся около переезда.

3

Второй день стоит морозная погода, а к вечеру разбушует такая метель — в полдесяток шагов ничего не видно. Это и хорошо. Мы переписали сводку Совинформбюро. Обычные чернила растекаются от мокрого снега и на сводке ничего не остается, поэтому расклеиваем перед рассветом, когда уляжется вьюга.

В эти метельные ночи была еще необычная работа. Я уже

подобрал ребят, рассказал им о задании подпольного райкома партии. И теперь мы точим пилы и топоры. С топорами то — полбеда: нет точильного камня, обычный кирпич шел в дело. А вот с пилами — настоящая беда: нет подпилков, чтобы наточить зубья, нет разводного ключа, чтобы навести пилу... Помог отец, как только узнал, для чего нам пилы. Он достал последний новый подпилочек, который, как драгоценность, хранил на самом дне сундука, и сел у окна за работу. Скупо-споровистым движением руки он посыпал подпилочек на зубья, серебристые опилки мелко сыпались на пол. Казалось, отец играет на каком-то инструменте, а новый подпилочек вроде смычка.

Поздним вечером, когда всю разыгралась метель, мы уехали на трех подводах. Лошади шли понуро, мы — десять парней — порядком продрогли, пока проехали три километра. Последний пришлось бежать, чтобы согреться.

Вот и линия, идущая на Городок. Она, конечно, из-за метели не видна, угадывается лишь по унылому завыванию проводов.

— Ну, ребята, приступаем! — подал вроде команды.

Я в паре с Шурой Пашковским, Михаил Понкратьев — с Леонидом Овсяниковым, Петр Максимов — с Михаилом Козловым, Степан Пашковский — с Евгением Крахмаловым, мой брат Саша — с Костей Пашковским, Шуриным однофамильцем.

Ветер дул от дороги, и нам легко работалось. Столб, подпленный до половины, трещал и клонился, натягивая провода. Некоторые, подгнившие, падали под тяжестью соседних, которые натягивали проволоку. И вот уже столбов двадцать лежат на снегу между Суровнями и Коростью. Правда, это только половина задания. Вторая оказалась более тяжелой. Сипко приказал обязательно побить чашки, смотать провода и подальше запрягать их. Сечь провода — плевое дело: Шура подставлял обух, я ударял своим. Легко было крошить и фарфоровые изоляторы. Зато изрядно намучились, пока сматывали проволоку. Поцарапали руки, порвали одежду. Наконец закончено.

На всех трех подводах теперь везем мотки проводов. Идем пешком, уставшие, мокрые от пота и снега. Лошади, видимо, почувствовали, что путь к дому, пошли спорым шагом, и мы еле успеваем за санями.

Свернули с дороги к кустарнику на лугу Чернавки. Вот и знакомая «испарина» — черная промолна среди льда. Звеня, летят туда стальные мотки, глухо всплескивают воду и уходят на дно.

Первое задание подпольного райкома партии было выполнено.

А вьюга не унимается. Это и хорошо: не надо маскиро-

вать следы: до утра их зашпакует щедрая февральская метель.

Спустя несколько дней, подобрав такую же вьюжную ночь, наша группа уничтожила линию связи Козьянской волости с районной управой между Дрожаками и Ямищем.

Сейчас эти диверсионные операции могут казаться обычными, но в то время по большакам, вдоль которых проходила телефонно-телеграфная линия, в любую погоду взад и вперед сновали немецкие автомашины. Нам приходилось то и дело залегать в снег, пока мимо проплывет зыбкий свет нащупывающих фар, и снова браться озябшими руками за топоры и пилы.

Мы, еще не опытные, шли на риск, точнее, на верную смерть. Но ненависть к врагу была выше боязни за собственную жизнь.

4

Подпольный райком партии дал нашей патриотической группе новое задание: послать кого-либо на работу в сельскую общину — полицейским или другим служащим. Правда, есть еще и должность писаря. Анна Ивановна и я переговарили с членами группы, но все наотрез отказались.

Что же делать? Как выполнить задание райкома? А оно немаловажное: нужно знать, что намерен враг предпринять сегодня, завтра, в ближайшем будущем. Решили присмотреться к другим ребятам, может, кто-нибудь все же согласится пойти работать в полицию. Опять перебрали всех односельчан — никто не хотел идти на службу к врагу.

Услышали, что староста задумал сделать сельскую общину образцовым, солидным учреждением. Значит, ему нужен будет не только писарь, но бухгалтер и счетовод. А член нашей группы Толя Устинов как раз накануне войны окончил курсы бухгалтеров. От рождения у Толи физический недостаток — хромой он. Нужна была для него работа сидячая, вот колхоз и послал когда-то на курсы Устинова.

Я привел его к Анне Ивановне. Толя обиделся:

— Да за кого вы меня принимаете? Пойти работать вместе с предателями?!

— Вот и хорошо, Толя,— мягко сказала Анна Ивановна.— Райком будет подробно знать, что затевают немцы. Через твои руки будут проходить почти все приказы, распоряжения, иная документация. А ты это через нас — в подпольный райком!

Долго мы уговаривали Толю Устинова. И он сдался, наконец, пошел к старосте. Как же тому было отказаться от такого грамотного парня, который сам же предлагает услуги?

Бывало, Толя неохотно посещал вечеринки, и понятно: стеснялся хромоты. А теперь — постоянный участник всех наших «гулянок». Что нужно, передает нам, а мы — в райком.

Однажды он пришел чуть позже, явно встревоженный. Присел рядом со мной, попросил закурить, хотя раньше не баловался махоркой. Я насыпал в оторванную бумажку самсада, а он шепчет:

— Выйдем, дело срочное.

Вечер был тихий, оттепель, а Толя вздрагивал, хотя на его плечах бараний тулуп. Цigarка раз за разом мигала в его губах. Мы отошли за три хаты от той, где были посиделки. И только тогда Устинов рассказал, что староста и полицейский составили списки активистов и в понедельник должны отвезти в районную управу: их затребовал сам Каяло, шумилинский бургомистр.

— В списках пятьдесят два человека, — голос Толи Устинова дрожал. — И ты там с отцом, и Анна Ивановна, и все наши хлопцы и девчаты.

Сегодня суббота. Через день списки «неблагонадежных» должны быть на столе у Каялы. Как отвести беду? Долго думал. А что если пойти на внеочередную связь с райкомом?

Я отправил Толю на посиделки, а сам побежал к Анне Ивановне. Она еще не спала, сидела за швейной машиной, щупленькая, худенькая. Слабо мерцала керосиновая лампа, подвешанная к балке. Кроме обычной платы — стакана льносемя — срочные заказчицы раздобывали для Анны Ивановны полбутылки керосина. Дни сейчас короткие, а при лучине не много нашьешь.

— Что случилось, Миша? — она вдруг увидела на моем лице тревогу и вскочила со скрипучей табуретки.

Я рассказал все. На бледном лице Анны Ивановны тревога задержалась только на какую-то минуту. Затем она встряхнула черными пышными волосами:

— Надо идти на связь! Может, что-нибудь они придумают... Тебе нельзя. Я сама отправлюсь завтра же перед рассветом. Если что — несю платье менять на хлеб, — и тут же вынула из шкафа самое лучшее свое платье.

Я знал, что оно — светло-кофейного цвета, так идущее к ее лицу — подарок мужа в день рождения сына.

Дождались Анну Ивановну только в полдень. Она, переступая порог, улыбнулась нам, и на сердце отлегло.

— Все в порядке. Антон Владимирович сказал: «Иди домой, и пусть там не беспокоятся».

Устало опустилась на скамью, сняла платок. Волосы — вроде не ее, не пышные, прилипли к голове, к затылку, к потным вискам. Она спешила обнадежить нас доброй вестью.

В понедельник Толя Устинов пришел ко мне и рассказал, что накануне, когда смеркалось, в дом старосты вошли трое. Незнакомые потребовали списки, которые нужны были Ка-яле. Староста начал выкручиваться: мол, никаких списков нет. Затем вызвал к себе Евгена. Видимо, хотел припугнуть их полицейским. Тот явился при всей форме, и его сразу же обезоружили. Видя, что перед ним партизаны, староста отдал списки, уже запечатанные в конверт. Незнакомые не порвали их, а сказали, что если хоть один человек из этих пятидесяти двух будет тронут, семьи старосты, полиция и даже дальние родственники их будут уничтожены. Пожилой партизан положил списки в карман.

Староста и полицейский молчали, не поднимали тревоги.

Как мы узнали позже, это были Федор Шляхтунов, Абрам Щербаковский и Адольф Эрдман — люди из группы Сиротинского подпольного райкома партии.

5

Трудовской гарнизон, расположенный в поселке километрах в двадцати от нас, стал действовать очень активно. Подпольный райком партии решил разведать силы вражеского гнезда. Идти на это задание мне или кому-либо из наших ребят опасно. Мы уже были научены на горьком опыте Шуры Пашковского. Он перенес тиф и был острижен наголо. В соседней деревне его захватили немцы и погнали в лагерь военнопленных в Старое Сиротино. Больших трудов стоило и родственникам и нам, чтобы доказать, что Шура никогда не был в армии. Вообще появляться в чужих деревнях, тем более в Трудах, мужчинам стало опасно.

На выполнение очередного задания райкома партии отправились Анна Ивановна и моя мать. Она уже догадывалась, что я где-то часто пропадаю с ребятами, допытывалась у отца. Тот молчал, хотя ведал некоторые наши тайники: мы на всякий случай показали их сейчас ему. Знал он также и о диверсии между Суровнями и Коростью. А сейчас Анна Ивановна посвятила и мою мать в наши дела. Идти одной Карноушенко нельзя, мало ли что может случиться, а вдвоем с пожилой женщиной не так подозрительно. Кроме того, у обеих там много родственников — вот и причина для отвода чужих глаз...

Так моя мать, Екатерина Семеновна Федотова, стала связной Сиротинского подпольного райкома партии.

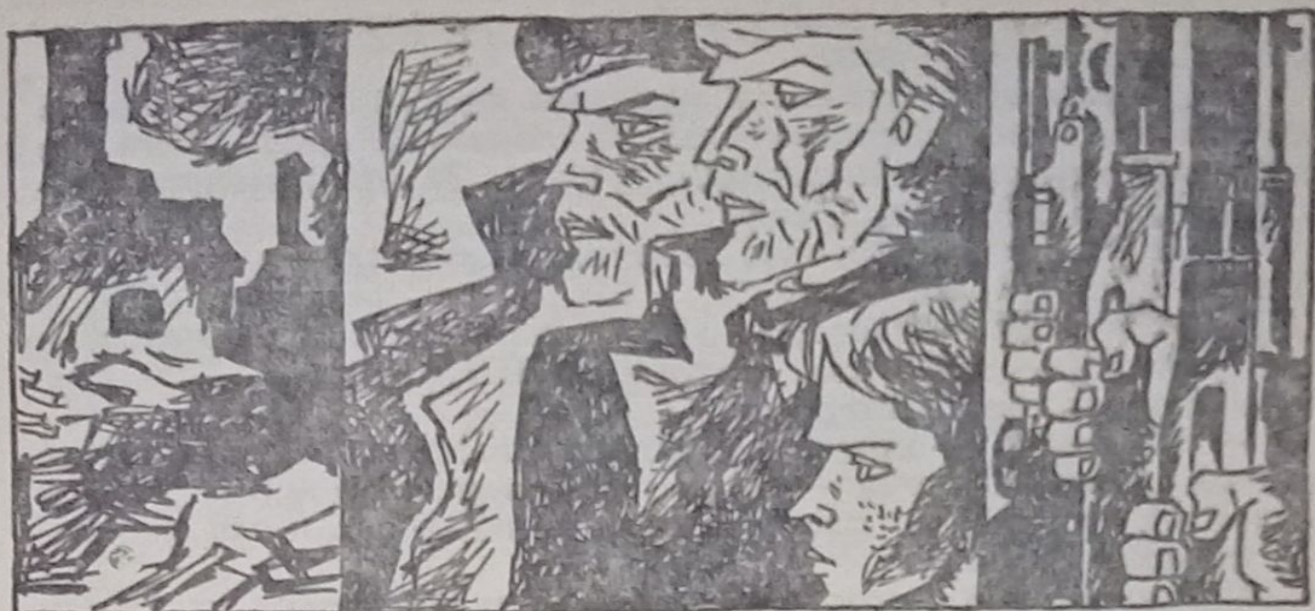
Мы уже не думали их увидеть: ждали на третий день, а они пришли на исходе четвертого. Хотя мороз, а вернулись до нитки промокшие. Обходя на обратном пути федоровский

гарнизон, пошли напрямик через Оболь, попали в польню и еле выкарабкались на берег.

А вообще-то им повезло! Ночевали у Василия Павлюченко, племянника матери. Он, кадровый военный, попал в окружение, но не мог сидеть без дела. В Трудах связался с подпольной группой — распространяли листовки, рассказывали людям правду, вели разведывательную работу в гарнизоне. У них уже есть и схема укреплений Трудов, и другие данные, которыми интересовался подпольный райком партии.

Василий Павлюченко передал нам пять листовок, сброшенных с самолета, которые подобрали трудовские подпольщики.

И схему укреплений, и данные о вооружении гарнизона, и четыре листовки Анна Ивановна понесла на центральную явку Сиротинского подпольного райкома партии.

ВОЕННАЯ ВЕСНА

1

Снег бурно таял, на полях появились проплешины, оголились склоны бугров и лесистых погорков. Мы снова начали поиски оружия и боеприпасов. Правда, сейчас нам мало сопутствовала удача. Найдешь винтовку — два дня проводишь, пока приведешь ее в порядок: ржавчина густо покрыла металл. Патроны тоже приходилось чистить. И все-таки наши тайники пополнялись.

В начале апреля к нам в деревню пришли долгожданные гости. Дело было часа в два дня. Дверь с шумом отворилась, и на пороге — Тамара Лопухова:

— Миша, тебя зовет Аня.

Анна Ивановна никогда не беспокоила попусту, и я побежал к ней.

— Что такое? — спрашиваю.

Она показала на чердачную лестницу:

— Полезай, там тебя ждут! — в голосе радость.

Быстро поднялся, осмотрелся, вижу: на соломе полулежат двое.

— Давай сюда, орел! — голос знакомый, а кто — не могу понять.

Наконец, попадаю в объятия Антона Владимировича Сипко. Рыжая, настоящая стариковская борода щекочет мое лицо. Затем Антон Владимирович знакомит меня с товарищем:

— Шляхтунов! — коротко бросает незнакомец, тоже заросший черной бородой.

Оба в зашмальцованных военных фуфайках, уже давно утративших свой первоначальный зеленый цвет. Зато не скажешь, что они сумрачны, угрюмы. И эта жизнерадостность передается мне.

— Ну, докладывай, чем вооружены ребята, — приступает Сипко к делу.

— Винтовок — двадцать три, станковых пулеметов — два, ручных — тоже два, автоматов ППД — пара. Есть гранаты, восемь тысяч патронов...

— Молодец! — прерывает Антон Владимирович, обнимая правой рукой за плечи. — Я же тебе говорил, Федор, — второй рукой он треплет по плечу Шляхтунова, — с такими ребятами не пропадешь!

Рассказал я и о том, что наши люди находятся на территории бывших колхозов «Красный партизан», «Красный Октябрь», «Ленинский луч» и «Большевик», а всего в группе человек около пятидесяти.

— А точнее? — хмурится Шляхтунов.

— Не могу точно назвать. Я знаю семнадцать, а каждый из них имеет еще товарища или двух.

— Конспираторы! — замечает Шляхтунов с иронической усмешкой.

— Да брось ты, Федор. Молодцы, ребята! Зачем каждому знать всех. Даже руководителю не обязательно. В случае провала организация останется жить. Отлично, что вот так конспирируетесь! — Он снова обнял меня за плечи.

Антон Владимирович расспросил о ребятах, чьих отцов ведал по довоенному времени. А потом сказал:

— Готовьтесь. С наступлением теплых дней начнем громить фашистов по-настоящему!

— А когда? — нетерпеливо вырвалось у меня.

Он похлопал меня по коленям:

— Не горячись. Придет время — скажем.

Не забыл я передать Антону Владимировичу и такую новость: сегодня вечером назначается общинное собрание. У старосты уже с обеда пьянствует представитель райуправы из Шумилино.

— Видимо, разговор пойдет насчет распределения земли. Так что, Михаил, давай-ка загляни, послушай, о чем будут говорить эти паршивцы.

— Эх, ковырнуть бы этого представителя! — отозвался Шляхтунов и вздохнул. — Да вот время еще не настало...

— Так что, Миша, иди на собрание. — Сипко с усмешкой оглядел захламленный, в паутине чердак. — А оттуда — в эту резиденцию. Доложишь нашему штабу, как там пекутся о крестьянине, бывшем колхознике.

Я посмотрел на них, заросших щетиной, и вдруг мелькнуло в голове:

— Сегодня суббота, может, баню истопить, помылись бы...

Сипко снова обнял меня за плечи:

— Спасибо, Миша. Четыре месяца не мылся в настоящей бане. Истопи, пожалуйста.

Дело недолгое — натаскать воды, принести дров, затопить печку, если это делаешь не один. А нас было трое: Шура Пашковский, Тамара и я.

Только разжег печку, во двор заглянул Евгений:

— Немедленно на сходку!

— Еще рано, — возразил я.

— Людям в район добираться нужно, а тебе, на печи сидячи, конечно, рано.

Собрание длилось не больше получаса. Староста полупьяным голосом читал список. Этому — полный надел, этому — тоже. Федотову — не дать: дочка коммунист, сын — комсомолец. Анне Карноушенко — не дать: жена командира Красной Армии. Таких, которых лишали земельного надела, набралось семей пятнадцать. Присутствующие на собрании подавленно молчали. У двери стоял Евгений со своими дружками, пришедшими по распоряжению бургомистра из других общин. У каждого на левом рукаве белая повязка, на правом плече — винтовка.

Баня еще дотапливалась, когда я заглянул к Анне Ивановне. Сипко и Шляхтунов были по-прежнему на чердаке. Полез туда, рассказал им о собрании.

— Да-а, — протянул Антон Владимирович, — этого и ожидал райком. Иначе быть у них не могло...

— Мы некоторым выделим земли! — с угрозой сказал Шляхтунов. — Два аршина на брата — и точка! — Он хлопнул своей широкой ладонью по колену, будто выстрелил.

Анна Ивановна, я и Тамара смотрели за улицей и дорогой, пока Сипко и Шляхтунов парились в бане. Долго парились. Я уже начал опасаться, не случилось ли чего, заглянул в предбанник.

— Не гони, ради бога, не гони, Миша! — ворочаясь на полку и хлеща себя веником, кричал Сипко. — Такое удовольствие нескоро еще получу. Так что извини, браток...

Я отнес в баню свежее белье, которое достала из своего шифляда Анна Ивановна. Наконец появились и они сами, посвежевшие, помолодевшие.

На рассвете я пришел проводить их. Уговаривали остаться, побыть денек в этом гостеприимном и надежном месте, но они наотрез отказались. Когда вышли за околицу, Сипко проговорил, будто оправдываясь:

— Ох, с удовольствием бы остался на денек-другой. Но вдруг нарвутся немцы? Нельзя накликать беду на таких людей.

А по дороге их самих постигла неудача. Благополучно минули Заложное и Шербаки. За Рыбчином им встретился местный полицейский. Он их даже не остановил, но уж больно подозрительно вглядывался в бородатых незнакомцев, будто вспоминал что-то. Сипко узнал его, слышал, что тот стал полицаем. И как только деревня осталась далеко позади, они почти бегом устремились к Мишневичам. Только бы перебраться через Оболь, а там — ищи ветра в поле...

Полицейский в это время наконец-то вспомнил, кто тот — с рыжей бородой. Сипко! Сам Сипко, за голову которого комендатура награждает десятью тысячами марок! И хотя жалко их делить на двоих, но одному не задержать бородачей. Он заглянул к знакомому полицейскому.

А Сипко и Шляхтунов уже забежали в Мишневичи, вскочили в дом подпольщика Якова Зуева.

— Спасай, братец, за нами, кажется, погоня!

Яков хотел брать лодку, чтобы переправить их на тот берег, но Сипко запротестовал. Среди белого дня кто-нибудь с подленькой душонкой увидит и донесет — погибнет Зуев. Решили спрятаться в сарае. Но только хотели выскочить во двор, как показались на улице полицейские...

Те обшаривали каждую хату, но нигде никого не находили, никто не видел двух бородатых. Зуев широко распахнул дверь перед полицейскими.

— Заходил кто? — накинулся на него один из них.

— Нет, сегодня никто не был. Правда, заходил сосед, покурил и ушел. Позавчера меняла был, да у меня хлеба — хоть шаром покати.

— Не дури ты головы, Ленька, — зло отозвался второй полицейский с припухшими глазами. — Померещилось спьяну, и ты мне выспаться не дал.

Они, матерясь, вышли за дверь.

А Сипко и Шляхтунов стояли за шкафом, держа наготове пистолеты. Хозяин дома им никуда не разрешил прятаться, рассудил так: если их обнаружат, то, выстрелив, они могут бежать; если же спрятать под полом, вряд ли оттуда можно уйти живым. А ему, Якову Зуеву, и его семье во всех случаях — одна кара.

В тот вечер и я чуть не попался. Уже несколько раз приставал ко мне Николай Салопаев: возьми да возьми мои винтовки, тебе, мол, говорят, они нужны. Отказывался, как мог, какое-то чувство подсказывало: неспроста набивается оружием. Хотя хорошо знал Николая: вместе учились, поступали в пионеры и в комсомол, а вот почему-то не доверял ему. Но когда он сказал, что у него винтовки не обыкновенные, а полуавтоматические, то согласился.

Смеркалось, когда подходил к Горелой Гряде. Трижды свистнул — в ответ тоже трижды. Выходит Салопаев, за спиной две винтовки. Да, действительно, таких нет у нас.

— Только когда в партизаны пойдем, ты мне одну вернешь. Одну — мне, другую — тебе. Договорились?

Я молча кивнул: и такое для нас выгодно.

— Ну, так пошли спрячем, — говорит он.

— А что, один не донесу две винтовки?

— Показали бы свое оружие. Все говорят, что много его у вас...

— Знаешь что: возьми-ка свои кочерги да топай, откуда пришел!

— Да что ты? А вдруг не отдашь одну, когда пойдешь в партизаны, — начал путаться он в объяснениях, — хотел бы знать, где остальные.

— Много будешь знать — борода вырастет! — Я не на шутку рассердился, сдернул винтовки с плеча: — Получай!

— Ты что, ты что? — попятился Салопаев. — Сказал же: бери себе...

Пользуясь темнотой, я отправился домой, неся на плече две СВТ. Зашел к Шуру, показал винтовки и рассказал о своих подозрениях на Салопаева.

— Вот это — да! — воскликнул Пашковский, рассматривая новенькое, аккуратно смазанное оружие. — И где он только хранил их? Ни царапинки, ни «веснушки» (так Шура называл мелкие пятнышки ржавчины).

Утром мы пошли в лес испытать новые винтовки. Зарядили полные магазины.

— Ну, так бьем в десятку, — предложил Пашковский и тут же скомандовал: — Огонь!

Сухо кляцнули затворы.

Мы недоуменно переглянулись. Оттянули затворы: капсулы патронов были не тронуты.

— Что за черт? — отозвался Шура. — Давай еще попробуем.

Нажали на спуск — вразнобой щелкнули пружины. Выстрелов нет. Стали внимательно рассматривать затворы. И тут обнаружили, что бойки спилены. По тому, как блестел металл, можно было судить, что их сняли совсем недавно.

Выходит, меня хотели спровоцировать: узнать, где находится мой тайник с оружием! Вот тебе и косо́й Салопай! Я готов был в ту же минуту бежать в Колышки и отомстить подлецу. Шура удержал меня:

— А ты не выдавай себя. Пусть думает, что ничего не знаешь: попался, мол, на крючок и висишь. А невдомек косо́му, что на крючке он сам!

Истинное свое лицо Салопаев показал значительно позже.

3

К маю уже оделся лес — такого не помнят и старики! Стало тепло, как летом. Кто имел надел земли, начал сеять. Мне же приходилось лишь помогать соседям. Свободного времени было много, и мы с Шурой решили проверить свои тайники, если надо, смазать оружие. Недавно при встрече Сипко сказал:

— Смазывайте винтовки, латайте штаны, чините сапоги!

Сказал хоть и с улыбкой, но серьезно. Предупредил, как надо сделать, чтобы после ухода нас в партизаны не пострадали от гитлеровцев наши семьи. Придут ночью «неизвестные» и сделают вид, что насильно забирают. А кто они: партизаны или полиция — откуда кто знает...

В наших тайниках был полный порядок. Правда, некоторые винтовки сверху были в мелких «веснушках», зато каналы стволов отличные. Мы снова положили свежую смазку на металлические части и замаскировали свои «склады».

Надо было думать про обувь. Армейские сапоги я нашел в лесу еще летом. Но уже в начале весны они стали пропускать воду, а вскоре и совсем, как говорят, полетели переда. Помог Сергей Иванов, сапожник из Суровней — наш дальний родственник. Он сказал, что подклейки голенищ вполне подойдут для передов. А вскоре передал мне переделанные сапоги и, улыбаясь, спросил:

— Не в партизаны ли наострил носки, племянничек?

— Да не слышно их в наших краях, — ответил нехотя.

Шура тоже нашел себе обувку.

Остановка за одеждой. Была у меня военная шинель. Я отнес ее к Анне Ивановне, чтобы покрыла ею старенький кожушок. Но она не успела закончить работу. Помешал случай с подпольщицей Ларисой Коптеловой.

Это было как раз в пасхальные дни. В лесу, недалеко от Труховки, ее встретили двое в военной форме. Слово за слово — разговорились, поняли, что ей можно доверять. Рассказали, что пробираются за линию фронта, но в стычке с немцами товарищ ранен, мол, принесла бы продуктов, скорее поправился бы. Бойкая на язык, Лариса обежала несколько хат и собрала полную шапку крашенных яиц и других про-

дуктов — кто что давал. С братом она и понесла на опушку все собранное.

Утром следующего дня Ларису вызвали в Козьянскую волость. Кто-то донес, что она собирала по деревне красные яйца для неизвестных, прятавшихся в лесу. Долго допрашивали, но Лариса твердила, что она выдумала все это, чтобы собрать для своей семьи больше продуктов. Гитлеровцы не поверили и присудили ей двадцать палок. Над смелой подпольщицей нависла смертельная опасность.

Встревожилась вся деревня. Наша группа думала-гадала, что предпринять. Анна Ивановна посоветовала собрать подписи о «благонадежности» Ларисы. Подписи помогли, но не совсем. Все-таки ей досталось двенадцать палок на широкой скамье.

Привезли оттуда чуть живую. Целый день изо рта шла кровь. Анна Ивановна ухаживала за избитой. Вот и не хватило ей времени, чтобы покрыть солдатским шинельным сукном мой старенький кожушок.

Наконец, вся наша группа была полностью «обмундирована». Мы ждали каждую ночь связного райкома. По двое дежурили во всех деревнях, чтобы нечаянно не пропустить долгожданный момент. А посланца все нет и нет. Когда я пошел на очередную связь, на явке мне повторили то же: «Ждите, скоро придет...»

Май уже был на исходе, точнее, это было 29 мая. Рано утром постучался в окно Шура. Он как раз в ту ночь дежурил по деревне. Оказывается, через Заполье только что проехали около полсотни немецких велосипедистов. Мы забеспокоились. Местность наша отдаленная, куда же они могли поехать? Посылаю Шуру в лес, на Рынок: оттуда хорошо просматривается дорога. Вскоре он вернулся:

— На Козьяны поехали, — и тут же добавляет: — Дальше Красомая дороги для них нет, там болото, — он покашливает многозначительно, а потом подмигивает, встряхнув курчавыми белесыми, давно не стриженными волосами: — Значит, будут возвращаться.

— Дадим? — я тоже подмигнул Шуре.

— Дадим! — аж подскочил он.

Побежали к Анне Ивановне. Стали доказывать, что это самый подходящий момент устроить засаду, а она улыбается:

— Вообще-то неплохо бы их поугагать. Чтобы боялись в следующий раз ездить по нашим деревням, да еще в такую рань. Давайте, ребята!

А меня уже ждут Костя Пашковский, мой брат Саша и Тамара Лопухова. Девушка она смелая, как ей откажешь и не возьмешь на первую боевую операцию?

Побежали мы к своим тайникам, схватили по винтовке, патронов набрали в карманы, и вот уже все на Рынке. Место преотличное: внизу речка, а здесь, на стромком берегу, лес — толстые деревья в два обхвата. Говорят, что когда-то тут был разбит французский лагерь, а солдаты галдели так, как женщины на рынке. С тех пор и прозвали это лесное урочище Рынком.

Местность впереди открытая. Далеко видны деревни, каждый погорок и ложбинка хорошо просматриваются, а главное — дорога как на ладони. Та, которая ведет к Тижме. Правда, деревня закрыта горой. Ее так и зовут — тижманская.

Видим, немцы появились в Рудне, возвращаются. Поблескивают на солнце спицы их велосипедов.

— Приготовиться! — подаю команду.

Ребята ловко загоняют в магазин по четыре патрона, пятый легонько досылают в канал ствола. Сразу видно: неплохо занимались в школьных кружках «Ворошиловский стрелок»!

Первый велосипедист сверкнул спицами на тижманской горе.

— Ложись! — приказываю и сам падаю за толстую сосну. Слева от меня тоже толстое дерево.

Ребята залегли. Возле меня неразлучный Шура Пашковский, дальше — Костя с Сашей. Видно, боятся: лежат рядышком, бок о бок. А слева от меня — Тамара Лопухова, тоже с винтовкой.

— Ты хоть стрелять умеешь? — спрашиваю.

— Если забыл, увидишь.

Она, конечно, обиделась: закусил нижнюю губу, вовсе не смотрит на меня. А мне всегда почему-то нравится, когда она зажимает вот так легонько нижнюю губу.

Хочу сказать ей что-то хорошее, ну хотя бы то, что знаю: вас, девчат-сандружинниц, хорошо обучали военному делу на фабрике «Знамя индустриализации» в Витебске, ты и два значка имеешь — «Ворошиловский стрелок» и «ПВХО». Только у меня смелости не хватает сказать: хлопцы рядом, станут потом дразнить женихом и невестой.

Да и некогда уже говорить, немцы появляются, некоторые едут по два в ряд. Вот и последние взбираются на гору. Им тяжело: большие багажники нагружены чем-то. Конечно, награбленным. Гады, специально приделали такие багажники, чтобы больше туда положить людского.

Еще минута — и я подам команду открыть огонь, пусть только последний проедет ольховый куст, чтобы все фашисты были как на ладони.

И вдруг над нами запели пули, сбили зеленые листья, сыпанули иголками, щелкают в толстые стволы. Там, на горе, заливаются пулеметные очереди, гулко бухают винтовки.

Значит, нас обнаружили. Далеко все-таки, а заметили...

Немцы, побросав велосипеды, залегли в кювет и бьют из автоматов. Но почему они стреляют не по Рынку, а в противоположном направлении — в сторону Тижмы? Пули же свистят над нами.

Послышалось громкое «ура!». Немцы вдруг подхватились и, приседая, отстреливаются из автоматов, пятятся сюда, к Чернавке, на стромком берегу которой — на Рынке — лежим мы.

А на горе, где поблескивают спицами колеса велосипедов, появляются какие-то люди. Они бьют из винтовок, гонят немцев к реке. Пули теперь не свищут над нами, видно, бьют по самому обрыву.

— Ну, хлопцы, держись! Наша очередь. Ого-онь!

И мы ударили по реденькой цепочке, отступавшей к Чернавке. Напротив меня бежит немец. Он боязливо оглядывается, норовит вскочить в ольшаник. Мушка моей винтовки никак не попадает в прорезь прицельной рамки, а попадет — немца теряю. Наконец он на мушке. Нажимаю на спусковой крючок. Раздается выстрел, а немец бежит, как бежал. Ну, стой же, сволочь! Торопливо стреляю несколько раз, он падает, не добежав до ольшаника. Пока перезарядил винтовку, его уже не видно: уполз, гад. Но, видимо, все-таки я ранил его.

А Тамара с Шурой бьют по человеку в штатском. У него автомат, и время от времени он оборачивается и посылает короткие очереди по тем, кто стреляет с тижманской горы. И ему все-таки удалось вскочить в кустарник.

Зато от наших пуль падает один немец, затем и второй как-то неуклюже подался вправо, завертелся на одном месте и свалился в луговую траву.

Перестрелка утихла. Те, что обстреливали немцев с тижманской горы, торопливо хватали их велосипеды и катили на противоположную от нас сторону. Через минуту на дороге остались одни лишь трупы, они были и рядом, на лугу.

— Ребята! — почему-то шепотом сказал я. — Винтовки запрячем и быстро в деревню. Кто сушняк берет на дрова, кто — травы...

Пришли домой, сидим, настороженно ждем. Вскоре появляется человек десять немцев. Все без велосипедов, автоматы только у троих. Жадно набросились на воду у колодца, и

тут же, на ходу вытирая платками потные и грязные лица, почти бегом торопятся дальше. Забежал к нам один, с серебряными погонами. Правый погон болтается только на пуговице.

— Матко, млеко!

Сестра Лида как раз ночевала у нас, она и поднесла ему кринку, полную молока. Он жадно выпил, в спешке пробормотал что-то и выскочил за дверь.

На улице появлялись любопытные, и мы выбегаем к воротам. Не терпится выведать, кто все-таки разбил немцев на тижманской горе. Вижу, по улице прохаживается Евгений Павлов. Это хорошо: не скажет, что мы обстреливали немцев.

Часа через два мы уже знали, что в Пономари пришли партизаны, сбили замки с амбаров, в которых «новые власти» хранили хлеб, и раздали его населению. Кто-то подсказал, что рано утром на Козьяны поехали немцы. Вот и сделали наши засаду у самой горы. Во время боя убили 14 гитлеровцев, захватили одного пленного, около тридцати велосипедов и ушли. Остальные немцы удрали к суровенскому кладбищу, оттуда на дорогу, что ведет на Старое Сиротино.

Нужно было выяснить, что за партизаны, откуда появились, куда ушли, и сообщить об этом в райком. Из нашей группы в Пономарях жили Михаил Козлов и его сестра Лида. Я и отправился к ним. Они рассказали то же самое. Правда, добавили, что с партизанами был Владимир Иванов, по прозвищу Кибис, уроженец этих мест. Он и упросил своего командира устроить засаду у дороги, которая проходит в полукилометре от деревни Тижма.

Так и не удалось в тот день узнать точного месторасположения партизан, которые дали первый большой бой немцам в нашей местности.

5

Мы предполагали, что не простят фашисты за такое, сожгут Тижму, Пономари и Суровни, а людей расстреляют. Эти деревни, почти сливаясь, тянутся в одну линию. Пономари — посередине. Но не станут же они разбираться, в которой ночевали партизаны, спалют все.

Мы пошли к Анне Ивановне на совет. Она распорядилась сейчас же созвать членов нашей патриотической группы из Тижмы, Пономарей и Суровней. Было решено идти по хатам, посоветовать людям немедленно уходить в лес, прятать имущество и уводить с собой скотину.

К вечеру того же дня опустели Пономари и Тижма. Только в Суровнях не спешили, рассуждали, может, пронесет несчастье стороной.

В ту ночь вся наша группа не смыкала глаз — патрулировали по улицам деревень, у околиц, на Рынке, чтобы своевременно предупредить людей о надвигающейся опасности.

Я дежурил с Тамарой Лопуховой до полуночи на кладбище возле Заложного. Именно этой дорогой из Шумилино должны идти немцы. С полуночи нас сменили моя сестра Нина и Шура Пашковский.

Нина разбудила меня часа в четыре:

— Немцы идут! Уже на горе...

Есть за околицей Заложного овсеевская гора, чем-то напоминающая тижманскую. А наши договорились заранее: как только немцы появятся на горе, по эстафете предупредить деревни.

— Бегом в Глушицу к Наде Багруновой! — приказал я Нине. — Пусть сообщит в Суровни и Пономари.

Через полчаса Нина уже была дома. Говорит, что Надя побежала предупредить об опасности. В это время возле дома раздались чужие голоса: шла немецкая разведка. Следом за ней — броневик, за которым двигалась большая колонна с боковым охранением. Колонна шла поротно, всего человек триста. Позади ее пылил бронетранспортер. Лошади тянули в упряжке три пушки. Из двух повозок торчали трубы минометов.

Притаясь у плетней, мы наблюдали за колонной. Она спешно проследовала наше Заполье, а когда дорога стала подниматься на суровенскую гору, колонна разделилась: часть стала обтекать гору справа, часть — слева, третья пошла прямо по дороге.

— Значит, окружают, — догадался Шура и замолк, потому что с правой стороны горы раздались выстрелы, затем длинно застрочил пулемет. И снова стало тихо.

Сердце у меня екнуло: хотя бы не по Наде, она как раз должна возвращаться домой по этой самой дороге. До деревни немцы, конечно, еще не дошли, а пулемет почему-то вдруг отозвался и так же внезапно замолк.

Минут через двадцать из-за горы поднялись клубы дыма. Они чернели на глазах, ширились, будто растекаясь по горизонту. И сразу же ударили пулеметы, раздалась автоматная стрельба...

Выстрелы не утихали до полудня. Теперь уже полгоризонта застилал дым, который все валил и валил из-за суровенской горы.

Мы сидели у Анны Ивановны, и Шура все настаивал на своем:

— Что мы сложили руки? Поставим два пулемета между Запольем и Заложным и так ударим, что пух да мокрое место от них останется!

Да, в нашем Заполье уже пятнадцать парней из соседних деревень ожидают последней команды. Я тоже присоединился к Шуре, но Анна Ивановна все тем же спокойным голосом говорила:

— Ударим — уokoшим десяток фашистов, а остальные сожгут Заполье и Заложное, расстреляют всех людей. Ведь мы не успеем их предупредить, да и куда им бежать среди бела дня? А две деревни и человек двести жителей, расстрелянных из-за этой вылазки, не украсят нашу группу. Или украсят, Пашковский?

Шура подавленно молчал. Сдался и я.

Только часа в четыре огромная колонна гитлеровцев в том же порядке пропылила по деревне в сторону Шумилино.

Чтобы выяснить, что произошло, Анна Ивановна послала к месту пожара в разведку группу парней и девушек.

А случившееся было страшным. Все три деревни — Тижма, Пономари и Суровни — сожжены дотла. На обратном пути домой убита подпольщица Надя Багрунова. Но она все же успела через Тоню Иванову и Валю Сафонову по цепочке предупредить жителей всех деревень. Правда, из Суровней люди все-таки не успели убежать. Их — около двухсот человек — согнали в сарай, поставили охрану и стали жечь дома. Тут же у сарая ставили виселицы, привезенные с собой.

Судьба жителей Суровней была предрешена. Но спасла их чистейшая случайность. В сарай зашел немецкий офицер и увидел мою сестру Лиду. Он узнал в ней ту женщину, которая накануне подавала ему, удиравшему с тижманской горы, кринку молока.

— Открыть ворота! — приказал офицер. — Эта женщина вчера спасла меня.

Когда же люди вышли из сарая, все еще не веря в спасение, он приказал сжечь и эту единственно оставшуюся постройку в Суровнях. Пепел, обугленные бревна и черные печи с полуразрушенными трубами как памятник чудовищного преступления остались на месте трех деревень...

Такое жуткое сообщение Анна Ивановна понесла в Сиротинский подпольный райком партии на явочную квартиру в деревню Кабак, к Ивану Петровичу Михайлову.

ПАРТИЗАНСКИЕ ДНИ

1

Как всегда, когда что-то очень важное случается, прибегает ко мне Тамара. Правда, на этот раз она чуть изменила свое обращение:

— Миша, зовет сестра! Лети на одной ноге!

Оказывается, на рассвете возвратилась Анна Ивановна. Фролов и Сипко дали задание — немедленно связаться с неизвестной партизанской группой, разгромившей немцев возле Тижмы.

Факты подсказывали, что партизаны ушли в направлении урочища Барсуки. Значит, размышляли мы, они расположены где-то в районе Трудов. Но рядом же большой немецкий гарнизон? А если нарочно расположились: вряд ли подумают немцы, что партизаны разбили свой лагерь под самым их носом. А может хотят напасть на Труды и потому обосновались рядом?

Анна Ивановна снова ушла из Заполя, но куда — нам не сказала. Возвратилась в субботу под вечер. Тамара опять забежала за мной.

Что есть духу я побежал к Анне Ивановне. И то, что услышал, ошеломило радостью. В нашем лесу партизаны! Пришли за нами! Ждут нас!!!

— Сообщи всем, чтобы к утру были в полном боевом, — приказала Анна Ивановна.

Во все деревни по эстафете полетела долгожданная весть. Думал, хуже будет собрать своих из спаленных деревень. Но на пепелища уже возвратились люди, а с ними и наши ребята. Начались сборы, а я снова пошел к Анне Ивановне — не терпелось узнать, как удалось найти партизан.

А дело было так. Только она собралась уходить из дому, как пришла к ней Елизавета Зайцева, учительница из Залужья. Карноушенко знала ее. Но когда та прямо попросила подсказать, где партизаны, Анна Ивановна испугалась. За листовками к Анне Ивановне часто приезжала Фекла Канина, тоже из Залужья. Пакет зашивали в седелку, и лошадь преспокойно перевозила листовки. Зайцева и стала приставать к Каниной: свяжи да свяжи с партизанами. Ну, а Канина рассуждала попросту: где берет Карноушенко листовки, ежели не у партизан?

Хотя и опасалась Анна Ивановна Зайцевой, однако вместе пошли в Труды. Если Зайцева действительно ищет встречи с партизанами, то будет ей помощницей. Ну, а если провокация? Анна Ивановна все-таки верила людям!

Остановились у знакомых учителей Капитоновых. Коллеги быстро нашли общий язык, а потом разговорились о главном. Да, партизаны появляются в этих местах, даже сын Капитоновых недавно ушел в отряд. Анна Ивановна попросила связать их с партизанским командиром.

— Они как раз этой ночью придут к соседям, — сказала Капитонова. — Я передам им.

Не раздеваясь легли спать. Часов в одиннадцать во дворе отозвалась собака, послышался легкий стук в окно и приглушенный голос спросил:

— Где эти девушки?

Хозяйка заторопила Карноушенко и Зайцеву: вот-вот должен пройти с проверкой немецкий патруль.

Выскочили на улицу, навстречу от забора шагнули двое:

— Давайте за нами!

Только спустились к дальнему концу деревни, как наткнулись на патруль. Открылась стрельба, застрочили пулеметы. В такой переплет Анна Ивановна попала впервые. Бежала, пока не захлестали по лицу ветви кустарника, и она тут же свалилась. Ждали почти час, чтобы пришла в себя, и две бывших учительницы вместе с партизанами отправились в лес. Рассвет застал их в сосновом бору. Толстые деревья тянулись высоко вверх, но не это удивило Анну Ивановну. Какие-то вырезы вдоль стволов, а внизу чашечки, в них что-то пахучее. Первый раз в жизни она видела такое.

— К нам собираетесь, а лесного пустяка не знаете! — засмеялся молодой партизан.

— А ты все знаешь? — неодобрительно оборвал его стар-

ший, объяснил доброжелательно: — Это смолу-живицу собирают, а потом на смолокуренном заводе перерабатывают.

Партизаны долго вели их лесной глухоманью, затем вышли к обширному болоту. У толстого ольшаника поблескивали спицами велосипеды.

— С тижманского боя? — спросила Анна Ивановна.

— Вы о нем слышали? — удивился старший.

— Это рядом с нашей деревней. Даже и наши ребята тогда обстреляли немцев.

— А я что тебе говорил! — старший довольно улыбнулся, глядя то на молоденького партизана, то на Анну Ивановну. — Кто-то помогал нам с лесистого берега. Да и многие говорили, а вот такие, как ты, не верили. Мол, это мы одни дали жару...

— Наши ребята успели только по несколько раз выстрелить, — Карноушенко старалась как-то смягчить спор.

Вошли в болото. Было оно топким, местами доходило до пояса, но партизаны шли одним им известными кладками. Только палка-щуп иногда глубоко уходила в болотную твань.

Наконец показался гористый остров, густо заросший толстыми елями. И здесь стояло несколько велосипедов, прислоненных к деревьям. Старший пошел вперед и вскоре возвратился с красивым рыжеватым мужчиной, почему-то повязанным белым платком.

— Кто такая? — голос сердито-грозный.

Но одновременно подошел учитель Кисляков и как к доброй знакомой бросился к Анне Ивановне, долго тряс руку:

— Как ты сюда попала?

Тогда снова отозвался тот, что в платке:

— Вы что, знаете друг друга?

— Да кто у нас не знает Анну Ивановну, товарищ командир? Спросите любого учителя, скажет: «Карноушенко — это человек и педагог!»

Командир недовольно поморщился:

— Что вас привело к нам?

— Я — от Сипко.

— От Сипко?! — и удивление и радость одновременно прозвучали в его голосе. Он сдернул платок: — Проклятые комары не дают покоя ни днем ни ночью... Говорите, от Сипко? Где он, что с ним?

И Анна Ивановна рассказала все, что знала о Сиротинском подпольном райкоме партии.

— Так вот что: из-за линии фронта у меня есть пакет от секретаря ЦК КП(б) товарища Пономаренко. Отнесете его в райком. — И добавил: — А я все никак не мог связаться с ним. Действительно, повезло!

Аркадий Яковлевич Марченко расспросил о людях деревни, а когда узнал, что у нас создана патриотическая группа, живо заинтересовался ее составом, сколько собрали оружия. А потом сказал как отрубил:

— Хорошо! Теперь давайте подумаем, как лучше переправить к нам ваших ребят.

Анна Ивановна поведала ему о том, как предполагал сделать Сиротинский подпольный райком, чтобы семьи ушедших в партизаны не пострадали от гитлеровцев. Марченко одобрил план ухода, обещал послать с Анной Ивановной группу партизан, которая должна будет осуществить этот план, перевезти все оружие и боеприпасы, собранные запольскими, глушицкими и тижманскими патриотами.

Командир выделил в распоряжение А. И. Карноушенко около двадцати партизан, и они теперь ожидали утра в лесу возле нашей деревни.

2

Я не спал в эту ночь, хотя вещмешок собран и перебран несколько раз быстрыми руками матери: не забыл ли чего сын? Отец побеспокоился в первую очередь о бритве: у меня уже густо пробивались усы. Он достал из сундука бритву и оселок, бережно завернул их по отдельности в холщовые тряпочки. Я хотел возразить: знал, что у него бритва одна, вторая выщерблена, ею когда-то затачивал я карандаши. Но по суровому лицу отца понял: отказаться нельзя. Ему и так сейчас нелегко. Немецкие власти выселили нас из дому, который когда-то дал нам колхоз. Жили мы теперь у добрых соседей — половина семьи у Степана Косьянова, остальные — у Владимира Гапеева.

Утро наступило солнечное, безветренное. Я сидел у открытой на огород двери и одним ухом слушал то привычное, что происходило на рассвете тут, у Чернавки, а другим ловил звуки улицы. Солнце только что выкатилось из-за леса, как у колодца послышался топот копыт, зазвенели удила, захлопали лошадиные губы, лоя холодную воду в деревянном корыте.

И снова — цокот, теперь приближающийся к нашему дому. Слышно, как кто-то молодецкато спрыгнул с лошади, зазвенел уздечкой, набрасывая поводя на забор, и уже идет сюда.

Дверь распахнулась. Человек в зеленой ватной фуфайке, прищуриваясь, всматривался в полутемные сени. Наконец заметил меня.

— Кто будет Михаил Федотов? — в голосе строгость.

— Я — Федотов!

— Собирайся — и марш на улицу!

Я заскочил в хату, торопливо вскинул за плечо вещмешок, обнял мать, отца и шагнул за порог.

Партизан дружески оттолкнул меня:

— Да не торопись ты, — и подмигнул лукаво. — Успеешь!

Я стоял у порога, не зная, что делать.

— Присядем на дорожку, — сказал отец, и глаза его заблестели.

Обычно степенный и спокойный, он теперь засуетился, торопливо снял мой вещмешок, сдернул свою истрепанную кепку с надломленным козырьком, и я увидел, как много седины в отцовских уже не густых волосах. Мать — маленькая, сгорбленная, в кофте навывпуск, в белом платочке, завязанном под бороду, как всегда, суетливо, но сноровисто смахнула фартуком и без того чисто выскобленную лавку, но не села, пока не опустился на скамью отец. Партизан тоже присел, снял шапку с алой ленточкой, молча потянул за рукав меня.

— Вы там уж смотрите за ним, сорванцом, — спустя минуту, попросил его отец. — Ежели что — отцовским моим словом учите уму-разуму. И ты, сынок, смотри, не подведи стариков.

— Не беспокойтесь, папаша. У нас, как в армии, дисциплина и порядок, — заверил партизан почему-то тихим голосом. — Наш командир — строгий человек, но справедливый. С таким не пропадешь!

— Оно-то так и должно быть, да вот — как ребята?

— Ребята — орлы! Иначе нельзя, иначе — что мы за партизаны?

Посидели молча. Партизан поднялся, вскинул автомат, подошел ко мне:

— Ну, значит, я тебя силой забираю. Так что вы там, на улице, если что, на нас не обижайтесь, — сказал виновато отцу и матери.

— Да что мы сами себе враги? Для отвода чужого глаза все можно сделать... Ну, так прощай, Мишка! — И слезы наполнили глаза отца.

У печи всклипнула мать, бросилась ко мне, стала целовать.

— Тише ты, старая, детей разбудишь, — увещевал ее отец.

Нас «сгоняли» к колодцу. В душе мы радовались, что уходим в партизаны, но плакали наши матери, молча дымили сигарками отцы, поэтому сердце ныло тяжело и тревожно.

Когда пришли в лес, командир партизанской группы Астрейко приказал нам быстро грузить оружие и боеприпасы на подводы. Мы бросились каждый к своему тайнику. Прямо руками выгребали песок, выбрасывали мох и листву, доста-

вали оружие, завернутое в холстину, и передавали партизанам. Те бережно грузили его на телеги.

За полчаса мы закончили все. У каждого за плечами теперь была своя, давно облюбованная винтовка. Астрейко весело оглядел нас, подал команду:

— В колонну по два становись!

Я стал в пару, конечно, с Шурой Пашковским. Чуть впереди стояла сестра Нина с Тамарой Лопуховой, позади — наш Саша с Александром Гапеевым, дальше — все остальные хлопцы и девчата. Только не было с нами Анны Ивановны. Она понесла пакет, полученный А. Я. Марченко из-за линии фронта, в подпольный райком партии.

— Ша-агом марш! — раздался тот же требовательный, а все же веселый голос.

И мы впервые как партизаны зашагали по лесным дорогам и просекам. Сначала — в ногу, затем устали, сбились и пошли, кто как может.

Нам предстоял далекий путь.

3

Почти во всех попутных деревнях партизаны брали в отряд «приписников» — бывших красноармейцев, попавших в окружение и временно проживавших там. Из Заполя, Глушицы и Суровней с нами ушло около пятидесяти человек, и местных, и «приписников». В деревне Ставица, опасаясь погони, Астрейко приказал поджечь мост. Быстро натаскали на деревянный настил соломы, сухих щепок, и на длинном мосту запылала костры.

На втором конце деревни остановились на отдых. Политрук группы Семен Семенович Черкунов чуть вышел вперед и начал рассказывать о положении на фронтах. Кроме только что принятых в партизаны здесь были и жители Ставицы. Всех интересовала беседа. Черкунов не скрывал, что на юге идут кровопролитные бои с фашистами, что нашим войскам приходится кое-где отходить.

— Задача партизан — громить захватчиков в их же тылу. Задача населения — поддерживать нас во всем. И население, и партизаны — единый фронт против общего врага. В этом единстве — наша сила!

Ему долго аплодировали. Непривычно было: забылось, как это аплодировать добрым словам людей...

Снова двинулись в путь. Плач, слезы жен и матерей тех, кто уходил вместе с нами, долго провожали нас за околицей. Теперь целая колонна двигалась по дороге — человек сто пятьдесят, по-разному одетых, но с винтовками за плечами.

Следующую остановку сделали спустя часа четыре. И тут отчетливо слышали пулеметные очереди. Политрук Черку-

нов пояснил, что это в трудовском гарнизоне гитлеровцы трусят — вот и постреливают в белый свет как в копейку.

И опять в дорогу, правее места, откуда слышались пулеметные очереди. Лес вдруг стал гуще, почти исчез подлесок — одни толстые сосны да мохнатые ели. Вскоре на небольшой полянке увидели лесную деревушку. Удивило то, что дома здесь крыты не соломой, как у нас, а длинной сосновой дранкой. И сараи тоже. Сказали, что это Чербомысла. Свернули влево, вошли в лес, что на берегу озера. Вскоре толстые деревья поредели, началось мелколесье, а затем вышли к безлесному берегу: куда ни кинь взгляд — везде высокая трава, и только местами, чуть выше кочек, тощий болотный сонник, чубки краснотала.

Впереди раздалась команда:

— По одному! Идти след в след!

Ноги неуверенно нащупывали под ржавой водой деревянные кладки — две толстые отесанные жерди. Медленно и долго мы пробирались через это болото. Некоторые соскальзывали с кладок, по шею проваливались в трясину, но их тут же выхватывали руки товарищей, и колонна двигалась среди рыжей прошлогодней осоки, простреленной свежей зеленью. Редкие сосенки ниже человеческого роста зябко качали куцыми пологими вершинками. Гонкий высохший камыш своим шелестом сопровождал наше медленное продвижение.

Впереди показались настоящие деревья — ели, а чуть выше — сосны, вперегонки избегающие на взгорки. По цепи передали: подходим к лагерю!

Все выше поднимаются скользкие жерди, ржавая вода уже ниже колена. Наконец замечаешь и носки своих сапог. И вот слышен окрик:

— Стой! Кто идет?

— Москва! — доносится с головы колонны.

Нога ощутила твердую землю, шаг стал размеренным, более широким. Дохнуло смолой — запахом настоящего леса, распаренного жаркими июньскими лучами.

Под толстой елью стояло штук двадцать велосипедов. От Тижмы до Чербомыслы проехать можно, а вот пронести их здесь и самому не утонуть в болоте вместе с велосипедом — это настоящее искусство!

Берег круто поднимался на высокий взлобок, а чуть правее — настоящая гора. Поставь туда пулемет — никто не сунется в эти места! Будто сама природа определила: партизанскому лагерю быть здесь!

Как я после узнал, сюда можно было попасть по узкой лесной косе с противоположной стороны. Но партизаны сделали завалы и заминировали их. Ходили на задания и возвращались только через болото, по скользким кладкам.

Так получилось, что 4 июня 1942 года мы — люди из Сиротинского района — нашли партизанский отряд в Полоцком.

В центре лагеря стояла большая зеленая палатка, над которой трепетал красный флаг. Впервые за долгие месяцы оккупации почувствовали, что значит для нас, советских людей, это кумачовое полотнище, развевающееся на ветру! Оно вселяло в нас чувство гордости, уверенности и радости. Мы увидели клочок земли, той, которую всегда звали Советской Родиной!

А рядом — палатки-шалашы, искусно сделанные из еловой коры. Нас, новичков, выстроили у штабной палатки. Астрейко подал команду:

— Равнение на флаг! Смирно!

Из палатки вышел командир — Аркадий Яковлевич Марченко. Плотный, невысокого роста, лицо молодое, симпатичное, уже порядком загорелое. На нем серый пиджак, черные брюки, заправленные в хромовые сапоги, за голенище правого засунут маузер, цепочка к нему тянется от широкого комсоставского ремня.

Марченко поздоровался. Ответили ему вразнобой: бывшие военнослужащие по-уставному, мы — попросту.

Командир был краток, хотя речь такой эмоциональной окраски можно долго слушать. Рассказал о задачах партизан, о том, что сейчас происходит на фронтах, пожелал удач в боевых делах.

— А теперь устраивайтесь, товарищи, будьте как дома. Наши ребята вам помогут сделать шалашы.

— Разойдись! — скомандовал Астрейко.

А мы все еще стояли, будто не верили, что попали к своим, куда так долго стремились.

За полтора часа у нас с Шурой Пашковским была готова палатка-шалаш. Находили толстую ель, а их здесь много, финкой обрезали кору по кольцу вверху и в низу ствола, а затем делали продольный разрез. Клином-палкой поддевали кору и облупливали дерево. Было жалко столетних красавиц-елей, но что поделаешь... Из гнутых хлыстов сделали три дуги, вставили их в землю, а потом скрепили сверху и с боков поперечинами. Корой накрыли до самой земли полукруглый каркас и заднюю стенку. Переднюю — байковым одеялом, которое Шура захватил из дому. Получилось надежное укрытие от ветра и дождя, а главное — от комаров.

Под вечер раздалась команда:

— На ужин!

Партизанская кухня находилась в стороне от жилья. Устроена нехитро: большой шатер на четырех столбах с пе-

рекладинами, на которых лежала все та же еловая кора, защищая от дождя и солнца. Тут же вбито два кола с развилкой наверху и поперечиной, на которой висел двадцативедерный котел, видно, снятый с колхозной кормокухни. Пожилой партизан в белом платке, засучив рукава, помещивал в нем что-то аппетитно пахнущее.

Мы порядком проголодались: с утра ничего не ели, да и на рассвете, собираясь в такую дорогу, о еде не думали. Ни ложек, ни котелков с собой не догадались прихватить. Тарелками служили консервные банки. А партизаны-«старички» дали нам ложки — глубокие деревянные, искусно ими же самими вырезанные.

Суп оказался отменным — картофельный, с мясом, наваристый.

Мы пошли отдыхать. Непривычно было не только из-за комаров, которые назойливо звенели и колюче жалили. Всю ночь партизанский лагерь гудел приглушенными голосами: одни уходили на задания, другие — возвращались. И я наивно подумал: какое все-таки надо иметь мастерство, даже смелость, чтобы среди темной ночи по скользким кладкам перейти огромное болото!

Такой жизнью жил наш лагерь и в последующие дни. Если уходила группа в 10—15 партизан, возвращались уже целой сотней. Многие приходили без оружия, и, если они подлежали призыву, их отправляли в отдельный лагерь — там формировались группы для переправки за линию фронта. По глухим лесным и болотным тропкам специальное партизанское отделение уводило эти группы в советский тыл.

Отряд Марченко с каждым днем увеличивался и вооружался разнообразным оружием. Партизаны провели несколько успешных боевых операций. Фашисты уже не могли свободно ходить по нашей земле.

Но в это время помехой нам стали «зеленовцы». Они не шли на службу к немцам, не хотели вступать и в ряды народных мстителей, вооруженными группами по 5—7 человек прятались в лесах. Но есть-то надо. И ночью они выходили в деревни, брали у населения не только продукты, но и одежду, обувь. Выдавали себя за партизан. Это подрывало авторитет народных мстителей, и борьба с «зеленовцами» стала неотложной задачей.

Одна такая группа появилась невдалеке от нашего лагеря, в деревне Званое. Население подсказало, где прячется она. Среди дня вышли на необычную операцию. «Зеленовцы», правда, не оказали вооруженного сопротивления, но пытались ускользнуть от нас. Мы прижали их в камышах, выгнали в воду, на берег озера Званое, и они сдались.

Командование отряда выделяло специальные группы по борьбе с «зеленовцами» и в соседних районах.

В первые же дни массового пополнения рядов партизан острой стала проблема питания. Брать продукты у населения мы не могли — надо отнимать с боем у немцев. Группы разведчиков пошли во все стороны с единственной задачей: найти гитлеровские склады продовольствия. В Меховском районе, в деревне Оболь, доложили они, собрано для отправки в Германию много зерна, несколько сот коров, телок, свиней. Крупный немецкий гарнизон в Оболи не только мешал передвижению нашего отряда, но и грабил мирное население. Командование отряда решило разгромить гарнизон. Но он находился в невыгодном для нас месте: мешала полноводная глубокая река. Выход был только один — форсировать ее. Это была первая боевая операция, в которой я принял участие. Пока небольшая группа вела огонь из-за реки по гарнизону, отряд вплавь переправился через Оболь, подошел с другой стороны к укреплению гитлеровцев и залег.

Какие тяжелые минуты ожидания перед боем! Страх сжимает сердце, кажется, нет уже чем дышать. Сознание работает четко: не на вечеринку идешь — может, через минуту-две ты будешь мертв... Но вот прозвучала команда, я сжался в один напряженный комок и нажал спуск винтовки. Громыхнул выстрел — и будто отогнал все страхи. Теперь только единственное перед тобой — победить, иначе свалит на землю чужая пуля. И вся воля, мозг работают только на одно-единственное — победить!

Первый бой оказался легким. Немцы были смяты в считанные минуты: не сопротивляясь, бросились к станции Бычиха. Мы угнали часть скота, увезли полные телеги зерна, крупы, солонины. Подожгли сараи и склады. Остальное разобрано население.

Зато второе боевое крещение — под Трудами, у деревни Горы — осталось более памятным. Здесь был не только немецкий гарнизон на перекрестке шоссеиных дорог, но и размещалась полоцкая районная управа. Вот поэтому гарнизон был сильно укреплен, в нем находились большие подразделения гитлеровцев. Это был самый крупный гарнизон в центре треугольника железных дорог Полоцк—Невель—Витебск.

Сам поселок разбросан на гористой местности с перевалами. Все огневые точки немцев расположены на высотах, и с какой стороны ни подойди, попадешь под перекрестный огонь.

Отряд наш постепенно расширял свою зону деятельности под Трудами, и вскоре оказалось, что крупный гитлеровский гарнизон фактически блокирован партизанами. Оставалось только несколько небольших деревень, куда гитлеровцы еще могли делать вылазки, да и то большими, сильно вооруженными группами. Особенно они держались за Арлею, которая находилась километрах в трех с половиной от Трудов. Каж-

дый день рано утром в эту деревню приходил взвод немцев, грабил население и тут же возвращался в гарнизон. А. Я. Марченко — уроженец этих мест — выехал вместе с политруком Черкуновым на визуальную разведку. А ночью сам политрук повел в засаду человек тридцать партизан. Вместе со мной были и наши подпольщики: Толя Устинов, Костя Пашковский, мой брат Саша и, конечно же, Шура Пашковский. С нами и старший наш земляк — Петр Максимов.

Залегли в болотце рядом с дорогой, замаскировались, ждем рассвета. Еще солнце не взошло, лишь позолотило края редких тучек на горизонте, а немцы уже появились в деревне Горы. Эта деревня расположена на высоком пригорке и нам отлично видны они. Идут не спеша. У первого на плече ручной пулемет, остальные с автоматами на груди. Спускаются в ложбинку более быстрым шагом.

Мы прижались к земле за кочками среди густой травы. Над нами носятся чибисы, от их настойчивого «чьи вы? чьи вы?» трещат перепонки. А может это от напряжения: вдруг догадаются немцы, что кто-то сидит в болоте? Но вот чибисы уже летят навстречу цепочке, спускающейся в ложбину. Здесь стало тихо, только откуда-то появился жаворонок и потянул от нас вверх. Вдруг он вспыхнул там, в вышине под первыми лучами солнца и залился колокольчиком. Заслушаться можно! Если бы не то, что сюда спускаются немцы. И если бы не комары — от них отбоя нет. Лезут в глаза, за воротник, облепили лицо, руки. Шевельнуться же нельзя: немцы совсем рядом, уже слышен их гортанный разговор.

От комаров меня на секунду отвлекает большая зеленая жаба. Вскочила на кочку, выпялила на меня черные бусинки и напряженно смотрит прямо в глаза. Бр-р! — холод пробежал по спине, но страшно не ее, а вон тех, кто теперь неторопливым шагом идет по пологой дороге на Арлею. Это идет, быть может, моя смерть в серо-зеленой форме...

Никому не поверю, если хвастливо скажет, что не боится смерти, что ему все нипочем. Чепуха! Страх есть у каждого человека, и должен быть. Иное дело: как человек может совладать с собой?

— Ого-онь! — раздается голос Черкунова.

Затрещали выстрелы. Моя СВТ бьет четко, будто умелый косарь отбивает косу: цок-цок-цок... Немцы тут же упали, залегли в кювете, и на нас обрушился огонь пулемета и девятнадцати автоматов. Сплошной свистящий звон над головой. Мы усиливаем огонь, и они отползают в такое же, как наше, только в ольховых кустах, болотце. Перестрелка, мне показалось, слишком уж вяла, и я подхватился:

— Вперед! Ура!!

Но тут же упал. Это Петр Максимов схватил меня за ногу, потянул назад и в сторону, прижал тяжелой рукой прямо в болотное месиво:

— Лежи, герой...

А над головой снова звенящий вой. И пулемет, и автоматы бьют по тому месту, куда только что упал я.

— Чего лежишь? Стреляй! — приказывает Максимов.

Он — опытный боец: освобождал своих братьев в Западной Белоруссии, воевал в Финляндии, дважды контужен. К его неторопливому слову мы особенно прислушивались.

Еще один за другим выпускаю сразу два магазина из своей СВТ. Вдруг выстрела нет. Затвор полудослан. Обычное явление: в предыдущем патроне сорвана шляпка, а этот перекошен. Что делать? Лежа не выбьешь остаток гильзы из патронника. Но тут раздается команда — наши вскочили, и я побежал: буду громить прикладом!

Немцы не оказали сопротивления, по кустарникам и камышам отошли в деревню Горы. На берегу озера мы нашли только трех убитых, взяли у них автоматы и документы.

Чибисы, умолкшие во время перестрелки, снова засновали над нами, но почему-то не задавали теперь свой извечный вопрос. Будто провожали нас, торопливо бегущих в сторону недалекого леска. Одни только жаворонки мелко позванивали своими колокольчиками у самого солнца.

В это же время другие наши группы провели ряд успешных операций возле Дретуни, Клястиц, Полоцка. Партизаны уже приобрели некоторый боевой опыт, поэтому командование задумало провести более крупную операцию объединенными силами.

В ночь с 21 на 22 июня партизаны решили отметить черную дату — день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. К этому времени хорошо разведали трудовской гарнизон. Комендатура находилась в бывшей больнице. Рядом — двухэтажная деревянная школа, в ней было караульное помещение. Правее, чуть в стороне, детские ясли — там склад боеприпасов и офицерская казарма. Все эти здания находились в низине, а основные укрепленные точки гитлеровцев расположены на высотах. Командование решило взять штурмом гарнизон.

Северо-восточнее, за железной дорогой Невель—Витебск, в Суражском районе, действовала бригада Шмырева, рядом с ней — бригада Дьячкова. Обе они держали так называемые «Суражские ворота», через которые велась заброска на оккупированную территорию специальных диверсионных групп, выводили добровольцев, пожелавших воевать на фронте. Если нам удастся разбить трудовской гарнизон, то огромная территория выпадет из-под контроля гитлеровцев, а следовательно, станут более безопасными заброска групп в тыл врага

и перевод мобилизованных на оккупированной территории к фронтовым советским частям.

Накануне партизаны нашли 76-миллиметровую пушку. Правда, у нее был испорчен откатный механизм, отсутствовало прицельное приспособление, наводить придется по стволу. Выстрел из этой пушки и послужит сигналом: «На штурм!»

Темной ночью мы подползли к укрепленным высотам, сосредоточились. Лежали тихо. Время тянулось медленно, а выстрела все не было. Группа, в которой был я, заняла исходные позиции перед болдиной горой.

Уже начинало светать. Стали различимы дома и деревья. Но вот раздался пушечный выстрел. Снаряд разорвался за комендатурой, вызвав панику среди гитлеровцев.

С криком «ура!» бросились на гарнизон. Пока длилось замешательство, мы сбили немецкие заслоны и захватили сильно укрепленную болдину гору, добежали почти до столовой. Но немцы опомнились, заняли оборону вокруг комендатуры и казармы, открыли такой огонь, что нам нельзя было и головы поднять.

И тут ударила наша партизанская батарея. Так в шутку мы называли батальонный миномет. Пять мин одна за одной легли на вражеские траншеи. Огонь оттуда заметно ослабел, и мы готовы были сделать последний бросок. Но миномет вдруг прекратил огонь. Пушка, сделав еще пару выстрелов, тоже замолкла.

Гитлеровцы снова усилили огонь. Гуще застрочили пулеметы. Видно, в бой вступили резервы. Убит Василий Алексеевич Шакалов. Недалеко истекал кровью его однофамилец — Василий Иванович. Тяжело ранило Виктора Кривенкова, Евгения Медникова, Михаила Космачева, Ивана Моисеева. И все у меня на глазах...

А огонь нарастал, усилился до того, что и отступить уже нельзя. Вдруг почему-то красным светом заслонило мне глаза. Смахнул рукой — вижу: кровь... Разрывная пуля разворотила кожух моей винтовки. Значит, это осколки поцарапали мне лицо. Стрелять нельзя, не работает затвор. Что же делать? Тянусь к Шакалову: ему больше не понадобится винтовка.

Бой длился уже более двух часов. На востоке заалела заря. В это время по цепочке передали команду Марченко:

— Взять убитых и раненых и отходить!

Но как отходить? Уже совсем рассвело, а огонь противника по болдиной горе не ослабевает. И все же, подтягивая убитых и раненых, пятимся в низину, а затем опять на бугристый вал, опоясывающий местечко, переваливаем через него. Теперь мы в мертвой зоне — пули свистят высоко вверху. Напряжение схлынуло, какая-то разбитость овладела

всем телом. А в ушах вроде ускоренный ритм молотьбы на току — та-та-так, та-та-так...

Сдали раненых санитарам. Снова мы вместе с Шурой Пашковским. Стыдимся почему-то глянуть друг другу в глаза, будто из-за нас партизаны потерпели неудачу.

Как позже узнали, в этом бою было убито 13 гитлеровских солдат и офицеров. Мы потеряли 10 человек.

А вот и причина нашего отступления. Рядом с пушкой — развороченный миномет. Тут же лежит, истекая кровью, минометчик Владимир Дроздов. Выясняется, что мина, досланная в ствол, застряла в трубе. Мины доставали со дна реки, и они были ржавыми. Заряжающий снял с плиты трубу, перевернул ее, чтобы вытряхнуть мину. Хотя и придерживал рукой, но она выскользнула, ударилась о землю взрывателем...

Если бы несчастье случилось чуть позже и еще бы хоть с десятков минут поддержали нас минометчики, не понесли бы мы такие потери и, возможно, разбили бы этот злосчастный гарнизон.

На повозки, подготовленные для трофеев, грузим раненых и убитых. Постукивают по лесной дороге, перевитой толстыми корнями, колеса. Угрюмо молчат бойцы. Даже раненые не просят воды, не стонут.

У чербомысленского лагеря возле единственной дороги, которая ведет к кладкам через непроезжее болото, хороним убитых. Хороним по-фронтовому: без гробов. Закрыли тела плащ-палаткой, положили поверх еловых веток и сыпанули горстями желтый песок. Дали прощальный салют...

Над братской могилой поставили обелиск со звездой. Каждый, кто будет идти на задание или возвращаться в лагерь, обязательно пройдет возле этих первых партизанских жертв.

ИЮЛЬ—МЕСЯЦ ЖАРКИЙ

1

Прибежал посыльный: меня и Анну Ивановну вызывал Астрейко. Он сидел возле своего шалаша на пеньке, что-то записывал в обшарпанную записную книжку. Поднял красные от бессонницы глаза, сказал тихо:

— Получено задание командира отряда пройти в юго-западном направлении к Старому Сиротино. Вы — с той стороны, думаю, что хорошо знаете местность. Согласны идти с нашими ребятами?

Как всегда, Анна Ивановна ответила спокойно:

— А мы не ваши? Разве пришли сюда только комаров кормить? — В ее голосе прозвучала неприкрытая обида, но она тут же подавила ее, закончила просто: — А кому же идти, если не местным? Вы еще и ребят нашей группы подключите.

В задачу этого рейда входили разгром местных гарнизонов, сбор продовольствия для отряда, а главное — вселить надежду людям, что есть у них заступники, которые не сидят сложа руки, а борются с оккупантами.

Набрали человек пятьдесят. В группу вошли и наши бывшие подпольщики, кроме Кости Пашковского и моего брата Саши. Астрейко не разрешил им идти: они совсем подростки, а путь большой и опасный. Вышли сразу же после обеда, потому что преодолеть в темноте шестикилометровое болото с большим грузом взрывчатки, запасом патронов, мин, гранат

по скользким кладкам нам, неопытным, было бы трудно, да и опасно.

Поздним вечером после двадцатипятикилометрового пути остановились отдохнуть в лесу возле деревни Ставица. В Рыбчино пришли утром часов в одиннадцать. Тут поймали того самого полицая, который когда-то устроил погоню за Сипко и Шляхтуновым.

— Помнишь, как за Сипко гонялся? — спрашиваю его.

— Да что вы? — изворачивается он. — Ни к кому своей руки не приложил.

Разговор с предателем был коротким...

Кто-то из местных жителей пожаловался, что от мишневского гарнизона нет покоя: грабят, насилуют девчат, забирают последнюю коровенку.

— Что ж, попробуем и этих урезонить, — пообещал Астрейко, возглавлявший группу.

Анна Ивановна сама напросилась в разведку. Тут же, в Рыбчино, в крайней хате она переделалась в старенькое платье, на голову набросила выгоревший клетчатый платок. Астрейко выдернул из кобуры свой наган:

— Возьмите, вдруг понадобится.

Она положила его за борт истрепанного ватника и отправилась в гарнизон.

Партизаны залегли в кустарнике возле разрушенного моста через Оболь, который когда-то соединял Ждановку и Мишневичи. Я с тремя разведчиками пошел от реки на окраину деревни. Люди охотно рассказали нам, что гарнизон расположен в бывшей каменной церкви, гитлеровцев — три десятка. Когда уже возвращались, слева от нас раздались две короткие автоматные очереди, затем револьверный выстрел. А если это по Анне Ивановне? Но не побежишь же туда, не поможешь.

Докладываю Астрейко о том, что разведали. Командир хмуро молчит, потому что и его насторожили эти выстрелы, потом говорит:

— Подождем Карноушенко...

А вот и она — легка на помине. Уже перешла мост через реку и направилась дорогой в сторону Рыбчина. Вот Анна Ивановна уже сворачивает сюда, в кустарник. Оказывается, в первом же доме в Мишневичах ей рассказали о гарнизоне, об укреплениях. Сведения наши совпадали.

Астрейко выстроил группу на лужайке среди гонкого ольшаника. Как всегда, немногословен командир:

— В Мишневичах тридцать три подлеца. Возьмем?

— Возьмем! — дружным был ответ.

Командир разделил партизан на две группы. Сам повел одну в обход деревни от болота. За проводника пошла Анна Ивановна. Вторую группу со стороны реки повел Шура Паш-

ковский. В этой был и я. Мы вышли первыми к Мишневичам. Тихо.

Вдруг раздались автоматные очереди. А ракеты нет. Значит, нельзя идти. Сигнал — это разрешение, даже приказ...

Наконец взвилась зеленая ракета. И еще не погасла, а Пашковский подал команду. Цепь рванулась к церкви. Оттуда ни выстрела, будто не заметили нас.

Оказывается, гарнизон поспешно убрался, как только донесли, что в Рыбчине партизаны. Группа Астрейко увидела лишь хвост колонны убежавших гитлеровцев и послала вдогон несколько автоматных очередей.

Склады с зерном, сараи со скотом были в полной сохранности. Мы сбили замки, погрузили часть хлеба на свои повозки, скот раздали населению. Местные жители полностью очистили и склады с зерном. А над волостной управой, документы которой захватили с собой, мы с Анной Ивановной вывесили красный флаг. Его нам откуда-то принесли подростки.

Мы решили преследовать гитлеровцев. В Бачище их не нагнали. Зато разгромили мельницу, на которой они мололи зерно: взорвали плотину и камни. Вывели из строя маслозавод, оборудование затопили в реке. Часть масла и яиц погрузили на подводы. Остальное, как и зерно на мельнице, досталось местным жителям.

Громя небольшие гарнизоны, раздавая населению награбленное гитлеровцами, прошли мы по Полоцкому, Сиротинскому районам и на обратном пути вышли в Городокский.

Здесь, в деревне Ивановка, нас чуть не обхитрили. Встретили троих оборванных в военной форме. Лица изможденные, заросшие бородами. Говорят, вырвались из лагеря военнопленных в Городке. Взяли их с собой, накормили, напоили, даже посадили на подводы, чтобы набрались сил.

Подходим к Стадольнице. Люди говорят нам, что через деревню только что прошли убежавшие из городокского лагеря военнопленные. Трое из них задержались здесь: совсем обессилели.

— Ну ты, Федотов, мастер по военнопленным, — улыбается Астрейко. — Забирай и этих.

Посадили их на повозку, едем, и я рассказываю, что в Ивановке троих подобрали из Городка.

— Как так? — не верят они. — Наша группа ушла последней. Неужели еще третья бежала из лагеря?

Просят показать этих ребят, а вдруг в одном бараке находились.

Подвожу троих, взятых в Ивановке. Вижу, они побледнели. Один из тех, которых взяли в Стадольнице, говорит:

— Так это ж охранники...

Оказывается, вслед бежавшим были посланы предатели, чтобы вместе перейти в наш отряд.

Быстро собрался партизанский суд — командир, политрук и Анна Ивановна. Изменников тут же, в присутствии партизан и населения, допросили. Приговор был единодушным и кратким.

Около двух недель длился этот рейд. Мы разгромили пять немецких гарнизонов, сожгли четыре моста, уничтожили пятнадцать гитлеровцев. Вышло нас из лагеря около полсотни, а возвратилось 150 человек! Большинство было со своим оружием. Их сразу же зачислили в отряд.

2

Возвращаясь с задания, боевые группы приводили в лагерь все новых и новых людей. Совсем тесно стало на нашем острове. Командование решило перенести лагерь в другое место. А ребята шутят:

— Мы почти все время будем на боевых операциях. Старый лагерь надо оставить для раненых и больных. Так что места всем хватит.

Сейчас на огромной территории, занятой врагом, гремят выстрелы, народные мстители начали действовать вовсю. Гитлеровцы оставляют мелкие гарнизоны, уходят в хорошо укрепленные. К концу июня оказалось, что и прятаться-то нам нет от кого. Больно уж редки стали вылазки оккупантов из крупных гарнизонов.

Однажды Марченко выстроил партизан возле штабной землянки. Теперь мы еле вмещались в колонну по шесть человек. Командир довольно улыбается:

— Ну, ребята, нечего нам, такой силище, прятаться в лагере среди болота. Айда в деревню!

Это было сказано даже по-ухарски. Но мы-то чувствовали, что иначе нельзя.

Без всяких приключений пришли мы, триста человек, в Большое Ситно. Деревня лесная, расположена на берегу озера, в которое смотрятся гонкие сосны. Она километрах в пятнадцати от Дретуни и чуть меньше — от Трудов.

Разместились по хатам. Тепло, ни комаров тебе, ни дождя, ни утреннего знобящего ветерка. Правда, есть мухи, но это не комары. Командование сразу же установило армейские порядки: караулы, посты, секреты, патрулирование. И каждый день боевые группы уходят на задания. Гремят взрывы на бойких дорогах — научились минировать. Обстреливаем из засад автомашины. Вблизи гарнизонов делаем засады на группы гитлеровцев, выезжающих на «промысел».

Меня назначили начальником караула. Наше помещение — школа на окраине деревни. Рядом привычно шумит

лес, направо раскинулся широкий луг, а за ним — огромным окном сверкает чистое озеро.

Расставил посты, секреты, наметил патрульные маршруты. Всего в карауле более двадцати человек. Это усиленный караул. Мы все же опасаемся, что немцы могут нагрянуть ночью.

Все спокойно. Вдруг Марченко присылает связного, через которого передает команду:

— В ружье! Занять оборону!

Пока стояли в Большом Ситно, свободные от заданий партизаны вырыли вокруг деревни, где только можно было, окопы, в некоторых местах — траншеи.

Все бросились по своим местам. Каждый взвод имел определенный, заранее подготовленный участок обороны. Для караула, в случае тревоги, тоже подготовлена оборона — вокруг школы. Согласно нашему внутреннему распорядку при объявлении тревоги все постовые и патрульные собираются в караульное помещение и под руководством начальника караула организуют оборону. Мы расположились на высотке, к лугу, за которым сверкает под утренним солнцем спокойное озеро.

Вскоре прибежал второй посыльный от Марченко, говорит, что по донесению разведчиков немцы большими силами вышли из Трудов, движутся сюда, на Большое Ситно.

Через некоторое время замечаем, что из лесного отрога вышли к озеру сначала несколько человек, затем потянулась длинная цепочка немцев. Продвигаются маскируясь. Но они на таком расстоянии, что бесполезно открывать огонь. Гитлеровцы идут берегом озера, вдоль деревни. А она большая, и цепь растянулась почти на всю ее длину. Еще минута — и немцы открыли огонь по хатам, сараям, подозрительным местам. По флангам и в середине цепи — пулеметчики. Они продвигаются перебежками. Залягут и поливают свинцом Большое Ситно. Со стороны озера ударили минометы. Первые мины разорвались на огородах, потом стали все ближе и ближе подбираться к улице. Вскоре столбы взрывов заматались между хатами.

Густая цепь гитлеровцев перешла на шаг. Она уже близко, можно вести прицельный огонь. И вот по всей линии нашей обороны ударили винтовки, короткими очередями застрочили пулеметы. Цепь врага будто подкосили. Немцы залегли в низине, но мы-то на высотках. Нам удобно стрелять даже по лежащим. Зашевелилась цепь, расстроилась. Фашисты поползли за кочки, за редкие кустики, попрятались в густой траве.

Партизаны караула тоже усилили огонь, не давая гитлеровцам поднять головы.

Все шло хорошо. Вдруг в тылу у нас раздались автоматные очереди. Какая-то группа все-таки просочилась незамеченной возле крайних хат и открыла сильный огонь. Затем фашистам удалось постепенно занять всю деревню.

Что-то надо предпринять, иначе они прямо зайдут в тыл обороны караула. Оборачиваюсь — и остолбенел от неожиданности. Метрах в пятидесяти от нас немцы торопливо устремляются навстречу миномет. Несколькими выстрелами поражаю вражеский расчет. Остальные гитлеровцы отползают за угол дома.

— Разворачивай пулемет! Бить вдоль улицы! — кричу своему расчету.

И длинные очереди сбивают с улицы тех немцев, которые пытались преследовать отступающих к лесу партизан.

Выстрелы со стороны луга постепенно затихают. Но с тыла опять начинается автоматная стрельба, да такая плотная, что сразу же мелькает страшная мысль: «Мы окружены».

Прошли секунды растерянности. Огляделся. Единственный выход — рог леса. К нему можно прорваться по густой ржи, затем возле конюшни, а там до леса рукой подать.

Приказываю:

— Отходить в рожь! — и сам не узнаю своего голоса, каким-то металлическим стал.

Ребята поняли меня. Быстро отползли в рожь, бросились к конюшне. Над нами пули секут колосья, косят по корням рожь. Страх почти нет, а какая-то дикая радость: вырвемся все-таки из окружения.

Ворота конюшни широко раскрыты. Пули теперь щелкают в бревна. Пусть щелкают. Молодцы колхозные строители: отгрохали зданье в добрую полсотню метров!

А противоположные ворота — прямо к лесу. Но тут чуть не произошла роковая ошибка. Наши уже заняли оборону в запасных окопах на опушке леса и чуть было не открыли огонь по моему караулу.

Мы оказались последними, отходившими с линии прежней обороны, и немцы полностью заняли Большое Ситно. Часа два они не спеша обстреливали лес, постепенно перенося минометный огонь с опушки вглубь. Уже знали их манеру, поэтому лежали тихо, готовые в каждую минуту вступить в бой, если они сунутся сюда. Наступать на деревню мы не могли: в подсумках считанные патроны.

Поздно вечером снялись с опушки, пошли болотом. Часа к трем ночи добрались до лесной деревушки, кажется, до Осеток, переночевали. А утром Марченко сделал разбор этого боя. Отметил выдержку караула во время обороны, сказал, что за прикрытие отступающих к лесу партизан и за уничтожение минометного расчета немцев начальник кара-

ула и отличившиеся бойцы будут представлены к правительственным наградам.

Отряд шел в чербомысленский лагерь. В деревне мы пока не удержались. Не было у нас опыта, четкой и оперативно налаженной связи и взаимодействия между отрядами и группами партизан в других местах. Да на первых порах и наше вооружение не шло ни в какое сравнение с немецким. Не было минометов, очень мало пулеметов и автоматов, не хватало патронов.

3

В июне 1942 года пришло распоряжение из-за линии фронта: объединить все отряды и группы в партизанскую бригаду.

В состав 3-й Белорусской партизанской бригады вошло пять отрядов. Возглавил бригаду Аркадий Яковлевич Марченко, боевой кадровый командир. Он сражался на Халхин-Голе, освобождал Прибалтику, Бессарабию, участвовал в финской кампании. В первый же день Великой Отечественной войны Аркадий Яковлевич сражался с фашистами под Гродно. Отступая с боями, он, заместитель танкового батальона по политчасти, дошел до города Лида. Здесь его машина была подбита, а он тяжело контужен. Водитель спас своего замполита — вытащил из горящего танка.

С трудом добрался Аркадий Яковлевич до Смолевич. Там вел разведывательно-диверсионную работу в гарнизоне и на железной дороге Минск—Борисов.

Когда нависла угроза ареста, вынужден был перебраться в Труды, где жили родственники. И коммунист Марченко начинает организовывать вокруг себя патриотов не только в Трудах, но и в Дретуни, в Малом и Большом Ситно. Они собирают оружие, распространяют листовки, срывают мероприятия оккупантов.

Затем Аркадий Яковлевич уходит за линию фронта. А в августе 1941 года возвращается с заданием — создать подпольные группы в Полоцком районе и собрать разведданные о полоцком гарнизоне, об интенсивности движения по железным дорогам на Витебск и Невель, которые питали центральную и северную группы фашистских армий. Добыв необходимые сведения, Марченко второй раз переходит линию фронта. В начале марта 1942 года он снова возвращается в Полоцкий район, на этот раз с радиостанцией и радисткой Н. Тюриной.

Вот этот инициативный, волевой, подготовленный командир и возглавил 3-ю Белорусскую партизанскую бригаду. Комиссаром ее был назначен Евгений Александрович Козлов, бывший пограничник. Оставшись на оккупированной

территории, он создал подпольную группу, которая самостоятельно громила гитлеровцев, а после присоединилась к отряду Марченко. Смелый коммунист был всегда на самых опасных участках, за что пользовался большим авторитетом.

В это же время Витебский обком КП(б)Б направил в бригаду своего представителя Георгия Сергеевича Петрова секретарем Полоцкого подпольного райкома партии.

Я попал в 1-й отряд, командиром которого назначили капитана Михаила Николаевича Мещерякова, кадрового военного. Комиссаром стал Семен Семенович Черкунов. В этот отряд влилась почти вся наша патриотическая группа. Лишь одну Анну Ивановну направили в бригадную разведку.

Для более организованной борьбы с оккупантами командование выделило каждому отряду определенную зону деятельности. Блокировав какой-либо крупный гарнизон, партизанское подразделение должно постоянно вести с ним боевые стычки, добывать у него оружие и продовольствие. Конечная цель — разгромить этот гарнизон. Если отрядных сил будет недостаточно, командование бригады в любое время может прислать подкрепление.

Отряду Мещерякова поручили «шефство» над трудовским гарнизоном, наиболее крупным и лучше укрепленным.

Меня назначили политруком взвода разведки. Командир разведвзвода — Федор Петрович Новицкий, лейтенант, окончивший в 1940 году военное училище.

Штаб отряда и разведка расположились в Воробьях, остальные подразделения в соседних деревнях.

Мне с первых же дней пришлось заняться политико-воспитательной работой. Чувствовал, да и обстановка подсказывала, что придется работать в сложных, специфичных для разведки условиях. Личный состав лишь изредка можно будет собрать полностью, так как разведчики постоянно действовали небольшими группами, по 3—4 человека, выходили в разных направлениях. Одни были на задании, другие отдыхали после него, третьи готовились к поиску. Значит, придется изыскивать какие-то особые формы работы, скорее всего индивидуальные. А пока все в сборе, я решил провести обычную беседу. Рассказал о положении на фронтах, об общих задачах, которые нужно решать разведке. Особое внимание обратил на добросовестность разведчиков при выполнении заданий.

Внимательно слушали ребята, заинтересованно. Это и понятно: ведь им, а не кому-либо другому, придется выполнять сложные задания. Только трое Ивановых — Владимир Иванович, его дочь Аня и сын Петр, — кажется, были безучастны к тому, о чем я говорил. Сидели чуть в сторонке, низко опустив головы. Что с ними случилось? Они — трудовские

подпольщики, первыми пошли в партизаны всей семьей, остались дома только жена Владимира Ивановича и малолетняя дочь.

Когда ответил на вопросы разведчиков и разрешил расходиться, Ивановы и этого будто не слышали. Все так же сидели, чем-то удрученные. А может обидел кто?

Подошел к ним. Первым встал старший Иванов, по-солдатски вытянулся.

— Что случилось, Владимир Иванович?

Он снова потупил голову и ответил, заглатывая слова:

— Жену арестовали. Забрали в комендатуру...

Оказывается, после ухода в партизаны сразу троих из семьи гитлеровцы схватили жену Иванова, стали допрашивать, где муж и дети. Затем оставили как заложницу. Ивановы встретили соседку, и та рассказала, что обещают отпустить, если явятся из лесу трое или хотя бы один из них.

— Кому же идти? — спрашивает Аня в отчаянии.

Все трое ждали моего слова. Я понимал их чувства, но отлично знал и другое.

— Идти? А ты думаешь, помилуют того, кто пойдет с повинной?

Тягостному молчанию, казалось, не будет конца.

— Так что же нам делать?

— Действовать. И в первую очередь нам, разведчикам. Надо узнать, что в гарнизоне, как укреплен, какие силы там, оружие. Чтобы раз и навсегда покончить с этим фашистским гнездом!

Я дал задание своим связным, что жили в Трудах, разузнать о судьбе Ивановой. Выяснилось, что она жива, содержится в комендатуре, где по-прежнему идут допросы, гитлеровцы требуют, чтобы в гарнизон явились муж и дети.

Не дождавшись явки с повинной кого-либо из семьи Ивановых, гитлеровцы освободили Агафью Федоровну как приманку, авось кто-либо придет навестить ее. За домом и за ней фашисты установили наблюдение. Выйти из гарнизона и уйти к партизанам она уже не могла.

Но ее вскоре схватили гитлеровцы и вместе с другими патриотами — Татьяной Пыскиной, секретарем Трудовского сельсовета, Марией Рудаковой, женой партизана, расстреляли на дретунской дороге недалеко от поселка. Расстрел грозил и 11-летней дочери Ивановых — Наде, но мать перед смертью сумела спасти ее. Арестованные в один голос заявили, что эта девочка — не дочь Ивановых. Гитлеровцы избili Надю и оттолкнули от обреченных...

Перед строем, в котором находилась партизанская семья Ивановых, я сообщил обо всем разведчикам.

— Поклянемся же, товарищи, что мы отомстим фашистам!

— Клянемся! — трижды прозвучало на лесной опушке, и эхо повторило партизанскую клятву.

4

Чербомысленский лагерь к этому времени буквально переполнился людьми, у которых не было своего оружия. Командование формировало группы по 100—200 человек и в сопровождении наших разведчиков переправляло за линию фронта через «Суражские ворота» — 40-километровую брешь на стыке северной и центральной групп немецких армий, от Велижа до Усвят, образованную при наступлении советских войск на Витебск зимой 1941/42 гг. С тыла прикрывали их активными действиями партизанские бригады Шмырева и Дьячкова, а с фронта части Красной Армии. Взаимодействуя между собой, они не давали фашистам восстановить сплошную линию фронта. Территорию от Суражского, Меховского и до Городокского районов партизаны очистили от гитлеровских гарнизонов, и проход за линию фронта, на Большую землю, был относительно свободен. Туда мы и отводили людей призывного возраста, отвозили тяжелораненых и больных. А из-за фронта приносили автоматы, тол, гранаты, мины, которых у нас постоянно не хватало.

Опытных проводников мы брали в бригаде Сташкевича, действующей восточнее нас, ближе к Суражскому району.

Обычно разведчики охраняли колонну или обоз от внезапного нападения немцев — шли с флангов и в аррьергарде, — а проводник, хорошо зная лесные и болотные тропы, вел к месту назначения.

Отличные ребята были эти проводники — смелые, хитрые, умные следопыты. Но самой лучшей считали по праву Галину Марченко. Сколько раз она водила нас за фронт! Конечно, никто не вел такой бухгалтерии, но что очень много, это точно. Наши разведчики вели колонну или обоз под Мехово, в деревню Вировля. Затем уже Галина шагала впереди колонны к железной дороге Витебск — Невель, тщательно разведывала подступы к железке, и очень часто мы переходили ее без боя. Далее путь лежал к деревне Хвошно, здесь проводили глубинную разведку, чтобы пробраться к Поташни и Ремням. Затем шли мимо Борисовки в деревню Боброво, где располагался штаб бригады Дьячкова. Тут короткий привал, чтобы немного отдохнуть перед последним броском.

Коробы, Половеськое, Лукашенки и вот они — Тимохи, наша советская земля! Обычно в деревнях Михаленки или в Бору мы встречались с командованием Красной Армии и представителями Витебского обкома партии, передавали мо-

билизованных, раненых, больных или трофеи, привезенные с собой. А сколько было дружеских встреч за эти часы, сколько радости от разговоров со своими бойцами и командирами! И как сердечно принимали нас работники Витебского обкома партии!

Здесь же получали оружие и боеприпасы. Грустно было расставаться. Но Галина Марченко уже торопит нас, потому что знает: там, в Вировле, ее ждет очередная группа, пробирющаяся на Большую землю.

О неуловимой Галине-проводнице ходили легенды, и каждая группа, следующая за фронт, просила комбрига Сташкевича выделить ее для сопровождения. И она, высокая, стройная, с автоматом на груди, шла самой первой.

Каждый раз из этих походов разведчики приносили листовки и свежие газеты, которые для нас были так же необходимы, как оружие и боеприпасы. Мы зачитывали их до дыр. Для меня, как политрука разведки, это был неоценимый материал при проведении политинформаций среди партизан и бесед с населением.

Во время третьего похода за линию фронта, где-то в конце августа, разведчики доставили пакет из Витебского обкома партии. А через день комиссаров отрядов, их заместителей, политруков, секретарей партийных и комсомольских организаций вызвали в штаб бригады. Тогда он располагался в урочище Волова Гора, возле Козьян. Мы приехали туда вместе со своим комиссаром Семеном Семеновичем Черкуновым и другими политработниками отряда.

На небольшой полянке за столом сидели комбриг А. Я. Марченко, комиссар Е. А. Козлов, секретарь Полоцкого подпольного РК КП(б)Б Г. С. Петров. Мы расположились на скамейках из неочищенных досок. Собрались точно вовремя — в десять утра. Правда, не все были здесь. Накануне некоторые политработники ушли на задания со своими подразделениями.

Совещание открыл Аркадий Яковлевич Марченко и предоставил слово комиссару. Евгений Александрович снял свою неразлучную зеленую фуражку, положил на стол, одернул гимнастерку, поправил портупею. Заговорил не спеша, мягким баритоном:

— На повестке дня один, но самый главный для нас вопрос: «Задачи коммунистов и политработников по выполнению «Письма ЦК КП(б)Б командирам и комиссарам партизанских отрядов, всем партизанам и партизанкам Белоруссии об активизации действий партизанских отрядов в тылу врага».

Уже одно то, что нам пишет Центральный Комитет Компартии Белоруссии, всех подтянуло, затих разговор, люди сосредоточенно ждали, что дальше скажет комиссар.

Евгений Александрович откашлялся, взмахом головы забросил назад курчавый чуб, торжественно начал читать. Особенно взволновали каждого оценка действий народных мстителей, большие задачи, возложенные на нас Центральным Комитетом: «Коммунисты и комсомольцы, партизаны и партизанки Белоруссии за год Отечественной войны против немецких поработителей показали примеры бесстрашия, самоотверженности, героизма, верного служения Родине. ЦК КП(б) Белоруссии выражает твердую уверенность в том, что героические белорусские партизаны приложат все силы к выполнению этих задач, к истреблению ненавистных оккупантов, пробравшихся на территорию нашей Родины, и тем приблизят окончательный разгром врага. Действуйте смелее, товарищи! Выше знамя партизанской войны! Сильнее удары по врагу!»*

Комиссар закончил свою речь, а люди сидели как завороченные. С минуту длилось молчание. Его нарушил секретарь подпольного райкома партии Георгий Сергеевич Петров:

— Какие будут вопросы?

Вопросов, конечно же, никаких не было. Все просто и ясно в этом письме.

Выступающие подвели итоги борьбы за три месяца, поделились опытом боевой деятельности своих подразделений. По поручению командования отряда выступил и я, как секретарь комсомольской организации и политрук разведки. Доложил совещанию о боевых делах комсомольцев. А поделиться было чем: к этому времени очень многие уже отличились в боях. Одновременно заверил подпольный комитет партии и командование бригады, что комсомольцы-разведчики первого отряда и в дальнейшем будут в первых рядах по выполнению требований ЦК КП(б) Белоруссии.

---

* ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 3, д. 1209, л. 225.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

1

Задачи нам ясны. Знакомо и само расположение гарнизона. Только все нужно было начинать с самых, как говорится, азов, потому что после первого нападения на Труды гитлеровцы еще больше усовершенствовали свою оборону, построили новые огневые точки, увеличили численность личного состава и усилили вооружение.

Федор Новицкий — человек военный, отдавал предпочтение разведке боем. Каждую ночь, подойдя к гарнизону на близкое расстояние, мы завязывали перестрелку то в одном месте, то в другом — и таким путем устанавливали расположение огневых точек противника. Если длинно запрыгали малиновые языки — это пулемет. Научились отличать и легкий от тяжелого. Вспыхнет вверх пламя, а затем раздастся взрыв — значит, в том месте установлен миномет. Все данные заносили в специальную тетрадь. Но наш командир Михаил Николаевич Мещеряков требовал точности.

— Что ты мне на словах говоришь да на бумажке рисуешь? — твердил он и ложил карту на стол. — Ты мне покажи вот тут: где, в каком месте, на какой высоте?

Через несколько дней на его карте точно были нанесены огневые точки трудовского гарнизона, траншеи, окопы, ходы сообщения, бункера охраны.

Кроме того, вели разведку и все наши связные. В Трудах проживали также подпольщики, которые приносили нам

разведданные. Особенно ценными были донесения о намерении противника, его численном составе, вооружении. После первого нападения на гарнизон немцы установили около комендатуры два батальонных миномета, противотанковую пушку, построили пять дзотов с круговым обстрелом, многочисленные ходы сообщения, окопы, стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. Все эти объекты расположены рядом в центре Трудов, один возле другого. Вокруг самого же поселка были вырыты траншеи. В наиболее уязвимых местах построены бункера — дома, опущенные в землю. Труды оказались крепким орешком.

Разное случалось в разведке. Припоминается такой случай. Мы лежим тихо, не подавая признаков своего присутствия, наблюдаем за дорогой, выходящей из поселка. Там тоже спокойно, только изредка проходит патруль.

Вдруг на огородах раздались выстрелы. Уже темнело, и мы не могли рассмотреть, что случилось. Выстрелы приближались. В сумерках заметили мы три силуэта, бегущих прямо на нас. Нет, они не стреляли. Их преследовали. Выстрелы вспыхивали позади них.

Вскоре среди разведчиков лежали эти трое — мужчина, женщина и мальчик. А гитлеровцы, строча из автоматов, приближались к нам. Владимир Иванов дал две длинные очереди из автомата. Преследователи прекратили огонь, видно, отползли огородами назад в местечко.

Так к нам попал Федор Арюшонок с женой и десятилетним сыном. Оказывается, Коля нашел нашу листовку со сводкой Совинформбюро и принес ее домой. Вдвоем с матерью они перевели содержание листовки Федору Семеновичу (он был глухонемой). Решили всей семьей бежать в партизаны. Однако момент для ухода подобрали не совсем удачный. Их заметили на огородах.

Назавтра Федор Семенович уже сидел на пеньке и ремонтировал обувь разведчиков. Рядом в большом корыте стирала наше белье его жена. А Коля пас лошадей. Позже он стал разведчиком и незаменимым проводником, когда группы уходили на поиск к Трудам. Подросток отлично знал окрестности местечка, в самую темную ночь мог безошибочно провести на окраинные улицы.

Листовки сыграли большую роль. Они не только разоблачали «новый порядок», но и разъясняли людям, где их место в борьбе против оккупантов. В итоге почти все боеспособные мужчины из деревень, где были вражеские гарнизоны, перешли к нам.

Однажды Мещеряков созвал всех разведчиков вместе с командирами рот и взводов.

— Ну что ж, неплохо потрудились, — начал командир. — Теперь можно готовить операцию по разгрому гарнизона.

Только для того чтобы на этот раз она прошла успешно, нужно проводить ее всеми отрядами.

Чем же отличились разведчики? При подготовке крупных операций всегда значительно усиливалась разведка. В таких случаях в наше распоряжение обычно выделялись наиболее смелые, находчивые и выносливые партизаны со взводов, уже обстрелянные в боях. Вот тут мне как политруку приходилось много работать. Нужно было каждому из них разъяснить, как важно для разведчика донести правду — сведения, проверенные несколько раз.

— Лучше не выполнить задание и сказать об этом прямо, — говорил я, — чем дать командованию ложные или выдуманные данные. Ведь от них зависит успех готовящейся операции, судьба всех партизан отряда и даже бригады. Зависит, жить им или умереть, победить или быть побежденными.

20 дней понадобилось, чтобы разведать силы и укрепления врага в трудовском гарнизоне. Но зато теперь у нас собраны полные данные и можно было приступать к разработке операции.

С этой целью к нам прибыли представители из штаба бригады. Обсуждали вопрос долго. О том, что гарнизон нужно разгромить, и немедленно, мнение командиров было единогласным. Но как и какими силами — вносилось несколько предложений. Одни были за то, чтобы его штурмовать приступом со всех сторон, другие — дать немцам выход на Дре-тунь, а затем уничтожить из засады. Были и другие предложения.

Самый смелый, интересный и оригинальный по своему замыслу план разгрома гарнизона предложил командир взвода Василий Васильевич Савченко. В общих чертах он сводился к следующему: операцию нужно проводить силами всей бригады, от каждого отряда выделить по усиленной роте. Они должны занять позицию перед обороной противника, окружить гарнизон и ждать сигнала.

Для разгрома комендатуры и казарм Савченко предложил создать штурмовую группу из 50 человек, вооружив ее автоматическим оружием и гранатами. Она, минуя посты и укрепления гитлеровцев, должна проникнуть в гарнизон и внезапным ударом разгромить основные объекты. В момент, когда атакующая группа нападет на казармы, по сигналу двух красных ракет роты других отрядов, заранее окружив гарнизон, откроют огонь, отвлекая охрану врага на себя и тем самым обеспечивая действия штурмовой группы.

С учетом всех замечаний и предложений был составлен план и представлен на утверждение комбригу.

Операция по разгрому гарнизона намечалась в ночь на 22 августа. Командиром штурмовой группы назначили

В. В. Савченко. До выхода его группы на исходные позиции отрядам надо окружить гарнизон в Трудах.

На этот раз было решено подходить к поселку не по дорогам, а с противоположного боку — от торфяного болота, со стороны урочища Германова Еза, откуда нас меньше всего ждали фашисты.

Чтобы попасть туда, надо сделать крюк около двадцати километров и выйти к деревне Копно. От нее до Трудов остается немного — всего километров десять. Но они по трудности, пожалуй, равны доброй сотне: все время гнилым болотом. Почти сутки понадобились нашему отряду, чтобы подойти к гарнизону.

В редком мелколесье перед самым поселком отряд остановился, а я с разведкой осторожно стал подбираться к Трудам. С этой стороны к гарнизону подступал высокий, хотя и не густой сосняк. Он сразу же круто поднимался от болота по высокой горе и обрывался уже на втором склоне. Но между горой и первыми домами — тоже болото, сплошь изрытое торфяными карьерами. Вот и попробуй наступать большим отрядом по такому, как говорят военные, предполью! Видимо, поэтому немцы и были спокойны за эту сторону гарнизона, хотя и укрепили ее изрядно.

За карьерами метров на двести тянулся лужок, а за ним — высота. Если подняться на нее, затем спуститься, то прямо перед нами и будет главное «осиное гнездо», разорить которое стремимся мы вот уже третий месяц.

В стройных соснах остались ждать основные силы, за которыми я послал связного. К вечеру и они подошли сюда. Все бойцы промокшие, грязные, уставшие, а ведь им через несколько часов предстоит еще бой!

Командир отряда распорядился отдыхать, а мне приказал сопровождать его и других командиров на рекогносцировку местности перед гарнизоном. Долго мы наблюдали, советовались, где и как лучше пройти штурмовой группе, где и как расположить остальные подразделения. С наступлением темноты возвратились к отряду.

Как и было решено, штурмовую группу повел Василий Савченко. Кроме разведчиков он подобрал в группу надежных парней, не раз побывавших в боях и зарекомендовавших себя с лучшей стороны. Нам передали автоматы и ручные пулеметы, запасы гранат. Надо сказать, что «карманная артиллерия» была у нас на вес золота.

Разведчики снова пошли впереди. Мы должны были бесшумно снять часовых — обеспечить продвижение штурмовой группы. Пошли цепочкой через торфяники. Если бы немцы не бросали ракеты, было бы полбеды. Но то и дело они освещали луг и болото. А это для нас было вроде команды: ра-

кета, значит, «ложись!». И надо время, пока от яркого света отойдут глаза, привыкнут к темноте.

Мы хорошо знали, где расположены огневые точки, поэтому уверенно пробирались между ними. Поднялись на высотку и замерли: а вдруг патрулируется промежуток между двумя пулеметными бункерами? Нет, никого не видно и не слышно. Спускаемся в «тарелку» — так меж собой прозвали место, где находились комендатура, казармы и склад боеприпасов.

За домами, по огородам, идти легче, только приходится смотреть, чтобы не наскокить на патрулей. Подошли к солдатской казарме. От нее до комендатуры, офицерской казармы и склада боеприпасов ходит часовой. Василий Савченко толкает меня локтем, шепчет:

— Берем?

— Берем.

Как только часовой пошел к комендатуре, мы заскочили за угол казармы, остальные залегли у плетня. Долго его не было. Наконец слышим шаги. Они приближаются. Ритмично поскрипывает песок под тяжелыми коваными сапогами...

Савченко вдруг рванулся к часовому, схватил его сзади за горло, и тот от неожиданности выпустил карабин... Труп оттащили за угол. Присели, прислушались: тишина, нигде ни души.

Партизаны быстро подошли к казармам и складу.

Командир штурмовой группы выстрелил из автомата по окну помещения, где разместились офицеры.

Шура Пашковский в ту же секунду оказался рядом со мной. Автомат в его руке мелко задрожал. Посыпались стекла в казарме, и в тот же миг он швырнул гранату в черный проем окна, отпрянул, увлекая меня за угол. От взрыва вместе с пламенем вынесло оконную раму.

Партизаны бросали гранаты в окна солдатской и офицерской казарм, били из автоматов по комендатуре.

Паника поднялась в гарнизоне. В одних кальсонах немцы выпрыгивали из окон второго этажа школы, но тут же попадали под партизанские пули. От пожара в офицерской казарме стали рваться снаряды и мины, сложенные в другом конце помещения.

Стрельба идет уже со всех сторон. Не поймешь, кто в кого и откуда стреляет. Партизаны узнают друг друга только по одежде.

В отблеске пожара я вижу отдельных партизан. Некоторые перебегают, другие ведут огонь из автоматов и пулеметов. Действуют без команды. Все зависит от обстановки, которая складывается перед тобой.

На фоне горящей школы вдруг замечаю свалку. Бегу туда. Это Савченко ловко орудует прикладом в рукопашной

схватке. Здесь и мои разведчики: Михаил Глазкин, Василий Рожанский, Иван Новицкий. Несколько секунд — и общими усилиями с группой немцев покончено. Вижу Шуру Пашковского, разгоряченного боем. Черная непромокаемая куртка расстегнута. Он из своего ППД то влево, то вправо посылает короткие очереди.

Бой в гарнизоне длится уже больше часа. Нервное напряжение возрастает. Сопrotивление немцев усиливается за счет прибывающих из линии круговой обороны. Мы это чувствуем. Надо что-то предпринимать, иначе нас сомнут. У нас появились убитые и раненые. Для них разведчица Мила Белова готовит носилки.

Подбегаю к Савченко и прошу вызвать своих на помощь, иначе не выйдем из гарнизона. Василий Васильевич спокойно осмотрелся вокруг, оценил обстановку и выпустил в небо две красные ракеты — условный сигнал всем группам открыть огонь по гарнизону.

Отчаянно застрочили пулеметы круговой обороны немцев, стремившихся всеми силами сорвать попытку партизан атаковать гарнизон извне. Зато сопротивление штурмовой группе внутри гарнизона заметно ослабело. А в тех местах, где были установлены вражеские минометы, появились частые вспышки. Сюда гитлеровцы не бьют: боятся затронуть своих.

Мы ворвались в комендатуру, подожгли документы, захватили оружие. Такая уж привычка у партизан: еще не знаем, как отсюда уйдем, а оружие трофейное собираем. Я наконец-то достал себе новый вороненый автомат с четырьмя рожками в сумке. Давняя мечта моя сбылась!

Догорает огромное здание бывшей школы, уже обрушились стены. Продолжают рваться снаряды и мины, разметывая искристые головни в том месте, где была офицерская казарма.

Вижу, как при свете пожара перебирает картонные патроны Василий Савченко. Очень уж спокойно перебирает. Я знаю, какого цвета он ищет ракеты. Вот оглянулся. Ребята почти все здесь, штурмовая группа сделала свое дело. Нужно возвращаться...

Взлетают в небо красные ракеты. Это сигнал: просим поддержать нас огнем во время выхода из гарнизона.

Теперь осторожно пробираемся меж домами, ползем огородами к месту, через которое проскользнули в гарнизон. Но боя, видимо, не миновать. Враг наверняка догадался, что мы будем прорываться из окружения где-то тут, через высоты, в сторону болота.

Савченко торопливо советует:

— Может, в другом месте?

— Нет, лучше здесь, тут все-таки наш отряд поддержит огнем, — возражаю ему.

Мы сосредоточились для рывка. Перед нами извилистая траншея. Она отсвечивается всплесками автоматных и пулеметных очередей. Над нами густо свистят пули, посланные из болота партизанами по немцам, засевшим в траншее.

А если сейчас развернуть штурмовую группу и открыть огонь вдоль траншеи? Неплохо, но кто поддержит нашу атаку? Нет, все-таки надо прорываться, только прорываться.

— Вперед! — крикнул Савченко, и его голос тут же заглушили автоматные очереди.

Мы бьем по немцам с тыла. Какие-то минуты две в траншее замешательство, а мы уже перескочили через нее, бежим к лугу. Слышно, как заливаются длинными очередями пулеметы на болоте. Значит, свои нас заметили.

На бегу падаю в карьер, окунаюсь с головой в воду. Отчаянно молочу ногами торфяную жижу, чтобы выплыть. Выбрасываю правую руку вперед, нащупываю берег, а левой загребаю грязь под себя: надо же удержаться на поверхности. Слышу, как сполз с плеча и скользнул по руке вниз тот немецкий автомат с четырьмя рожками, что достался мне в бою. Зло охватило меня, рванулся вперед — и головой уперся в пружинистый берег...

Вылезаю весь мокрый. Кто-то выползает вслед за мной. Тоже угодил в карьер. А кто — не узнать. Весь черный, как и я, конечно. Тороплюсь догнать своих, но одежда будто свинцом налита и, кажется, топчешься на одном месте...

Но вот под ногами становится тверже и тверже. Споткнувшись о корень, падаю на землю. Чувствую — песок. Значит, болото позади. Это горка, на которой растут редкие, но высокие сосны.

Потребовались огромные усилия, чтобы метра на два подняться на горку. Ноги, кажется, не свои. Какая-то сила тянет назад. Всю энергию трачу на то, чтобы удержать равновесие. На движение вверх и вперед сил уже не осталось...

Кто-то подхватывает меня под руку. Смотрю — Шура Пашковский, без шапки, улыбается.

— Ты ранен? — спрашивает.

Верчу головой. Сил не хватает, чтобы ответить другу.

— А я ранен, — почему-то радуется Шура. — Пустяки, в ногу, но идти можно.

И откуда-то начали прибывать силы. Может, оттого, что мне стал помогать раненый друг? Как бы себе ни было, но я уже начал сам подниматься по крутому склону.

Партизаны по одному, по два медленно идут меж сосен, спускаются на противоположную сторону горы. Наверху уже по-настоящему светло. Я вижу запачканное не то копотью пожара, не то торфяной грязью хмурое лицо Савченко. На

нем посечена пулями гимнастерка, прострелено галифе. Мещеряков что-то объясняет ему. Я не разбираю, что говорит командир отряда, только вижу, как перекатываются желваки на его худощавом лице. Долетают отдельные слова:

— Не смогли... Пришивают... Карьеры... Не поднять головы... Не мог думать, не в состоянии был!

Когда окончательно пришел в себя, стал выкручивать одежду. И тут только вспомнил, что в нагрудном кармане, в кожаном бумажнике, фотография, на ней — вся семья. Торопливо развернул набрякшие скользкие половинки партмоне. Единственная карточка, которую я взял из дому, когда уходил в партизаны, вся расплзлась, ни одного лица не видно.

Когда вся бригада собралась, выйдя из боя, подвели итоги. На завтра разведка уточнила их. Мы разгромили основные силы и укрепления гарнизона. В итоге боя в ночь на 22 августа 1942 года убили несколько десятков немцев, более 30 ранили. Уничтожили 3 дзота, 5 станковых и 4 ручных пулемета. Сожгли офицерскую казарму со складом боеприпасов и караульное помещение.

Гитлеровцы упорно держались за Труды. Этот важный узел шоссейных дорог они пытались удержать любой ценой. Утром следующего дня на помощь осажденным гитлеровцам двинулось подкрепление из дретуньского гарнизона с танками и артиллерией. Бои вспыхнули с новой силой. Мы спешили выбить немцев из Трудов, а подкрепление стремилось быстрее прийти и выручить обреченных. Бои не стихали до вечера. Но силы оказались не равными и нам пришлось отступить. Однако окружение сохранили. Командование бригады подкрепило нашу разведку и блокировавшие гарнизон стрелковые подразделения за счет снятия засад на второстепенных направлениях. Ни одно продвижение фашистов из гарнизона в Дретунь и обратно теперь не проходило без упорного боя. Гарнизон в Трудах оказался в критическом положении.

2

Вокруг трудовского гарнизона на многие километры простиралась территория, контролируемая партизанами. Мне как политруку и другим партизанским агитаторам здесь было много работы, особенно среди населения. Обычно, придя в деревню, мы говорили мальчишкам, что будем проводить беседу. Через полчаса в самую просторную хату собирались почти все жители. Иногда не хватало мест и беседы проводили прямо на улице. Но что удивительно: крестьяне выносили стол и покрывали его откуда-то взявшейся кумачовой скатертью, даже ставили графин с водой. Все выглядело бы

так, как и до войны, если бы среди присутствующих не находились люди с винтовками и автоматами. Да и в любой беседе первым и главным было сообщение о положении на фронте. И всегда задавали такой вопрос: «А когда наши выгонят немцев, как вы думаете?»

Во время бесед стоило только заикнуться нам о какой-либо помощи, как набиралось полно добровольцев. Когда надо было сделать перекопы или завалы на дорогах, разобрать мост, выходила вся деревня — от мала до велика. Местное население под руководством партизан строило укрепления вокруг деревень.

Большое воспитательное и мобилизующее значение не только для населения, но и для самих партизан имела документальная кинокартина «Разгром немцев под Москвой», которая была привезена в нашу бригаду через «Суражские ворота» в августе 1942 года. Ее демонстрировали во всех отрядах по нескольку раз, сначала партизанам, а затем и для населения. Собирались в сараях, так как вместить всех зрителей не могла даже самая большая хата. Если не находилось сарая, то, несмотря на осенний холод, кинокартину показывали прямо на улице. Люди, как правило, стояли, сидеть было не на чем. Демонстрация сопровождалась несмолкаемыми аплодисментами. Когда очередь просмотра кинокартины подошла к деревням, близко расположенным к гарнизону, меня вызвал комиссар отряда Семен Черкунов и распорядился, чтобы я каждый раз перед началом кинофильма выступал с беседой о значении победы Красной Армии под Москвой, о текущих событиях на фронтах и в тылу нашей Родины. Место, где показывали фильм, тщательно охраняли от внезапного нападения немцев, которые уже пронюхали о картине.

Беседа обычно занимала 20—25 минут. Люди жадно ловили каждое слово правды, особенно в деревнях, находящихся недалеко от немецких гарнизонов.

Помню, привезли кинокартину в деревню Горы, в двух километрах от Трудов. Фильм решили показывать в бывшей колхозной конюшне, которая могла вместить всех зрителей. Вокруг этого помещения командир разведки Новицкий поставил секреты и посты, а сам с остальными бойцами сел в засаду возле местечка, где располагался гарнизон. Люди собрались дружно. Я провел беседу, начался кинофильм. Уже шла 3-я часть, как вдруг послышалась стрельба. Это наши секреты обнаружили колонну немцев. В бой вступила засада Новицкого, а мы с киномехаником Семеном Жерносековым начали спасать кинокартину и аппаратуру. С помощью парней мы быстро ее собрали, погрузили на повозку и увезли в деревню Арлею. Я побежал к Новицкому. Нашел его возле крайнего дома, оттуда он вел огонь по гитлеровцам.

Вдвоем из автоматов мы сдерживали их, но силы были неравны.

Фашисты лезли напролом. Когда мы отошли на противоположную окраину деревни, они бросились к конюшне, где только что показывали кинокартину, но там было пусто.

3

Ежедневно на боевые задания уходили три-четыре партизанских подразделения: минировали гравийку, обстреливали машины и обозы, нападали на дзоты и бункера. Уже через полмесяца лишь большие группы гитлеровцев могли пробиться из Дретуни в Труды или выехать из гарнизона, да и то в сопровождении танков. Через каждые три-четыре дня мы инсценировали нападение на гарнизон. Для этой цели обычно посылали группу человек в пятьдесят, вооруженную большим количеством пулеметов, единственной пушкой, и открывали шквальный огонь, наводя в гарнизоне панику.

Так мы держали гитлеровцев под страхом нападения.

Как-то в начале сентября от группы партизан, что вела разведку боем, в штаб отряда прискакал связной. Конь весь в мыле, а всадник радостно возбужденный:

— Товарищ командир, немцы покидают Труды! Наши, преследуя, ведут бой.

Мещеряков подал команду:

— В ружье!

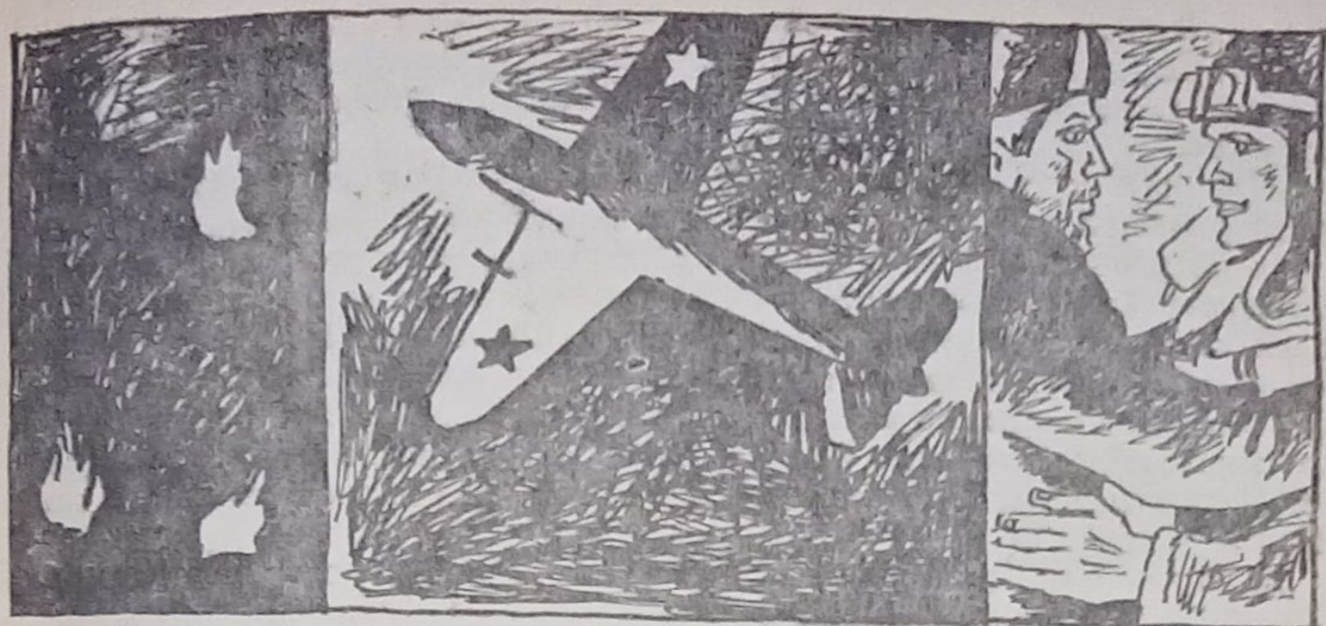
Спешным порядком отряд подошел к дороге. Залегли в небольшом леске возле обочины. Разведка вела поиск вдоль шоссе справа и слева. В направлении Трудов кипел жаркий бой. Но вот связной доложил Мещерякову: большая колонна гитлеровцев уже показалась на дретуньской дороге.

Командование решило оседлать дорогу, но тут же приказ отменило: если мы обнаружим себя раньше времени, немцы могут повернуть назад и, смяв наших, уйти в укрепление.

Все приняли боевой порядок. Пулеметчики заняли позиции на флангах.

Но тут случилось непредвиденное. Вернее, мы не все продумали до конца. Ведь всегда, когда двигалось большое подразделение, гитлеровцы пускали впереди дозор и боковое охранение. Оно-то и обнаружило нас. Охранение было необычным: все с ручными пулеметами. Оно навязало нам невыгодный бой с фланга, не дало приблизиться к шоссе, бить прицельным огнем. Тем временем, ведя перестрелку с нашими разведчиками, основная часть колонны — человек четыреста — проскользнула по гравийке в сторону Дретуни.

Мы вошли в Труды. Гарнизон пуст. Немцы в спешке побросали повозки, обмундирование, продовольствие. Труды — этот крепкий орешек — стали нашими. Опасаясь полного блокирования и уничтожения, гитлеровцы бежали.

К НАМ ПРИБЫВАЮТ САМОЛЕТЫ

1

Сейчас ближайший гарнизон — дретунский, и мы начали разведку его укреплений, живой силы. Диверсионные группы по-прежнему ходили на минирование шоссе, железки.

В конце августа нашего комбрига и комиссара вызвали в Москву — в Центральном Комитете ВКП(б) проводилось совещание руководителей партизанского движения.

А у нас вскоре создалась самая трудная обстановка. В октябре со всех сторон большими силами немцы начали наступление на партизан, действовавших в треугольнике железных дорог Полоцк — Невель — Витебск. В этих местах четыре бригады и множество различных спецгрупп не давали покоя оккупантам. На нашу бригаду начали наступление из Дретуни, на бригаду Короткина — из Шумилино и Оболи, на бригаду Сташкевича — из Городка. Что ни день — то стычки. Скучные боеприпасы таяли, каждый патрон командование брало на учет. Пришлось запросить помощь в штабе партизанского движения.

Где-то в середине октября из бригады прискакал вестовой Дмитрий Косов. Он уже долгое время был постоянным связным между нами и бригадой. Вскоре вызывает меня командир отряда Мещеряков:

— Ждем гостей с Большой земли! — весело сказал он. — Надо подготовить площадку. Ты будешь комендантом строительства, а потом и примешь гостей.

— Задание ответственное,— вступил в разговор комиссар Черкунов.— Самолеты должны доставить оружие и боеприпасы, вывезти раненых. Сам знаешь, что они нам — как воздух...

Силами одних партизан подготовить посадочную площадку нельзя. Более половины личного состава каждый день вели бои, ходили на другие задания. Пришлось обратиться к резервистам, помогло и население. Жители приехали на подводах, со своими лопатами и носилками. На поле около деревни Боборики мы и начали строительство. Срезали бугры, засыпали ложбинки, утрамбовывали землю. Правда, земля мягкая, местами болотистая, но вблизи лучшего поля не могли найти. Три дня не затихала работа от рассвета до темна.

Я кроме общего руководства строительством занимался и подбором людей для аэродромной команды, определял места охраны и пикетов. Ведь могло случиться, что немцы перехватят в эфире наши координаты, дату приема и могут напасть на аэродром. Поэтому соседние деревни опоясали траншеями, сделали завалы на лесных просеках, а партизаны-подрывники подготовились к их минированию.

Аэродромная команда заготовила хворост для сигнальных костров. Вырыла гнезда для пулеметов и окопы вдоль посадочной площадки. Был наготове и транспорт, чтобы немедленно доставить груз в штаб отряда, который находился в четырех километрах от посадочной площадки.

И вот снова приезжает вестовой Косов.

— Сегодня ночью ждите самолеты,— и указал условные сигналы.

Как только стемнело, мы заняли свои места. Можно было предположить, что самолеты прибудут скоро — линия фронта недалеко от нас. Все с нетерпением ожидают гостей с Большой земли.

В черном вечернем небе тишина. Иногда пронесется запоздалая стая гусей, тоскливо прокричит. Лишь изредка проплывет на восток или на запад самолет, но по звуку слышим: не наш, вражеский.

Наконец знакомый, уже полузабытый звук мотора раздался над лесом. Он приближался, рос. Чувствовалось, что самолет шел низко, над самым лесом.

— Зажечь костры! — с волнением в голосе крикнул я.

Костры вспыхнули ярким пламенем: ребята постарались и где-то достали три бутылки бензина.

Самолет сделал разворот над нашей площадкой, зашел от крайнего костра. И радость, и страх колотят сердце одновременно. А вдруг это немецкий, и сейчас вот резанет из пулеметов, сыпанет бомбы. А мы не в укрытии. Стоим чуть в стороне от центра площадки.

Зеленая ракета загорелась в темном небе, и мы с облегчением вздохнули — наши!

Гул мотора нарастал. Ярко вспыхнули два прожектора, освещая нашу площадку. И тут мы увидели красные звезды на крыльях. Не кресты, а — звезды!

Самолет коснулся земли сразу двумя колесами и «костылем» чуть дальше первого костра и стремительно помчался по посадочной площадке. Кажется, вот-вот врежется в болотянку, что возле высокой стены леса. Но вот замедлил бег, остановился около болотца и тут же развернулся.

Мы всей командой, кроме пулеметчиков — те сидят в укрытии наготове — бросились к краснозвездному красавцу.

— Стой! Не подходи! — раздался грозный окрик откуда-то сверху. — Кто такие?

— Партизаны! — радостно кричит каждый из нас.

— Какой бригады? — все тот же властный голос.

— Марченко!

— Какая деревня? — голос уже мягче.

— Боборики!

В отсветах приглашенных прожекторов видим, как неуклюже вылезает из кабины летчик. Блестит кожаный шлем, сверкают очки.

Мы бросились к нему. Он попадает из одних объятий в другие.

— Хватит, ребята, хватит! — говорит он сердечно. — Так недолго затискать человека до смерти. Каждую ночь вот так жмут, — в голосе ничем не прикрытая радость.

Сюда уже подбежали наши пулеметчики. Что им скажешь, хоть и нарушили приказ?

Быстро выгружаем на подводы ящики с патронами, минами, автоматами, мешки литературы.

Хочется расспросить летчика, как там в советском тылу, но он торопится:

— Надо возвращаться. Ждите часа через два снова, прилетим вдвоем. Подготовьтесь к приему груза. А площадка у вас не очень-то... Но ничего, как-нибудь сядем. И не на такие приходилось приземляться.

Взревел мотор, быстро набрал обороты, и мы отпрянули от крыльев. Самолет побежал по площадке, взмыл кверху и растаял в ночном небе.

Я тут же отправился в штаб отряда. Мещеряков и Черкунов не спали, ждали нас. На ходу мы просмотрели «Правду». Ведутся «упорные бои», «оставлены города...», и только кое-где идет наступление. А нам в это время выделяют самолеты! Вот она — забота партии и правительства.

Командир и комиссар отряда вместе со мной отправились на аэродром встречать самолеты.

И опять вспыхнули сигнальные костры, полетела ракета с борта самолета, и он пошел на посадку. Снова сел, как говорят летчики, на все три точки, но намного дальше, чем в первый раз, и помчался к лесу. Вдруг резко взвизгнули тормоза, и в тот же миг мы увидели, как круто вздернуло хвост, и самолет стал, упершись винтом в болотное месиво.

Когда мы подбежали, летчик уже отряхивал грязь с комбинезона — его выбросило из кабины. Штурман висел на ремнях, тоже вывалившись из кабины. Летчик быстро вскарабкался по крыльям, помог товарищу и тут же соскочил на землю.

— Вот, черт, промахнулся... — виновато проговорил он и попросил: — Дайте ракетницу: моя где-то в болоте. Надо сигналить товарищу.

А в воздухе уже делал третий круг еще один самолет. Две ракеты взвились в небо за первым костром: летчик показывал товарищу, что нужно касаться земли раньше, чем сделал это он. Ракеты одновременно осветили и скапотировавший самолет. Это тоже служило сигналом: осторожно!

— Ну, теперь, кажется, все в порядке, — сказал человек в шлеме, но уверенности не было в его голосе. — А все-таки мала у вас площадка, ребята...

Со вторым самолетом случилось то же, что и с первым...

Через два часа начнет светать. Быстро забросили веревки на хвост самолета, поставили на землю один, затем — второй. Но у обоих погнуты винты.

— А у нас свой кузнец есть, — отозвался кто-то из партизан. — Блоху подкует, а пропеллер в момент выпрямит!

Летчики горько улыбнулись:

— Один миллиметр кривизны многое значит. Тут на глазок не сделаешь...

Выход был только один: замаскировать самолеты в лесу, дать радиограмму за линию фронта и ждать самолет с запасными винтами. Так и сделали.

Командир и комиссар отряда пригласили летчиков и меня в штаб. Оставив охрану, мы поехали на повозках с грузом, доставленным с Большой земли.

Мне не терпелось задать один вопрос: как это можно лететь ночью и не ошибиться сесть в заданном месте? Летчик, хотя и был удручен случившимся, улыбнулся:

— Ну, во-первых, приборы, карта и тому подобное. А во-вторых, ночью видна каждая речушка, каждое озерцо. Они вроде бы отсвечивают небо. Вот так из Торопца — это под Калинином — и добираемся. Правда, тяжело: целую ночь не спишь.

Да, ему нужно пересекать дважды линию фронта, над которой смертельная россыпь взрывов зенитных снарядов, трассирующие пули кромсают черное небо, а затем надо най-

ти сигнальные костры, сесть на площадку, подготовленную руками людей, вблизи никогда не видевших самолета! Это ли не героизм?!

2

Только уснули крепким сном, как раздалась сильная стрельба километрах в двух от штаба отряда. Мы подхватились. Партизаны чутки к выстрелам, летчики же спали крепким сном.

Прислушался: бой гремит на нашей базе — в зимнем партизанском лагере. Там построены добротные землянки, в которых размещена большая половина отряда. Только штаб да его охрана находились в Воробьях. На базе же хранились запасы оружия, продовольствия и боеприпасы.

У партизан закон один — беги туда, где бой!

Растолкал летчиков:

— Давайте, братцы, по-партизански! Слышите — бой...

Они вскочили, шлемы на головы и за мной. И тут я вспомнил, что из оружия у них только пистолеты.

— Пустяки! — отвечает один из них, старший по возрасту. — Пистолет — надежный товарищ!

Подбегаем к базе. Бой уже гремит вовсю. Но как понять, где наши? Сунешься вперед да и попадешь прямо в лапы фашистов. Решил заходить от штабной землянки: что-что, а штабную так просто не отдадут!

Осторожно подбираемся — перебегаем от дерева к дереву. Вижу, Пашковский лежит у сосны и бьет длинными очередями из ручного пулемета. Шура уже политрук стрелкового взвода. Подползаю к нему:

— Что случилось, Шура?

Оказывается, кто-то на рассвете подвел большую группу немцев прямо к лагерю. Хорошо, что их вовремя заметили часовые и подняли тревогу.

— Вот уже больше получаса бьемся. Землянки, сволочи, хотят захватить.

— Где же основные силы гитлеровцев?

— А кто их знает. Откуда-то все прут и прут. Смотри-смотри! — И тут же дал короткую очередь.

От сосны к сосне прямо к землянкам перебежали люди в серо-зеленом. Много же их! И с одного выстрела не возьмешь немца. Тяжел лесной бой: каждое дерево — укрытие.

Вокруг нашего лагеря вырыты траншея, отдельные окопы и пулеметные гнезда, у самых землянок — вал. На некоторых участках партизаны уже вытеснены из траншей.

Что могут летчики сделать со своими пистолетами здесь, среди толстых деревьев? Да и боязно за них: ранят, убьют,

а эти же люди — на вес золота... Отправили их в штабную землянку: надо, мол, будет — позовем.

Вдруг возле нас появился командир отряда. С минуту осмотрелся, оценивая обстановку.

— Эх! — гремит его голос. — Разве так бьются? Кто со мной — давай сюда! Пашковский, своих сюда! Федотов, не отставай!

— За мной, ребята! — Шура выскочил из-за сосны. За ним побежали человек десять. Мещеряков с автоматом в руках забежал наперед этой цепочки и повел партизан вправо.

«Значит, заходит с фланга, чтобы ударить в тыл немцев!» — подумал я.

А минут через десять в тылу немцев вспыхнула яростная схватка. Сосредоточив весь огонь на землянках, гитлеровцы не заметили, как зашла группа партизан со стороны реки Свина.

Бой все ближе и ближе. И вот уже из траншеи замечая Пашковского. Он хлещет из пулемета направо и налево. Вижу и других партизан. Правее его неторопливо ведет огонь из пулемета Иван Воробьев. Не поймешь, в каком месте немцы, в каком — партизаны. Стрелять нам теперь нельзя, и я крикнул своим:

— Вперед, хлопцы! Ура!

Мощные деревья будто подхватывают этот клич, и стоголосое эхо повторяет его. Немцы обычно страшатся нашего «ура!», убегают. Но этим негде деться. И они дерутся отчаянно.

У нас появились потери: убит В. С. Орлов, тяжело ранены И. С. Рудаков и П. Ф. Малашенко. Летчики тоже не успели в землянке и прибежали к нам.

Еще вдали громыхали одиночные выстрелы, а к Мещерякову подбежал наш вестовой из штаба отряда. Оказывается, из соседней бригады сообщили, что большая колонна немцев с танками движется в нашу сторону — к деревне Бобровщина.

— За самолетами идут, гады! — догадавшись, в чем дело, сказал командир отряда.

Он спешно посылает роту Дмитрия Кистенева занять оборону возле Бобровщины.

Как и в каждой деревне партизанской зоны, у Бобровщины на высотках были траншеи и окопы. Рота Дмитрия Кистенева успела занять их до прихода колонны. Вскоре там разгорелся бой. Слышны были разрывы снарядов, пулеметные очереди, взрывы гранат, трескотня винтовок и автоматов.

Но много времени им не продержаться: скупо с боеприпасами. Поэтому командир отряда послал подразделение Ва-

силлия Савченко в Новку. Задача та же — вместе с ротой Кистенева задержать немцев у этой деревни.

Недалеко от Новки — Боборики, а там рукой подать до нашего аэродрома. Опасность нависла над двумя самолетами. Мы отлично представляли, что на фронте эти два «Р-5» — самолеты-разведчики, действующие подчас как истребители, — очень нужны.

Бой у Новки затихает, уже слышны только отдельные пулеметные очереди, редкие разрывы гранат. Вот и они замолкают. Значит, наши оставили деревню. А еще только полдень. Нам бы продержаться до ночи, принять самолет с запасными винтами...

Через полчаса снова разгорается бой — теперь ближе к штабу отряда — на окраине Новки. Все штабисты и я с летчиками торопимся туда. На высотках рота Савченко обстреливает колонну немцев, прикрывая отход Кистенева. Вражеская колонна движется медленно, хотя впереди средний танк косит из пулеметов. Временами он останавливается, и тогда рвутся снаряды у высоток, занятых партизанами. Мы тоже вползли в траншею. Рядом со мной летчики. Им уже выдали новые автоматы — те самые, что прошлой ночью они доставили сюда из-за линии фронта. К нам подползает посыльный от Мещерякова. Командир отряда зовет меня и летчиков.

— Идите к самолетам, — приказывает он. — Возможно, их куда-нибудь можно перевезти... — Но тут же обрывает сам себя: — А куда перевезешь? Короче, смотрите сами там, на месте. Если что... — не заканчивает фразы, в отчаянии поднял и опустил руку. — Короче, мы все будем отступать к аэродрому, больше некуда.

Самолеты надежно замаскированы на опушке. Кажется, сбрось эти свежесрубленные ветви — и самолеты покатаются по площадке, взмоют в синее небо и дадут жару там, у Новки... Но именно из-за них, этих среброкрылых птиц, кипит там с самого утра упорный бой.

Летчики привычно забираются в кабины, повернули турельные пулеметы на Новку, заложили ленты с патронами. Здесь, на земле, они собирались дать отпор врагу.

Бой вспыхнул с новой силой, теперь рядом с нами — в Бобориках. А минут через десять затих. Только по лесу раздаются редкие автоматные очереди, приближаясь к посадочной площадке.

Вот уже вижу Мещерякова, командиров рот Савченко и Кистенева. С ними большая группа партизан. Они отходят перебежками. Залягут, откроют огонь и перебегают сюда, к самолетам. А предполагали сначала отвести немцев в противоположную сторону. Но, видно, враги знают, где находятся самолеты. У гитлеровцев тоже работала разведка...

Вдруг вижу: выползает на дорогу танк и прямо через поле прет к нашей посадочной площадке. На броне — десант. В ту же минуту ударили скорострельные турельные пулеметы, моментально сбили немцев с брони. Танк остановился. Видно, боятся танкисты идти дальше — могут бросить под гусеницу связку гранат.

Из танка непрерывно строчит пулемет по нашей залегшей на опушке цепи. Иногда вздрогнет от выстрела пушка — и снова строчит пулемет. Но хорошо, что не видит главного — замаскированных самолетов. Наконец перебежками к нему подошла пехота. Снова вражеский десант облепил броню, и танк рванулся вперед.

Рядом со мной лежит Федор Семенович Арюшонок, тот самый, который убежал из трудовского гарнизона. У глухонемого партизана в руках обрез. Ловко он овладел этим оружием. Досылает патрон, целится, нажимает на спусковой крючок. Выстрела, конечно, он не слышит — ощущает отдачу. Рядом с ним я приставил его сына Колю. Когда нужно отходить, он знаком приказывает отцу.

Дело плохо: турельные пулеметы, только что прижимавшие к земле немецкие цепи, замолкают, значит, кончились патроны. Вместе с командиром отряда ползем к самолетам. Из кабин выскакивают летчики, передают нам тяжелые пулеметы «шкасы», отходят от самолетов.

Глухо хлопают выстрелы. Черный дым за клубился над топливными баками, побежали ручейки пламени...

А немцы уже близко. Они вдруг замечают самолеты и с криками бросаются к ним. В ту же секунду огромное пламя взлетает над самолетами. Раздаются два глухих взрыва. Затем — отчаянные крики гитлеровцев.

3

Подавленные, мы идем на сборный пункт — в березовый лесок возле Федоровки. А позади виснут клубы дыма: там догорают самолеты. Летчики рядом с нами, тоже угрюмы и молчаливы.

К вечеру отбившиеся от отряда во время боя легко раненые партизаны пришли к Федоровке, в березовую рощицу. Угасает закатное солнце, и береста отливает червонью, будто изранены березки. Мещеряков собирает командный состав на опушке. Он зол. Но ни на кого не кричит, а задал один только вопрос:

— Куда теперь идти?

И молчит, ждет, что скажем мы, разведчики.

Решаем пойти в Труховку. Дело в том, что оставаться в Федоровке опасно. Все деревни с этой стороны заняты немцами. Труховка от Федоровки всего лишь километрах в пя-

ти, зато за рекой Свина, которая все-таки преграда для немцев. Значит, нас врасплох они не могут застать. Да и боеприпасы совсем на исходе. То, что доставили на самолетах, за день боя израсходовали. Если остаться здесь, мы, уставшие, не выдержим большого боя. А так — оторвемся от немцев, встретимся с нашими, пополним боеприпасы, да к тому же и отдохнем.

В Федоровке оставили связных. Если кто из партизан возвратится, они направят их на новую стоянку.

Темный вечер, хоть глаз коли. Надо высоко поднимать ноющие от напряжения ноги: дорога перевернута корнями деревьев, вся в выбоинах и колеинах.

В Труховку пришли в полночь, но редко кто сразу уснул. Картина недавнего боя была перед глазами. Продолжали возвращаться отставшие партизаны. У них спрашивали — что да как?

Под утро из штаба бригады прискакал посыльный, передал, чтобы оставались здесь, привели себя в порядок, отдохнули и ждали дальнейших указаний. Приказали вести разведку в сторону Трудов, где снова обосновался сильный вражеский гарнизон. От него мы находились километрах в десяти — пятнадцати.

Всего лишь сутки минули — и снова тревога. 6 ноября из Трудов вышли гитлеровцы и взяли направление на Гороватку, Жуковичи и Козадои. Деревни эти в четырех-пяти километрах от нас — через реку Свина.

Как раз все командиры были в штабе. Рассуждаем: немцы идут за нами по пятам. Конечно, их разведка установила, что мы находимся в Труховке. Решаем не ожидать их здесь, а встретить в Гороватке. Это для них будет неожиданностью. А порой от нее и зависит перевес в бою.

Но уже на марше догнал нас связной из штаба бригады и сообщил, что на помощь нам вышли два отряда — Рединова и Астрейко. По решению комбрига они займут оборону перед Гороваткой по высоткам на опушке леса. Партизаны таким образом навяжут противнику лесной бой. Нашему отряду было приказано зайти немцам в тыл от деревни Заситница и ударить оттуда.

Мы с Федором Новицким вместе с полным составом разведки идем впереди колонны. Послано боковое охранение. Позади сильный аррьергард. Идем по лесу в сторону Заситницы. На широкую гравийку выходим как раз на изломе, когда она поворачивает в лес.

Махнул рукой Новицкий, и отряд залег, а мы начали поиск. Лазаем по высоткам, чтобы высмотреть противника, наблюдаем за дорогой. Вот проскочил мотоциклист, видимо, связной. Промчался всадник, наверно, посыльный. Показался бронетранспортер с группой немцев. Нетрудно догадаться,

что это связующие звенья основной колонны с гарнизоном в Трудах. Поэтому трогать их рано — противник насторожится.

Уже полчаса ведем разведку. Результат один и тот же. Время от времени проскочит машина, полная солдат, бронетранспортер — и все на Гороватку. Лишь изредка, да и то мотоциклист, — на Труды. Значит, подкрепление. Кажется, мы напрасно теряем время: уже три машины с подкреплением проехали к основной колонне. Зря пропускаем их. Резерв усилит основную группировку. Нашим придется туго. Докладываем свои соображения командиру отряда.

— Да, хватит! Первую же машину уничтожаем. — И приказывает: — Окопаться!

В Заситнице у нас были траншеи, но мы до нее не дошли. Поэтому нарываем небольшой бугорок впереди себя.

Вскоре послышался гул мотора. Машина идет из Гороватки. В кузове нет людей. Она, видимо, мчится за подкреплением. Дружный залп ударил по скатам и кабине. Машина свернула влево, уперлась буфером в дерево. Из практики знаем: если шофер убит, машина почему-то берет влево.

Буквально через пять минут слышится вой мотоцикла, мчащегося из Трудов. Мотоциклист резко тормозит, соскакивает с сиденья, не заглушив мотора. Мы молчим: надо взять его живым. Вдруг он стремительно бросается к мотоциклу и, дав газ, рванулся вперед. Но тут же раздался еще один залп — и он свалился вместе с мотоциклом.

Снова слышится гул, тоже из Трудов. На этот раз идет шестиместная бронированная машина-вездеход. На таких обычно ездят офицеры. Бронирована она с боков, сзади и спереди, верх же обычно открытый или же затянутый брезентом. Она очень похожа на обычный вездеход, поэтому мы открыли огонь из винтовок, но, на всякий случай, бронебойными патронами. Машина притормозила. Может, был ранен шофер. Однако тут же рванула вперед, на Гороватку. Пропляпили, пропустили нужный момент: можно было швырнуть связку гранат.

А в стороне Гороватки уже завязался бой. Выстрелы постепенно приближаются к нам. Немцы отступают. И вот мы уже слышим, как нарастает рев моторов. Машины идут от Гороватки. Значит, гонят наши гитлеровцев!

На большой скорости к нам подходят две автомашины, на прицепах — пушки, в кузовах — солдаты. Хоть нас и мало, да и не такое оружие, как у немцев, а все-таки можно рискнуть: в крайнем случае отойдем к своим. По цепи командир отряда подал команду — открыть огонь, когда машины войдут в зону засады.

Длинными очередями ударили пулеметы и автоматы. Немцев словно ветром выдуло из кузовов. Те, кто остался

Дмитрий Иванович Кистенев.

Михаил Николаевич Федотов.

Екатерина Семеновна Федотова.

Тамара Ивановна (слева) и Екатерина Ивановна Лопуховы.

в живых, через борта вывалились на противоположную сторону дороги — и в лес. А за кюветом у нас на всякий случай находилось отделение партизан. Они-то и прибавили им скорости. Но немногих гитлеровцев укрыл лес.

На шоссе уже три разбитые машины. Одна дымит. Тишина. Будто и не было боя в Гороватке, не гремели залпы с нашей стороны.

Вот на изгибе шоссе появляются машины, видно, основное ядро группы, наступавшей на партизан. Первая машина полна солдат, два артиллерийских прицепа облеплены ими, пушек почему-то нет.

Снова над нашей цепью полетела команда Мещерякова. Бьем по скатам, по мотору, по кабине, кузову, прицепах. Машина резко остановилась. Большинство было сражено нашими пулями, уцелевшие выпрыгнули за борт на противоположную сторону. Отделение снова открыло огонь по убегающим.

Дорога уже запружена техникой: нельзя объехать изуродованные машины. А из-за поворота появляются артиллерийские упряжки. Командир отряда приказывает захватить хоть одну пушку.

Ударили по лошадям. Некоторые тут же упали, другие рванули в сторону. Немцы скорее в лес.

Вдруг слышим — шум машин в лесу, с противоположной от нас стороны. Значит, пошли в обход. Но там в засаде наше отделение. Почему оно молчит? Михаил Николаевич Мещеряков в недоумении, и нам непонятно. Но вот на горку возле деревни Заситница взбирается одна машина, вторая, третья... Опять прозевали!

Но совсем иного мнения командиры отрядов Рединов и Астрейко. Они и их партизаны довольны, что нам удалось сделать это кладбище машин. Да и гитлеровцев около тридцати трупов валялось на дороге у обочины.

Ловим по лесу уцелевших лошадей, закладываем в упряжки. А машины сжигаем. Они нам ни к чему. Перевязываем своих раненых, кладем на повозку и отправляемся в Труховку.

ТРУДНЫЕ ДНИ И НОЧИ

1

Вторая военная осень на Витебщине была ранней. Холодный ветер приносил частые золкие дожди, временами сыпал мокрый снег. Но настоящая зима долго не наступала. Только в декабре прошелся мороз, сковал реки. Но снега не было, а это для нас, оказывается, хуже худшего. Немецкие машины могли проехать почти в каждую деревню, быстро подбросить подкрепление. Минирование дорог затруднилось, да и не было тола, капсюлей-взрывателей.

На нашу бригаду теперь наступали не только из Дретуни, но и из Полоты, Клястиц, Полоцка. Из Оболи и Ловши теснили бригаду С. М. Короткина. Из Городка, Бычихи и Езерища гитлеровцы наседали на партизанские бригады Романова и Сташкевича. Цель немцев нам представлялась в основном ясной — не дать партизанам возможности совершать диверсии на железнодорожных магистралях, разблокировать свои гарнизоны и, если удастся, зажать нас в центре треугольника и разгромить.

Оставляя с боем деревни, мы отходили в направлении Невеля и Россон. В эти места каратели теснили народных мстителей из других бригад. Выяснился главный замысел врага: согнать всех партизан в озерный край, расчленив на мелкие группировки и уничтожить. Надо было искать выход. Отступая к железной дороге Полоцк — Невель, надеялись, что рядом находится огромный партизанский край —

от Освеи до Себежа, от Идрицы до Невеля, от Дретуни до Полоцка, от Боровухи до Дриссы. Этот край партизаны называли Россонским. Решили пробиваться туда, хотя знали, что трудно будет перейти железную дорогу. По сведениям разведки, гитлеровцы укрепили ее дзотами, в деревнях поставили крупные гарнизоны.

Но вдруг сама природа пошла нам навстречу: выпал глубокий снег. Продвигаться стало труднее, но теперь мы были поставлены с немцами в одинаковые условия. Машины, которые раньше быстро подбрасывали живую силу к месту столкновений, сейчас стояли в гарнизонах на приколе. Партизаны после непрерывных полуторамесячных боев получили на какое-то время отдых.

Мы снова остановились в Федоровке. Разведка вела поиск во всех направлениях. Ее донесения могли показаться не тревожными: немцы в Ставице, но их мало. Старшие групп даже предлагали выбить их. Пришлось доказывать, что они не учитывают в целом обстановки, которая в действительности была очень сложной и грозной.

Однако комбриг А. Я. Марченко, только что прибывший из-за линии фронта, спланировал несколько крупных операций по разгрому немецких гарнизонов. Он поставил отрядам своей бригады конкретные задачи. Общая цель — измотать силы противника путем внезапных нападений.

В ночь на 3 января 1943 года был предпринят такой налет на вражеский гарнизон в деревне Жуковичи. Ему предшествовала тщательная разведка. Проводили ее все отряды бригады. Снегу прибавилось. Это сильно затруднило разведку. Мне со своими ребятами пришлось изучать подходы со стороны Заборья и Глухого. Одев маскхалаты, мы вплотную подходили к деревне и открывали огонь по домам, в которых размещались немецкие солдаты. В ответ гитлеровцы незамедлительно поднимали стрельбу из всех видов оружия. Это нам и надо было. Мы фиксировали огневые точки врага, наносили их на карту. Так выяснили, что в деревне стоят фронтовики, более 200 человек, вооруженные минометами и пулеметами.

Напасть на Жуковичи было поручено отряду Я. Н. Букарева вместе с разведчиками других отрядов, которые вели поиск. В моей группе было 15 человек.

С наступлением темноты мы со взводом отряда Букарева расположились в кустарнике севернее деревни. Для большей надежности я со своими разведчиками выдвинулся к самым хатам. Залегли в снежные сугробы и стали вести наблюдение. Кое-где светились окна, топились печи, слышались собачий лай и пьяные крики гитлеровцев. Жуковичи — длинная деревня, тянется вдоль дороги километра на три. Нам видна только северо-западная сторона.

Изредка доносилась стрельба и взлетали ракеты. Чувствовалось, что враг не подозревает о готовящейся операции.

Я послал разведчика Ивана Новицкого за командиром взвода. Спустя час тот подполз ко мне. Определили дома, на которые надо нападать. Также решили, что каждый дом атакуют 3—4 партизана: один бросает в окно противотанковые гранаты, остальные открывают огонь из автоматов. Взводу отряда Букарева нужно было разгромить 8 домов, а моей группе — 5.

К 24 часам на окраину деревни подтянулся весь взвод и занял рубеж атаки.

Мы с командиром взвода посматриваем на часы. Уже далеко за полночь. Все партизаны в напряжении. Они серьезны и сосредоточены. Рядом со мной лежит Михаил Терентьевич Глазкин, «старый» разведчик. Мне с ним приходилось бывать в «переделках» не один раз — надежный парень. В бою не дрогнет, не растеряется в разведке. Возле него на боку лежит Костя Симоненко, невысокого роста, кряжистый, тоже обстрелянный в боях. Слева от меня, изготовившись, лежит балагур и весельчак Иван Макаренко. Он и сейчас отпускает какие-то шутки партизанам Букарева, а те пырсают от смеха в рукавицы. Несколько сзади, за сугробом, Мила Белова с санитарной сумкой, готовая в любую минуту быть не только отважной разведчицей, но и заботливой медицинской сестрой. Все ждут сигнала, а его нет и нет.

Но вот на другом конце деревни сначала вспыхнула, а затем поднялась в метельное небо белая ракета — одна, другая.

Вперед выехали и остановились две санные упряжки. На них наши разведчики с пулеметами. Их задача — ворваться в Жуковичи и, открыв огонь, навести панику в гарнизоне, а если нужно будет, то и вывезти раненых. Группа разведчиков под командой Глазкина уже направилась к деревне и вскоре скрылась с глаз. Ей предстояло бесшумно снять часовых в конце деревни, а затем вместе с партизанами, что на санных упряжках, забросать гранатами дома с гитлеровцами.

Цель партизан Букарева двинулась в деревню. Вот слышался свист Глазкина. Это значит, часовые сняты, нужно спешить. Партизаны завязали бой. Рвутся гранаты, ночную темень разрезают длинные автоматные очереди. Во втором доме с краю взорвалась противотанковая граната, выбросив клубы дыма и огня из окон. Дом загорелся. Гитлеровцы выбегают на улицу, но их настигают партизанские пули.

На другом конце тоже поднялась стрельба, слышны взрывы гранат. Донеслось партизанское «ура!». Мы с командиром взвода бежим вдоль улицы и посылаем короткие очере-

ди из автоматов по убегающим гитлеровцам. За нами движутся партизаны-букаревцы и мои разведчики. Идем на сближение с группой, в которой находится командир отряда.

Бой то затихает, то разгорается с новой силой. Внезапность нападения и стремительность атаки сыграли свою роль. Противник подавлен, деморализован, стремится любыми путями выбраться из деревни. Вот вспыхнула перестрелка за околицей у болота. Туда, видимо, пытаются уйти гитлеровцы.

Разыскиваю своих разведчиков. Они держатся группами по 2—3 человека, как и положено в уличном бою. Мила Белова в санях перевязывает раненого партизана и в то же время осматривается по сторонам. В отблесках горящего дома вижу, как навстречу нам бегут партизаны с противоположной стороны. С этой группой командир отряда спешит на соединение с нами.

Вдруг из-за сарая, стоящего на высотке, ударил немецкий скорострельный пулемет. Пули пролетели чуть выше нас. Надо ложиться, искать укрытие. Пулеметчик занял выгодную позицию, не дает поднять головы, бьет вдоль деревни.

Залегший рядом со мной партизан из отряда Букарева Николай Власов хотел было подняться и броситься на пулемет, но, как бы поскользнувшись, упал на правый бок и замер. Подползаю к нему — убит. В это время слева от меня застонал другой партизан. Его я не знаю, но кричу Беловой, которая укрылась с санями за домом. Она слышит меня, но выехать из-за укрытия не может, иначе попадет под пули.

Сейчас все наше внимание сосредоточено на малиновых вспышках за сараем, но пулеметчик неуязвим и по-прежнему ведет огонь.

Справа от себя вижу перебегающего с ручным пулеметом Ивана Сидоренко. Он пробирается к сараю, ставит пулемет на сугроб и бьет длинными очередями. Соломенная крыша сарая в нескольких местах вспыхивает ярким пламенем. Вражеский огонь сначала ослабевает, а затем и вовсе стихает. Партизанская атака нарастает с новой силой.

Гитлеровцы немного пришли в себя и оказывают теперь более организованное сопротивление. Но и партизаны вошли в азарт. С другого конца деревни сюда прибежал командир отряда Букарев. Он разгорячен боем, шуба нараспашку, стоя посылает очереди из автомата по дому, где засели гитлеровцы. Вокруг него группируются партизаны, становится понятным его намерение — хочет штурмом взять дом. Я со своими разведчиками с фланга усиливаю огонь, чтобы дать возможность группе Букарева приблизиться к дому. Вот Букарев уже подбегает к нему, стреляя на ходу. С ним человек 5 партизан. Они окружают его, заслоняя собой. Мне хорошо видно, как командир изловчился и бросил в окно гранату. Почти одновременно со взрывом он как бы споткнулся

и упал. Мы подбегаем к дому и бьем из автоматов в оконные проемы. Под нашим прикрытием партизаны выносят из-под огня уже мертвого командира.

Жуковичский гарнизон разгромлен. Немцы бежали, оставив 13 убитых, но и мы понесли большие потери. Убиты командир отряда Я. Н. Букарев, партизаны Н. Е. Власов, И. Ф. Сидоренко, ранено 3 человека.

Усталые и удрученные гибелью командира, медленно идем за санями, на которых лежат убитые.

К утру моя группа разведчиков, оставив отряд Букарева, прибыла в Федоровку к своим. Не успели как следует обогреться — опять боевая тревога.

Так длилось с неделю. Но вот 5 января 1943 года прискакал посыльный от разведчиков, находящихся под Ставицей, и сообщил, что немцы выступают из этой деревни, идут на Труховку.

Командование отряда послало туда роту партизан. Она заняла оборону и завязала бой с фашистами. В этом направлении пошла и наша разведка. Разделившись на две группы, мы стали обтекать противника справа и слева, чтобы выяснить, какими силами он наступает на Труховку, откуда подходят резервы. Федор Новицкий ушел правой стороной, от леса, я со второй группой подался берегом Свины. Снег очень глубок, но надо идти под обрывом, чтобы не выдать себя. Да и по середине речки не пойдешь: незамерзшие участки на каждом шагу. Обычно впереди идут два человека. На этот раз шел один Михаил Глазкин. Только он завернул за поворот реки, как раздалась автоматная очередь.

— Немцы!

Подбежал к Михаилу. Вижу: немецкая разведка, тоже человек пятнадцать, отстреливаясь, карабкаются на берег. Перестрелка была короткой. Быстро они ускользнули от нас, а преследовать нельзя — рядом идет бой. Здесь как раз позиция немцев.

Немедленно возвращаемся к своим. Рассказываю командиру роты Василию Савченко об этой встрече. А в той стороне, куда ушел Новицкий, завязывается перестрелка. Значит, тоже обнаружили немцев.

— Вот что, — говорит Савченко, — посылай связного в штаб отряда за помощью, а сам давай со своими к нам. Будем держаться вместе, пока подойдут наши.

В штаб поскакал Костя Симоненко.

Мы залегли у деревни, на линии нашей летней обороны. Однако попробуй в глубоком снегу отыскать окоп, затем выбросить слежавшийся снег. Да и некогда это делать. Просто, чуть окопавшись в снегу, ведем огонь.

В это время к нам подползает Федор Новицкий. Оказывается, большая группа гитлеровцев хотела обойти партизан

справа, но наткнулась на разведку и отошла. Группа Новицкого заняла оборону рядом с нами. Мы вздохнули: теперь-то должны продержаться до прихода подкрепления!

Вскоре возвратился Костя Симоненко. Докладывает, что на помощь идет рота Дмитрия Кистенева, с ней и заместитель командира отряда Василий Дмитриевич Ромашин.

Ведем редкий огонь — экономим патроны. Спокойны. Направили справа и слева небольшие группы разведчиков, чтобы узнать, что творится у гитлеровцев, и одновременно не дать им возможности зайти нам в тыл.

А через полчаса мы вовсе воспряли духом. К нам короткими перебежками устремились бойцы Кистенева. По-хозяйски размещаются здесь, многие находят старые окопы. Появляется и сам Кистенев вместе с Ромашиным. Быстро оценили обстановку. Заместитель командира отряда приказывает полному составу разведки обезопасить фланги и следить за тылом противника.

— А мы тут одни справимся. Деревню будем держать до последнего патрона. Таков приказ командования.

Снова идем берегом Свины. Дорога теперь проторена, и шагаем хоть осторожно, но быстрее. Вдруг впереди появляется незнакомая вооруженная группа. Мы насторожились, оружие наготове. Спрашиваю, кто такие. К нам подходит высокий молодой мужчина, и я узнал в нем Александра Щелкунова из бригады Короткина. Он тоже ведет своих разведчиков на выстрелы — выяснить обстановку. Короткинцы движутся из-под Оболи. Обменялись информацией, попрощались и разошлись. В разведке часто приходится встречать не только врага.

Перестрелка между тем у деревни идет все тем же темпом, и это настораживает. Видимо, противник ждет подкрепления. Дошли до деревни Слесари — это километра через два. Дорога безлюдна, ни человека... Возвратились к своим, докладываем.

И только в первом часу дня из Ставицы послышался рев моторов — подошли бронетранспортеры. Они сразу же вступили в бой. Крупнокалиберные пулеметы секут по нашей обороне, да так густо, что головы не поднять. Откуда-то взялись минометы, и взрывы теперь взметывают снежные столбы недалеко от нас.

Вражеская пехота пошла в атаку. Бронетранспортеры поддержали ее пулеметным огнем. Наш расчет противотанкового ружья бьет по этим машинам, но они будто заморожены — идут и идут.

— Огонь только по пехоте! — передается по цепи команда Ромашина.

Мы усилили огонь, отсекали солдат. Бронетранспортеры остановились. Правда, не прекращают пулеметного огня.

Немцы снова сделали рывок. Им удалось оттеснить нас на самую окраину деревни. Но вот уже и сюда просочились немецкие автоматчики, теснят правый фланг. Федор Новицкий со своей группой заходят им с фланга, и автоматчики оказались зажатыми между двух огней. Однако перестрелка усиливается. Видно, получили подкрепление...

— Дмитрий, — говорю Кистеневу, — Федору жарко.

— Давай на выручку, — спокойно распоряжается он.

Собираю своих ребят. Пробиваемся к Новицкому, а у того действительно положение тяжелое. Разведчики лежат за сараем среди поля, а на них, по пояс увязая в снегу, лезут пьяные каратели. Свист пуль над головой нарастает. И тогда мы вступаем в бой. Длинными очередями строчим по густой цепи, гитлеровцы не выдерживают и ложатся на землю, их огонь уже менее плотный.

Вот так почти целый день. То вспыхнет жаркая схватка или интенсивная перестрелка, то лишь изредка хлопают одиночные выстрелы. Такой бой изматывает физически, треплет нервы.

Под самый вечер гитлеровцы еще более усилили напор. Загорелись жилые дома, надворные постройки, а мы, разведчики, держим правый фланг и его главную опорную точку — сарай недалеко от деревни. К нам то и дело отходят выбитые из Труховки партизаны. Тут же Кистенев и Савченко. Они подзывают меня и Новицкого. Лежим за сараем, советуемся, что же делать. Деревня, считай, уже занята немцами, лишь отдельные очажки боя кипят то в одном, то в другом месте.

К нам подбегает Ромашин, страшный в своем гневе:

— Немцы наступают, а вы тут собрание устроили!

Разведчикам приказывает удерживать фланг, а сам, собрав партизан, короткими перебежками опять возвращается в деревню. Уже на огородах они схватились врукопашную с немцами. «Если группу Ромашина разгромят там, — рассуждаем мы, — зачем нам этот сарай?»

— Ребята! — громко прозвучал голос Федора Новицкого. — За мной! Ура!

Бой на огородах длился несколько минут. Запомнилась всего лишь одна минута. Ромашин схватился со здоровенным немцем, оттолкнул его прикладом, стараясь нанести удар по голове. Но тут же осел в снег. К нему бросился его ординарец Володя Никульчик. И тоже упал. Федор Новицкий налетел сзади на немца. Тот, положив автомат на труп им же убитого партизана, преспокойно посылал очередь за очередью. Слышу, как хрястнул череп под ложей автомата Новицкого. Рядом веером пролетели пули. Лиза Козлова, наша медсестра, только что подбежавшая к Ромашину, вдруг упала на колени, клонится к земле. Замечаю немца чуть в

стороне. Бью очередью по нем. Гитлеровец почему-то топчет-ся на одном месте и, нажав на спусковой крючок автомата, стреляет по своим и по партизанам. Снова даю короткую очередь. Он вздрагивает и падает на свой же автомат.

Подбегаю к Лизе.

— Ранена? — тормошу ее за рукав шубки.

— Чуть-чуть... — силится сказать во весь голос, но не получается. — Ромашин убит.

Мы забираем убитых Ромашина и Никульчика, уносим Лизу и еще пятерых, раненных в этой схватке, и, отстреливаясь, поспешно отходим.

Партизаны понесли значительные потери, но немцы еще большие. Как потом доложили наши связные, в Труховке было убито и ранено несколько десятков немецких солдат и офицеров.

2

Утром 7 января мы заняли оборону на берегу Свины, предполагая, что гитлеровцы начнут наступление на Федоровку. И не ошиблись. Они появились на рассвете. Спокойно подошли к самому берегу. И вот тут мы ударили из всех видов оружия, даже из минометов. Каратели, потеряв много убитыми, отхлынули назад, в кустарник, и там за-легли.

Началась перестрелка. По вооружению мы равны, правда, у них батальонные минометы, а у нас ротные. Зато мы в заранее подготовленной обороне, а они среди кустарника, на снегу. Однако на всякий случай послали связного в штаб бригады предупредить об обстановке. Штаб находился в Любасово. Он теперь не имел постоянного места расположения.

Немцы вяло ведут бой. Это хорошо, но и настораживает. А вдруг они ждут подкрепления? Значит, нам снова нужно идти в разведку. Разбиваемся на две группы. Одну ведет Федор, вторую — я. Он — с правого фланга, я ухожу слева. По опыту прошлого дня чувствую, что можем встретить немецкую разведку. Поэтому идем осторожно. Минуя «испарины», перебрались через Свину. Подходим к лесной дороге Стадольница — Федоровка. Слышим, вдали гудят машины. Решаю выйти на дорогу, разведать, куда они едут.

И только ступили на обочину, как замечаю группу немцев, с полсотни. Они быстро идут лесной дорогой к месту боя. Значит, подкрепление. А у меня всего лишь десять человек. И все-таки принимаю решение — дать бой. Хотя нас в пять раз меньше, зато нельзя не принять во внимание главное — внезапность. Кроме того, мы все с автоматами, у каждого гранаты. Немцы идут кучно. И мы бросили гранаты, а затем ударили из автоматов.

Фашисты не приняли боя, разбежались по лесу. Только одиночные выстрелы доносятся из чащи.

Федор Новицкий со своими ребятами идет где-то справа от нас и, видимо, не очень далеко. Но нам нельзя переходить дорогу. Вдруг там нарвемся на немцев точно так же, как они наскочили на нас. Нельзя терять бдительность — это к добру не приведет. У разведчиков всегда должен быть трезвый рассудок, точным расчет.

Мы отошли от своих километров на пять, поэтому потребовалось около часа быстрого марша, чтобы вернуться и доложить о случившемся. Рассказываю о бое с немцами, о том, что ни в Стадольнице, ни в Заболотье нет противника. Он получает подкрепление, следовательно, только из Труховки.

— Молодцы, ребята, — улыбается в свои чапаевские усы Иосиф Сидорович Гуков. Теперь он у нас командир отряда, а Михаил Николаевич Мещеряков вызван за линию фронта. — Малость передохните.

Через некоторое время возвращается и Новицкий. Он был возле Гороватки и Буховцов. И там тоже нет гитлеровцев. Выходит, что они идут из Труховки через Свину на Федоровку, чтобы разъединить партизанские силы. Командование решает: стоять насмерть на этой стороне, не дать немцам вклиниться в нашу оборону. А они яростно атакуют.

Командир отряда вызвал меня и Федора Новицкого часа в три.

— Вот что, ребята! Срочно нужно разведать фланги. Если будет возможно, ударить гитлеровцам с тыла.

Снова разведчики по известным нам проходам меж «испарин» этой коварной реки переправляются на противоположный берег. Но углубляемся не на пять, как раньше, а всего лишь на два километра. Заранее договорились, что, если не встретим немцев, сходимся в условленном месте.

Федор первым обнаружил врага. Его группа завязала перестрелку. Это как раз было недалеко от нас, и мы бросились на помощь. Немцы, окопавшись в снегу, вели огонь по группе Новицкого. Мы зашли им в тыл и ударили из автоматов. Гитлеровцы в панике бежали. Наши группы соединились.

Возвращались не по своему флангу, а там, где прошел Новицкий. Идут разведчики, рассказывают друг другу новости сегодняшнего дня, а я люблюсь Федором Новицким. Который уже месяц вместе с ним, а вот это восхищение не проходит. Стройный, даже сморщенная белая бекеша из овчин партизанской выделки не мешает в нем видеть подтянутого бывшего командира Красной Армии. Белолицый, худощавый, он сжал тонкие губы и шагает так, будто нет за плечами ни тяжелых боев, ни бессонных ночей, ни голодных и холодных дней. Легок, пружинист его шаг. И сам порою

весел. Но чаще суров Федор Петрович. Много забот у командира отрядной разведки, а тут еще и семейные. Два родных брата с ним вместе — Иван и Сергей.

Сергей — совсем подросток. Шестнадцатый год ему, хотя он всем доказывает, что «стукнуло семнадцать». Паренек безотказный и, надо сказать, незаменимый. В любую разведку пошлешь — выполнит отлично. Правда, не я его посылаю — Федор. Он не щадит ни младшего брата, ни среднего. Порой партизаны вступаются за Ивана и Сергея, и тогда гремит голос Федора:

— Отставить разговорчики!

Была у нас в разведке Валя Егорова, девушка лет восемнадцати. Послали однажды ее вместе с Сергеем Новицким в разведку под Труды. Выполнили задание, возвращаются к своим. По дороге вдруг пришло им в голову взять «языка» своими силами. Пусть, мол, он подтвердит правильность добытых разведанных. В Заситнице пробрались в гарнизон, бросили четыре гранаты возле казармы, начали стрелять из пистолетов. Короче, наделали паники. Немцы разбежались, а двое полицейских вбежали в хату и как растаяли. Зашли. Видит Сергей: приоткрыта заслонка в печи. Смекнул, в чем дело. Отнимает ее и командует:

— Вылазь, гад!

Второго вытянули из-за печи. Вывели их во двор. А уже в гарнизоне немцы пришли в себя, просто не выведешь двоих из деревни. Вынуждены были прикончить предателей.

Возвратились они в бригаду и ни слова о случившемся. Боятся, попадет от командира отряда, а главное — от Федора.

Только через три дня получили мы сведения от связных. Описывают внешний вид этих партизан. Конечно же, в той стороне из всей бригады были только Валя Егорова да Сергей Новицкий.

Вызывает их Федор. Признавайтесь, мол, а то выгоню из разведки. Мялись-мялись ребята, а потом сознались. И юных разведчиков помиловали, правда, по твердому заявлению Федора, — в последний раз.

— Ну, что ж, — вздохнул Сергей, — в последний, так в последний...

И вот теперь он, наш самый молодой разведчик отряда, о чем-то увлеченно рассказывает ребятам, намного старше его. И те улыбаются, даже смеются, хоть только-только отгремел бой в той стороне, откуда они пришли, а впереди еще стреляют. Это на берегу Свины.

И мне подумалось: этих людей фашисты пытались поставить на колени, отнять у них жизнь и этот смех. Нет, не родилась и никогда не появится на свет такая сила, которая смогла бы сломить советский народ.

ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

1

День прошел относительно спокойно. Зато назавтра над Федоровкой появились «рамы» — самолеты-разведчики. Они обстреливали каждого, кто появлялся на улице или дороге.

Мы были беспомощны против них, и это угнетало нас. Ближе к полудню деревню стали бомбить. Федоровка — большая деревня, дворов двести, густонаселенная. До войны здесь был богатый колхоз, дома, просторные, хорошо отделанные, имели приличный внешний вид. И вот теперь эта деревня пылала от зажигательных и фугасных бомб.

Часа через два налет повторился. Сколько погибло стариков, женщин, детей от этой варварской бомбардировки, трудно сказать. Почти в каждый дом заглянула смерть, а то и две. Некоторые семьи погибли полностью под развалинами домов.

Для партизанских бригад, отрядов, спецгрупп и отходивших вместе с ними мирных жителей в треугольнике оставался еще небольшой «пяточок» — возле самой железной дороги. Такого скопления людей никогда не видели в этих местах. За народными мстителями, спасаясь от карателей, шло население. Можно себе представить эту страшную картину людского бедствия! Голодные, полураздетые, без крова над головой, люди ютились прямо под деревьями. А тут еще дожимал январский мороз, в воздухе постоянно висели са-

молеты, сыпались бомбы, строчили крупнокалиберные пулеметы.

Командование партизанских бригад и отрядов упорно искало выход из создавшегося положения. Если бы не гражданское население, смяли бы охрану и прорвались в Россонский партизанский край. Но не оставишь тех, которые в трудное время кормили и одевали нас, рисковали жизнью, чтобы мы могли бороться с врагом.

Теперь мы сгрудились невдалеке от железнодорожных станций Дретунь и Алеща. Штаб бригады расположился в деревне Любасово (ее называли и по-другому — Петухи). Аркадий Яковлевич Марченко был еще на костылях. С месяц назад самолет, на котором он возвращался из-за линии фронта, потерпел аварию. Многие партизанские командиры погибли, в том числе и комиссар нашей бригады Е. А. Козлов. Один-единственный Аркадий Яковлевич чудом оказался в живых. Теперь комиссаром бригады у нас Новиков Николай Акимович — секретарь Полоцкого подпольного райкома партии.

А. Я. Марченко срочно созвал весь командный и политический состав партизанских отрядов. Сказал прямо:

— Обстановка сложилась очень тяжелая. Для нас не хватает оперативного простора. Над нами и гражданским населением нависла смертельная угроза от карательных отрядов. Поэтому мы вынуждены уходить в Россонский район. Что для этого надо? Во-первых, не спеша снимать оборону, чтобы не было паники ни в наших рядах, ни среди населения. Во-вторых, очень хорошо разведать пути прохода за железную дорогу. Вторую задачу возлагаю на бригадную разведку и разведку первого отряда. Они здесь долго базировались, лучше других знают каждую деревню и соседние гарнизоны.

Да, задача только общая. Конкретно где, в каких местах, каким образом провести разведку, Аркадий Яковлевич не сказал.

Часа через полтора после совещания меня и Новицкого вызвали в штаб отряда. За столом — Владимир Кузьмич Шенделев, новый комиссар нашего отряда. По хате нервно похаживает Гуков. Остановился, потер руки, хотя в хате тепло, даже жарко:

— Надо срочно найти место для перевода бригады и населения. Тебе, Новицкий, вести поиск от станции Алеща до Клястиц. А Федотову — от Алещи до Дретуни. Вопросы будут?

Какие могут быть вопросы? Вернее, их наберется добрый десяток, но ни один командир не ответит, будь он хоть семи пядей во лбу. В данном случае нужна разведка, только тщательный поиск может выяснить вопросы.

И все же наш новый комиссар напомнил:

— Дело очень важное, товарищи. Мы должны вывести не только партизан, а и все население. Да еще переправить раненых и больных.

Он поднялся из-за стола. Среднего роста, полноватый, уже в годах, Владимир Кузьмич спокойно начал говорить, как лучше сделать это. Нет, он не приказывал, даже не утверждал, а будто давал добрый совет умудренного жизнью человека. По его рассуждениям выходило, что для тщательной разведки сначала нужно послать в гарнизоны девчат-партизанок. Они свяжутся с нашими людьми, которые работают в самих гарнизонах или живут в деревнях, где расположены эти осиные гнезда.

Комиссар, задумавшись, постоял у окна, не торопясь, подошел к столу, разгладил ладонью измятую, в рыжих подтеках карту.

— Не надо забывать, что у населения есть скот. Разве его оставишь немцам? Да и имущество кое-какое. Его надо припрятать. Тебе, политрук, придется провести и эту работу. Посоветуй людям, как спрятать, чтобы ни один негодяй не нашел.

Шенделев некоторое время сидел, задумавшись, опустив голову, затем энергично потер красные веки, спросил:

— А что если сделать нам тайники для хлеба и картофеля, чтобы не обременять себя громоздким обозом? Не на год же уходим... Давайте соберем коммунистов и комсомольцев, обмозгуем все это.

По совету комиссара мы направили три группы девушек на разведку непосредственно в гарнизоны, расположенные на железнодорожных станциях. При разгроме гарнизонов мы старались найти для своих разведчиц туфли, платья, блузки, пальто, чулки, пудру, духи и тому подобное. Это для того, чтобы во время выполнения заданий они могли лучше одеться, быть похожими на местных, постоянно проживающих в гарнизоне, и не вызывать подозрений у вражеских солдат и офицеров. Так что сборы девушек были короткими.

Но с кем кого послать, чтобы было более надежно, безопасно? Ларису Коптелову в Дретунь нельзя посылать: ее там знают. А куда? Направили в Клястицы. Но одной идти опасно на такое ответственное задание. Послали с ней мою сестру Нину. В Дретунь пошли Валя Егорова и Мария Пыскина. На станцию Алеща послали троих — Аню Павлюченко, Валю Пашковскую и Аню Смолякову. Кстати, об этих девушках. Валя Егорова пришла к нам из-за линии фронта, сама калининская, бесстрашная, можно сказать, прирожденная разведчица. Мария Пыскина — белоруска, местная, из Трудов, знала хорошо Дретунь, но ее там не знали. Валя Пашковская из Пономарей. Аня Павлюченко — из Трудов, а Смоляко-

ва — из деревни Грибно, тоже не раз испытанные, надежные разведчицы. Так что на наших девушек мы надеялись, хотя очень беспокоились.

Все-таки Ларисе Коптеловой с моей сестрой не повезло. В Клястицах Ларису встретил знакомый полицейский, который знал, что она в партизанах. Та сделала вид, будто не заметила его. И пока полицай бегал за немцами, скрылась. Но большого труда стоило девушкам выбраться из Клястиц. Гитлеровцы оцепили станцию, каждого проверяли.

Хуже произошло с Валею Егоровой и Марией Пыскиной. В Дретуни они ходили по вокзалу, любезничали с солдатами и, видимо, где-то «переиграли». Их схватили немцы, жестоко избили, бросили в камеру. Но случилось чудо. Среди ночи звякнули ключи, щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и мужской голос прошептал:

— Бегите, немедленно бегите...

Они думали: это нарочно, чтобы убить во время якобы побега.

Нет, вослед не стреляли. Видимо, какой-то подпольщик по заданию партизан служил в охране и выпустил наших разведчиц. Явились они в отряд на рассвете, все в иссиня-черных следах страшных пыток.

Как бы там ни было, но все три группы принесли ценные разведданные. На станциях большое количество немцев, разгружаются с эшелонов фронтные части, сильно укреплены гарнизоны. Кроме того, крупные воинские части стали гарнизонами в близлежащих деревнях.

Значит, выбрать одну из станций, чтобы возле нее относительно безопасно, без больших потерь, перейти в Россонскую зону, нет возможности. Выходит, надо подыскивать другие места.

И мы с Новицким пошли в разведку, разделив взвод на две примерно одинаковые группы. С нами подрывники: у Федора — Борис Молозин, со мной — Костя Долидович. Они из-за линии фронта, специалисты. Нам дали попутное задание — если представится возможность, подорвать несколько вражеских эшелонов и тем самым выявить реакцию немцев на диверсию. Надеялись, а вдруг большая часть гарнизона уйдет на ликвидацию последствий крушения и нам легче будет перейти через железную дорогу.

Зашли в деревню Бульги. Проводник-крестьянин вывел нас лесной дорогой к станции Алеца. Подошли ко входным стрелкам со стороны Полоцка. Возле них огромные штабеля дров и строительного леса. Часть группы оставляю здесь, со второй пробираюсь к штабелям. Тишина. Нигде не видно часовых, даже обычного сторожа.

Оставляю своих возле штабелей, а сам с двумя разведчиками осторожно пробираюсь через железнодорожные пути.

Надо рассмотреть местность, что лежит впереди: пригодна ли она для перехода?

Кажется, неплохо. Метрах в трехстах начинается лес. Он скроет партизан, если они переберутся через железнодорожные пути.

Рано утром я получил сведения от наших связных на станции Алеща. Они сообщили: гарнизон — средний (вчера часть его сняли и куда-то отправили), но хорошо укреплен и вооружен. Фронтные подразделения все еще прибывают и размещаются здесь, строят укрепления вдоль железной дороги.

Решаем разведать перегон между Алещей и Дретунью. Открываем стрельбу, и сразу же отзываются дзоты. Пули свистят над нами. Лежим, прижимаясь к земле.

— Отходить влево! — передаю по цепочке.

И ребята ползут левее, вдоль железной дороги. Мы свое дело сделали: вызвали огонь всех пулеметов — разведали. Сейчас можно и отходить.

И так от дзота к дзоту. Они здесь метрах в двухстах друг от друга. Так идем до самой Дретуни. Значит, немцы сильнее укрепили перегон, чем станцию Алеща. Предполагают, что мы будем прорываться именно на перегоне.

Пока мы продвигались вдоль железной дороги, прошло три эшелона. Косте Долидовичу не терпелось:

— Давай, политрук, один скovyрнем в кювет. А то, гады, даже ночью идут.

Нелегко было подобраться к железке. Во-первых, дзоты мы только что потревожили огнем, и немцы бдительны, на каждый шорох отзываются длинными пулеметными очередями, пускают ракеты. Да и патрулирование здесь стало довольно плотное: примерно на сто пятьдесят метров спаренный патруль.

Косте Долидовичу не привыкать. Как ящерица, бесшумно и незаметно скользнул к полотну и вскоре возвратился, разматывая тонкий шнур.

— Ты бы обычную мину поставил, нажимного действия, — упрекнул я его.

— Эта надежнее. А то вдруг дрезину пустят вперед или платформу с песком перед паровозом. Испортят мне заряд, паразиты.

Ждать эшелона пришлось недолго. Черная махина, гремя на стыках, быстро неслась сюда. Вот уже мелькнули осветы паровозной топки, и Костя дернул шнур. Но взрыва нет. Он что силы рванул шнур к себе. Конец оборвался метрах в десяти от нас.

Мы угрюмы. Костя — сам не свой. Тут же ползет проверить, что случилось. Оказывается, когда разматывал шнур, он набросился петлей на тонкий невысокий пенек.

Снимать заряд я не разрешил. Что-то насторожило немцев и они стреляют в нашу сторону из пулеметов, бросают ракеты.

А тут снова идет эшелон, теперь на Клястицы, в сторону фронта.

— Эх, была не была, политрук, обстреляем эшелон. А вдруг что взорвется там и наш заряд сдетонирует...

Я сам раздражен неудачей с минированием, да и Косте нужно какое-то успокоение. Подрывников мы очень уважали. Поэтому согласился.

— Зарядить бронебойными,— подал я команду и тут только вспомнил, что у всех нас автоматы.— Стрелять только по паровозу!

Ударили длинными очередями, раза по три. Паровоз зашипел, будто на сотню горячих печек линули несколько ведер воды, и остановился. В следующую минуту были не рады, что затронули в ночи этот эшелон. В нем на фронт ехали немцы. Они выскочили из вагонов и открыли сильную стрельбу. Буквально изрешетили лесок, в котором находились мы. Хорошо, что рядом были старые траншеи. Разведчики нырнули в них, залегли. Среди ночи немцы побоялись сунуться в лес, а когда огонь уменьшился, мы выбрались в безопасное место. На рассвете в назначенном пункте встретились с группой Федора Новицкого.

Прежде чем доложить командованию о результатах поиска, мы с Федором, по давно заведенной традиции, обсудили подробно все детали и пришли к выводу, что наиболее подходящее место для прорыва в Россонский партизанский край — через станцию Алеща, точнее, через переезд у входных стрелок. Штабеля дров и лес, в случае острой необходимости, станут для нас надежным укрытием, неплохим местом фланговых засад во время пропуска наших через железнодорожное полотно. Да и по самому переезду удобно перебираться на санях, на которых находятся раненые.

Докладываем Гукову. Он просит нанести на топографическую карту все огневые точки противника, его укрепления.

— Так где же выход?! — просмотрев наши пометки, командир вдруг повысил голос.

— В двухстах метрах от Алещи, на входных стрелках,— спокойно объясняю я.— Там штабеля дров, переезд. На самой станции гарнизон только в восемьдесят гитлеровцев. Правда, укреплен сильно. Но его нам брать не надо.

— На подходе есть три пулеметных гнезда,— уточняет Федор Новицкий.— Это со стороны Булыг. Их можно забросать гранатами, когда колонна подойдет к железке.

— Но я не вижу преимущества перехода именно в этом месте,— возражает Гуков.

— Как же? — удивляюсь. — За переездом в трехстах метрах — лес. Это разве не преимущество? Штабеля дров прикроют нас у самого переезда. Это тоже...

Гуков задумался. Видно, все-таки остался доволен результатами нашей разведки.

— Доложу комбригу. Все! Можете идти отдыхать.

А где отдохнешь? На снегу, что ли? Или потеснишь в какой-либо хате полуголых ребятишек, уже изведавших тяжесть длинного перехода, бомбежек, свист пуль и осколков?

2

Мы с Федором только что задремали под елкой в шалаше, насквозь продуваемом ледяным ветром, как раздался свист снаряда, а затем взрыв. Нас начали обстреливать из дальнобойных орудий. Снова запылали пожары в уже наполовину сожженной деревне.

Трагедия разыгралась и в Чухилино. Фашистские самолеты налетели на эту лесную партизанскую деревушку, изрыли ее бомбами, долго обстреливали из пулеметов. Больше всех погибло стариков и детей — тех, кто не мог быстро уйти из пылающей деревни. Попала под бомбежку и моя семья, отходившая из далекого отсюда Заполья. Только чудом удалось ей спастись. Об этом мне рассказали разведчики, возвращающиеся из-под Городка.

Сходить бы в Чухилино, вернее, в лес у бывшего Чухилино, найти отца и мать, меньших братьев, успокоить их. Но нельзя. В штабе партизанской бригады разрабатывается операция по переходу через железную дорогу Полоцк — Невель. Каждую минуту могут потребоваться разведчики.

В штурмовую группу включается вся разведка. Кому же, как не нам, знающим эту местность лучше других, вести бригаду и принять первыми бой?

Сегодня — в ночь на 9 января 1943 года — переходит наша бригада. В прошлую ночь за железку перешла бригада Короткина и другие. Основная группа населения идет с нами. Если не все успеют перебраться через переезд, то попытаются в следующие ночи перейти с другими партизанскими подразделениями.

Вышли перед самым вечером. У Булыг, на обочине дороги, замечаю своих — отца, мать, Володю, Виктора. Они тоже пойдут следом за нашей колонной. Да вот нет времени сейчас подойти к ним, только машу шапкой. Мать молча вытирает краем платка слезы. Хмуро смотрит отец. Однако поднял руку, изорванной рукавицей махнул мне вслед...

Метрах в трехстах от переезда бригада остановилась, а штурмовая группа быстрым шагом идет вперед. Потом за-

легла. Мы, разведчики, по-пластунски ползем к полотну. Белые халаты маскируют нас, скрывают от неприятеля.

Вот и штабеля дров. Осторожно пробираемся между ними. Нет никого, тишина... Переползаем через железную дорогу. Там оставили пятерых, на всякий случай, а сами возвращаемся обратно.

Штурмовая группа разделилась на две. Одна без выстрела вышла на железную дорогу, заняла оборону с правой стороны, к станции. Вторая расположилась слева — поперек полотна от Дретуни. Я в той, что к станции Алеща.

Путь для перехода свободен!

Но только на полдесятка минут. Как только приблизилась колонна, гарнизон станции открыл огонь. Отозвались первые от переезда дзоты. Пули засвистели над местом перехода. Но уже ничто не могло сдержать партизанскую лавину!

Мы пулеметными очередями стараемся подавить огонь противника. Это удастся лишь отчасти. Огромные вражеские дзоты опутаны колючей проволокой в несколько рядов. Не подползешь к ним, не бросишь связку гранат.

Немцы изредка пускают мины. Но они рвутся в стороне от переезда, не причиняя вреда ни колонне, ни нам, штурмовой группе.

Партизанские подразделения торопятся. Вот уже и последние. И тогда повалило население. Спешит, таща за руки или на руках детей, за плечами — кое-какие пожитки. Приглушенный плач, женские придавленные всхлипы повисли над переездом. Молча сжимаю автомат.

Гитлеровцы почему-то медлят, будто не знают, что целая бригада вместе чуть ли не с двумя тысячами местного населения выходит из блокады.

Вдали, со стороны Невеля, послышался резкий паровозный гудок. Он был как бы сигналом для гарнизона. Захлебнулись в свинцовом клекоте пулеметы, застрочили автоматы, и миномет теперь чаще стал посылать мины.

А поток людей не ослабеваает. Падают убитые, стонут раненые...

Мы усиливаем стрельбу по малиновым вспышкам, стараемся подавить пулеметный и минометный огонь. И все же густо еще свистят пули. Но мы ничего большего не можем сделать. Стоны раненых рвут сердце. Хочется вскочить, выбежать на переезд, крикнуть ребятам — и хоть грудью своей защитить безоружных от фашистских пуль...

Огонь, пулеметный и автоматный, все сильнее и ближе. Значит, не напрасно давал длинный гудок паровоз, идущий из Невеля, — вез подкрепление.

В скурых предрассветных сумерках вижу темные фигурки. Когда они падают, тогда густо вспыхивают автоматные

огоньки. На минуту умолкают, пока темные фигурки бегут вперед, к переезду.

У нас кончаются патроны, а немцы все ближе и ближе. Правда, поредел, но все еще течет пестрый людской поток через железнодорожный переезд. Вражеский огонь усиливается.

Задние теперь не напирают, а прячутся за штабеля дров и отходят назад, уводя за руки детей.

Мы их уже не спасем — не пропустим на ту сторону, где совсем близко чернеет лес. Они, может, завтра перейдут с другими отрядами. Нам пора самим отходить.

Собравшись на противоположной стороне, мы открываем плотный огонь по черным бугоркам в снегу у станции, быстро снимаемся и отходим к лесу. Над нами свистят пули. Не поймешь, то ли оттуда, со станции, то ли это наши. На опушке несколько пулеметов бьют правее разъезда, по железнодорожным путям.

Наконец-то вот он, спасительный лес Россонской партизанской зоны!

СНОВА В ТРЕУГОЛЬНИКЕ

1

Местные партизанские бригады приняли нас радушно. А что это значит после трехмесячных непрерывных боев! Я и до сих пор благодарен россонским партизанам за ту помощь, которую оказали они каждому из нас.

Истрепанной в тяжелых, кровопролитных боях бригаде Марченко надо было переформироваться, подлечить раненых и больных, пополнить отдельные малочисленные отряды, чтобы получилось в каждом примерно поровну личного состава. И требовался настоящий отдых. Правда, здесь пока было относительно спокойно. Наша отрядная и бригадная разведки вели поиски вдоль железнодорожных участков Клястицы — Алеща — Дретунь, а основные силы бригады формировались и запасались оружием и боеприпасами.

Чтобы легче было обеспечить себя продовольствием, отрядам определили отдельные деревни. Наша разведка остановилась в Балбечино — небольшой деревушке на правом берегу Дриссы. Задание такое: следить за Алещей и быть в курсе всех намерений противника вдоль железной дороги Полоцк—Невель.

В Россонском партизанском крае мне пришлось быть совсем мало. 19 января 1943 года был издан приказ командования 3-й Белорусской партизанской бригады, в котором говорилось, что для проведения точной разведки старого района нашей дислокации, прекращения безнаказанного хо-

дения противника по дорогам и грабежа им мирного населения, затруднения движения вражеского транспорта по большакам и железной дороге Полоцк — Витебск выделить из 1, 3, 6-го отрядов по одной роте, а 4-й отряд — в полном составе. Общее руководство над всеми подразделениями было возложено на помощника командира бригады по строевой части В. В. Жиганова. В состав выделенных рот подобрали самых смелых бойцов и командиров, способных выполнить поставленную задачу. Всех их одели в теплую одежду, подобрали соответствующую зимнему периоду добротную обувь.

Перейти железную дорогу приказано было в ночь с 21 на 22 января 1943 года.

Уже через три дня сформированная группа партизан отправилась в район прежних действий — в треугольник.

Железную дорогу на этот раз переходили между Дретунью и Полотой. Из опыта мы знали, что меньше всего охраняются места возле самой станции. А в гарнизоне, хотя он и многочисленный, не подумают, что партизаны появятся совсем под носом у них.

Прошли благополучно. Хуже, что началась оттепель. Снег валил огромными мокрыми хлопьями. Под ногами водянистое месиво. Промокли до нитки. Идти тяжело. Вязнем по колено в сыром снегу. А за ночь надо сделать не меньше полсотни километров, иначе гитлеровцы могут всполошиться, послать в погоню, местные же гарнизоны оседлают дороги, блокируют деревни, и мы окажемся, как в мышеловке.

И все-таки хорошо, что валит снег. Он забивает все наши следы. Немцы еще у железки собьются с нашего пути. Вот только бы сухой снег, обычный, а не эта оттепельная метель.

Сразу же после перехода полотна попадаем на какие-то лесные горы. Они тут же обрываются. Нам надо или кубарем катиться вниз, или съезжать на спине. Не очень-то приятное занятие в такую погоду.

Под утро, промокшие, еле тащившие ноги, мы пришли в Глухое Полоцкого района. Ни живой души нигде: ни на улицах, ни в хатах. Только полуодичавшие голодные коты шныряют от хаты к хате, от сарая к сараю, в лес и снова стремятся в деревню. Ищут своих хозяев, людской заботы, тепла и пищи.

Я со своими разведчиками — у меня пятнадцать человек — занял хату. Ребята тут же растапливают печь. Повеяло домашним теплом. Полосатый худющий кот начинает привыкать к нам. Уже берет из рук хлеб, трется о мои ноги. Под его мурлыканье меня начало клонить ко сну, и я задремал.

Проснулся под громкий окрик вестового:
— Командира разведки — к Жиганову!

Владимир Васильевич — высокий, стройный, чувствует-ся, бывший военный — уже похаживал по жарко натоплен-ной хате в одной гимнастерке, подпоясанный ремнем, с писто-летом на боку.

— Вы дислоцировались в районе деревни Федоровка? — тут же спросил он меня.

Я кивнул головой. Не было силы отвечать даже одно-сложно. Всего меня ломило, гудело в голове, какой-то назой-ливо свистящий звон стоял в ушах.

— Такое задание: берите с собой сколько надо человек и разведайте все деревни до Трудов. Узнайте, что творится по этому маршруту, есть ли противник в деревнях, ка-кие силы у него. Короче, вам не следует долго втолковы-вать...

Потом внимательно посмотрел мне в глаза и добавил:

— А сейчас часа на три на теплую печку.— И мягко улыбнулся.— На больше нельзя. Придете с задания — отдох-нете как следует.— Похлопал по плечу, спросил вовсе не командирским тоном: — Договорились?

Что делает с человеком одно участливое слово, одна улыбка! Усталость почти пропала. Но я-то знал, что путь предстоит нелегкий, к тому же опасный. Возвратился к сво-им и сказал:

— Всем отдыхать! Идем на задание. Через три часа подъем.

Хотя уже решил, что беру только четверых, а приказал всем: ребята очень устали, а неизвестно, что случится че-рез час-два.

У печки остался один дневальный. Кот терся у его ног и тихонько мяукал — снова просил есть.

2

Первая деревня от Глухого — Жуковичи. Она мне зна-кома. В ней погиб недавно наш командир отряда Яков Ни-колаевич Букарев. Метель утихомирилась только на рассве-те. Чуть ударил морозец, натянул ледяную корку.

В деревне — тишина, только наши шаги хрустят на снеж-ной целине, будто идешь по тонкому сухому валежнику. Осторожно подходим к крайним дворам. У забора привяза-ны четыре лошади под седлами. В домах горит свет, топится в печах. Значит, немцы. Местные жители и партизаны в та-кое позднее время не топят печи. Это они, мерзляки, будут бросать дрова в раскаленную печь целую ночь напролет...

— Хлопцы, что будем делать?

Заманчиво отвязать лошадей, усесться в добротные сед-ла, бросить в окна гранаты, а потом дать несколько очередей из автоматов!

— Нет, нельзя, — понял мои мысли Иван Макаренко, старый военный, прошедший войну с белофиннами. — В разведку идем.

«Прав все-таки, — подумал я. — А так славно, по-партизански получилось бы!»

Мы справа обошли Жуковичи, направились в Копно. Там такая же картина.

В Гороватке тоже стояли гитлеровцы. У крайних дворов расхаживали часовые, иногда пускали ракеты.

Мертвой тишиной нас встретила Федоровка. Ни огонька, ни дымка из печной трубы. Только коты шарахаются от нас в сторону. Значит, люди, кто жив остался, в лесном лагере. Знаем, где он находится. Сами помогали строить землянки. Как недавно это было и как давно, если перебирать события одно за другим.

Лагерь их в лесу за Свиной, на левом берегу, в сторону Труховки, в низкорослом густом сосняке. Мы подошли глухой тропой. Увидели нас люди, испугались. Пятеро в белых халатах. У карателей были целые батальоны «белохалатников». А узнали — обрадовались. И начались бесконечные вопросы: скоро ли вернемся, как там наши, что нового на фронтах, не случилось ли что со знакомыми? Каждый старается угостить самым лучшим, что удалось уберечь от карателей. Очень поздно легли мы отдохнуть.

У федоровцев был заведен твердый порядок: в любое время суток люди охраняли лагерь, вели наблюдение за дорогами. Вот эти дозорные и разбудили нас.

— Немцы идут!

Мы схватили автоматы, выскочили к лугу. Видим, метрах в двухстах отсюда цепочка людей направляется в сторону лагеря, в белых халатах, на лыжах. А погода — вовсе не для лыж. Тонкая корка проламывается, под ней мокрый снег, он налипают на подошву лыж. Поэтому идут вроде и поверху, но медленно.

Их человек двадцать, нас — пятеро. Нам самим навязывать бой — полнейшее безрассудство. Невдалеке гарнизон, сразу же придет подкрепление. Да и нельзя допустить, чтобы уничтожили людей в лагере. Ведь они направляются прямо сюда.

Предупреждаем дозорных, чтобы сообщили населению быть наготове, а сами решаем отвлечь карателей.

Даем короткие прицельные очереди из автоматов. Лыжники попадали в снег — и ни звука. Видно, не поняли, откуда обстреляли их. Отходя, мы дали еще по короткой очереди. Они заметили нас и открыли огонь.

А снег под гору почти по пояс. Наконец поднялись на лесистую высотку. Огляделись: сосняк редкий, видно, как

по нашему следу-борозде идут немцы. Отлично, значит, не свернули в лагерь!

Мы еще их раззадорили: сыпанули пару очередей.

Бежать с горы легче: снег с этой стороны неглубок, да и вниз — не вверх. Выбежали в знакомое урочище Козыревка. Это уже в пойме реки Свина. Трескотня немецких автоматов преследует нас. Мы и рады, что отвели беду от федоровского лагеря, и одновременно страшно, а вдруг в этих местах коварная Свина не замерзла.

Выскочили к берегу и замерли. Только чуть-чуть льдом покрылась, один припаяк, а середина, куда ни глянь, черная. Не перешагнешь, не перепрыгнешь и переправиться не на чем.

Выбираем более узкое место в «испарине» и бросаемся к нему. А с опушки уже бьют немецкие автоматы, пули начинают знакомую песенку над головой.

— Я прыгаю первым! — бросаю на ходу ребятам.

Разогнался, насколько позволили силы, и прыгнул. «Отлично!» — успел только подумать, как хрястнуло под ногами и я по пояс оказался в ледяной воде.

— Прыгайте! — кричу, стараясь унять дрожь. — Здесь не очень глубоко...

Двоим удалось перепрыгнуть, а двое, как и я, оказались в воде. К счастью, на берегу снег неглубок, бежать по лугу легче. Правда, мы — как на ладони, пули свистят совсем рядом.

А немцы уже подъезжают к самому берегу. Остановились в замешательстве. Им не преодолеть этот барьер, а объезжать — считай, с километр, за это время мы уйдем.

Долго трещат их автоматы. Мы попадали в снег и попластунски ползем в ближайший кустарник. Вот и оно — наше временное убежище, а чуть дальше начинается настоящий лес.

— Все целы? — спрашиваю ребят.

— Целы! — улыбаются они. Одни — мокрые до пояса, другие — в забрызганных маскировочных халатах.

Прямо в лес бежать не решились. Вдруг немцы объедут «испарину» да и пойдут по следу, попробуй тогда выкрутиться. Выскакиваем на дорогу Козьяны — Гороватка. Дорога после метели уже хорошо наезжена, тут не обнаружить наших следов. Сначала пробежали вперед, затем возвратились, нашли тропинку, ведущую в лес, и, как зайцы, сделали «скидку». Но вглубь не пошли. Если придется принимать бой, выгоднее здесь, на опушке. Фашисты на лугу как на ладони будут перед нами.

Распределили деревья, из-за которых каждый будет стрелять. А немцы не показываются.

Вот и блеклое солнце свернуло с полудня, а их нет и нет. Должны уже быть, если поехали в объезд...

Мы чуть углубились в лес, нашли разлапистую ель. Хотели развести огонь, но тут появилась «рама», стала кружиться над лесом и лугом. Этот пронырливый разведчик заметит даже маленький дымок, а нам, чтобы просушиться, надо настоящий костер развести. Нужно повременить.

А в лесу тишь. На опушке отзываются синицы. Подняли крик вечно драчливые сойки. Дятел иногда глухо забарабанил, видно, по гнилому дереву. Ни человеческого голоса, ни выстрела. Даже не верится, что рядом война. И вдруг приходит страшная усталость. Кажется, на тебе не одежда, а целый воз кирпича висит, давит к земле. Нервы успокоились, вот поэтому и пришла она, эта гнетущая усталость. Не в состоянии владеть собой. Расклеился, как говорят разведчики.

Тяжелая дрема смежает веки. Я еще слышу тихий разговор товарищей, ощущаю запах махорки. Ох, как приятно пахнет! Но нет сил для того, чтобы оторвать кусочек бумаги, свернуть сигарку. Даже в карманы не могу засунуть руки. Только спать. Одно-единственное желание — спать, спать, спать!

И лень пошевелиться, хотя чувствую, как режет морозом залубенелая одежда правую ногу. Хотя зачем шевелиться? Это же не мороз — это жара жжет правую ногу. Молодцы ребята, что догадались разжечь костер! Лучше его, пожалуй, нет ничего на свете. Ничего нет лучше струящегося тепла от этого жаркого-жаркого костра.

— Товарищ политрук! Вы замерзаете! Замерзаете, товарищ политрук!

Чудак-человек, мне так тепло, а он заладил! «Замерзаете».

Кто-то вдруг оттаскивает меня от костра.

— Замерзаете! — слышу и чувствую, что трут мое лицо. Открываю глаза — это Иван Макаренко.

— Где костер?! — кричу я, а Иван подставляет ухо к моим губам. «Наверно, контужен он, но когда?»

— Где костер?

Макаренко упрямо твердит мне свое:

— Товарищ политрук, вы замерзаете! Поднимитесь...

Я упорствую:

— Разжигайте костер!

— Ребята, помогите! — говорит Макаренко.

Костя Симоненко и Миша Глазкин поднимают меня на ноги. Я хочу шагнуть и не могу — ноги не гнутся.

И тут только пришел в сознание. Вот как просто можно замерзнуть, чувствуя блаженство тепла, разливающегося по всему телу.

— Хлопцы! — не узнаю своего осипшего голоса. — Шагом марш, хлопцы.

Ноги сначала противятся каждому движению. Но вот шаг становится все тверже.

Заледеневшая одежда гремит, халат стал как лист жести. Но надо идти, обязательно идти.

3

Возвращаемся прежним путем — через Гороватку, Копно. Немцы еще в деревнях. Но нет возможности хотя бы поугагать их. Мы устали до предела.

Прошли возле Жукович, свернули на Заборье, по лесной опушке подошли к деревне. И вдруг на лесной дороге встречаем человека. Да это же Осип Максимов, наш добрый знакомый! Видит Осип, что у ребят, как говорится, зуб на зуб не попадает, предлагает:

— Зайдем, хлопцы, обогреемся малость...

Как раз светало. Это был второй рассвет с тех пор, как начали мы вести поиск. Зашли в хату Максимова. Тепло, нам показалось после стилого ветра даже жарко. Осип разбудил жену, та стала жарить рыбу на молоке. Приятно защекотал ноздри аппетитный запах. И тут только вспомнили, что целые сутки ничего в рот не брали, даже воды. А уже и картошка сварилась. Вывернули ее, разваристую, в глиняную миску — пар столбом!

Поели, и нас окончательно разморил сон. Жена Осипа быстро постелила всем на полу. А сам Максимов, человек, знающий жизнь партизанскую, надел шапку, поверх ватника набросил длинный кожух:

— Пойду посторожу малость...

Не знаю, сколько мы спали. Вдруг кто-то стал тормошить меня за плечо:

— Вставайте! Немцы...

Я бросился к окну. Через полузамерзшее стекло вижу: с противоположного конца длинной улицы, как раз перед изгибом ее, появляется группа немцев.

Собратся партизану — минутное дело. Вот уже и автомат в руке, пальцы привычно ощупывают косой рожок. Мы выскользнули из гостеприимного дома, прошмыгнули у построек и через огороды — в кустарник.

Надо спешить. До деревни, где находится наша группа, четыре километра. А вдруг в ту сторону держат путь гитлеровцы?

Вскакиваем в Глухое, а нас ждут не дождутся свои. Ведь на разведку ходила только моя группа. Забежал к Жиганову, докладываю обстановку. Владимир Васильевич молча

надевает шинель, поверх нее туго зажимает ремень с кобурой.

— Ну, мы пошли на Заборье, а ты с хлопцами ложись спать. Но сначала — поесть. — И крикнул ординарцу: — Генеральский обед им, и быстро.

Под вечер нас разбудили возбужденные голоса. Это вернулись с задания партизаны. Они рассказали, что с ходу разгромили группу гитлеровцев в Заборье. Благодаря маскировочным халатам немцы их приняли за своих.

На следующий день вышли в направлении деревни Прудины — в сторону Полоцка. Одели маскировочные халаты. Хороши эти белые халаты, пошитые для нас из парашютов россонскими товарищами! Они прочны, а главное — отлично прячут на снегу. Почти такие же и у гитлеровцев. Как и немцы, на груди партизаны держат автоматы. Не успеют фашисты понять, свои или чужие входят в деревню, как их тут же ошеломляют внезапным огнем.

Нас теперь пятьдесят человек, идем в глубокую разведку — километров на семьдесят. Вторая часть группы отправилась в сторону Трудов. Настроение отличное, хотя, судя по первым дням пребывания в треугольнике, почти в каждой деревне расположился вражеский гарнизон. Если его нет, то деревню постоянно контролируют гитлеровцы. Сейчас они беспечны: знают, что партизаны ушли за железную дорогу. Поэтому везде мы появляемся неожиданно.

Так было и в Прудинах, километрах в восьми от Глухого. Местность здесь партизанская: густой кустарник, болотца, иногда лес. Но мы идем наготове: в любую минуту кустик или кочка могут отозваться автоматной очередью или длинным клетотом пулемета.

Болотистая, в редком кустарнике поляна закругляется длинным отрогом леса, выходящим почти наперерез нам. Идем всей группой, правда, впереди, как всегда, дозор — пять человек. Но бокового охранения нет. Светит солнце, такое яркое, словно уже зима переходит в весну. На кустах покачиваются, как круглые красные яблоки, надутые, будто на что-то рассердившиеся снегири. Они не обращают на нас внимания. Зато огромный тетеревиный выводок с таким шумом вздыбил снег невдалеке от дороги, что мы схватились за автоматы. Тетерева понеслись низко над землей, затем взмыли кверху и уселись на высокой березе, на самой опушке. Выше всех — иссиня-черный под ярким солнцем огромный косач.

Вдруг такое чудесное настроение рушится в одну секунду. Из отрога леса на дорогу выскакивает наш разведчик Геннадий Мальгин, машет шапкой книзу. Значит, немцы...

— Внимание! — раздается голос Жиганова. — Вправо и в лес!

Будто ветром нас сдуло с проторенной дороги. Утопая выше колен в снегу, бежим на опушку. Немцы все же заметили нас, но огонь не открыли. Видимо, думали, что свои, и повернули на опушку — нам навстречу.

Жиганов сразу оценил обстановку, тихо передал по цепи: — Выбить на отрог, затем — на поляну!

Большинство немцев на лыжах, часть пешком. А за ними вдали видны подводы. Идут с обозом на новое месторасположение или на очередной грабеж.

— Ого-онь! — раздается впереди нашей цепи.

Шквал автоматных очередей обрушился на группу немцев, от неожиданности они попадали в снег. Главное — не дать им опомниться, отсечь от высокой стены леса.

— Вперед! Ура-а!!

Мы бросились к залегшей цепи. Оттуда раздалась жидкая трескотня автоматов. Но вот некоторые подхватились, бросились к соснам. Стал плотнее их огонь. Коротким ударом выбиваем гитлеровцев из лесу, оттесняем на поляну. Редкий кустарник — единственное спасение для них. Но фашисты не залегли, устремились через поляну. А она — метров триста. Наши минометчики учли это и стали посылать мины вдогон им.

Немногим удалось скрыться в лесу на противоположной стороне большой поляны. Но обоз, повернув на Прудины, ускочил по дороге. Это и расстроило нас, но ненадолго. В деревне мы узнали, что подводы были пусты. Немцы захватили крестьянские сани и ехали грабить какую-то деревню.

Дальше в этот день мы не пошли. На всякий случай отправили в сторону Полоцка пятерых разведчиков. Сами возвратились в Глухое.

Жиганов собрал на совещание командный состав наших небольших подразделений. Докладывали все, кто побывал в эти дни в разведке. Пришли к выводу, что мы в силах очистить от гитлеровцев район, где располагалась наша бригада до выхода в Россонский район — Глухое, Заборье, Копно, Гороватку, Федоровку, Дюдьки, Арлею, Горы, — до самых Трудов.

Встал и еще один вопрос: чем будут питаться люди, когда вернутся из-за железки? На редкие полуспаленные деревни надежды мало. Они разграблены дочиста. Значит, надо проверить, целы ли наши продовольственные тайники, где хранятся зерно, картофель, свекла. Группу старших партизан, оборудовавших еще осенью эти склады, отправили на поиск и проверку.

Остальную часть партизан разделили на две разведывательные группы. С одной из них я пошел на Труды. Нам ставилась задача освободить деревни, где раньше размещалась

наша бригада. Вскоре выбили немцев из Копно. Жители видели, как, минуя Гороватку, они мчались в Вуховцы. Но и там их след простыл. Зато в Федоровке оказали такое сопротивление, что мы вынуждены были пойти в обход деревни, на Дюдьки. Там стоял небольшой гарнизон. Разведчики сломали его сопротивление. Из Любасово полицейские сбежали, как только мы подошли к деревне. Таким образом Федоровка оказалась у нас в тылу. Надо было разгромить ее гарнизон во что бы то ни стало. Осторожно пробираемся к ней, но разведка не обнаруживает никаких признаков немцев. На улице нас встречают жители, спрашивают, правда ли, что пришла регулярная часть.

Вторая наша группа пошла из Заборья к Дретуни. Через десять дней, когда встретились на сборном пункте в лесу около Трудов, они рассказали, как разгромили гарнизоны в Недружном, Малом Ситно и другие.

Хозяйственная группа, которая проверяла запасы продовольствия, к этому времени тоже возвратилась с задания. Некоторые склады разграблены, но большая часть их сохранилась.

Первая половина задания была выполнена. За короткий срок полностью освобожден тот район, где дислоцировалась наша бригада до выхода в Россонскую партизанскую зону. Оставалось найти место, чтобы более безопасно переправить сюда свою бригаду.

4

Со сборного пункта мы отправились через Заборье, Глухое, Домники и стали вести разведку в направлении станции Полота. Места нам здесь знакомые. Прежде не раз приходилось бывать. Потребовалось всего лишь пять дней, чтобы найти подходящее место для переправы. Но, как всегда, думалось: а может быть есть более безопасный переход? Прошли к Дретуни, Алеще, Клястицам. Нет, это — самый надежный — между Юровичами и Полотой.

Сделали и еще одно полезное дело. Часть населения и отдельные партизанские группы не успели пройти вместе со всеми в Россонский район. Партизаны, объединившись по 5—10 человек, действовали на свой страх и риск. Нападали на гитлеровцев, устраивали засады на дорогах, обстреливали автомашины. А главное — они оказывали большую помощь оставшемуся населению: защищали его от карателей.

Такие вот небольшие группы народных мстителей искали встречи с нами. До них дошли слухи, что в здешних местах появился крупный партизанский отряд. Мы с радостью принимали тех, кто в это тяжелое время не дрогнул, защищал

население. Более полусотней человек пополнилась наша группа.

Вечером 4 февраля Жиганов поднял всех по тревоге. Спешным порядком направились мы к станции Полота. Группа разведчиков накануне отправилась в Россонский район, чтобы привести к железной дороге нашу бригаду.

Залегли, ждем. Вдруг на той стороне закипел бой. Стреляют наши автоматы. Мы хорошо отличаем очереди своих от немецких «шмайссеров». Наши скорострельнее, и выстрелы будто сливаются в сплошное «ту-ту-ту». Немецкие бьют реже, и звук двойной, потому что разрывные пули.

Неожиданно три зеленые ракеты пронизывают небо, падают к тому месту, где намечен прорыв. Жиганов поднимает над головой ракетницу — два красных шара летят в том же направлении. Это сигнал: «Мы идем! Мы поддержим вас!»

— По пулеметным точкам — огонь! — доносится команда.

Засыпаем очередями разведанные заранее огневые позиции гитлеровцев. Взрывы двух связок гранат потрясают землю. Из гарнизона теперь раздаются только короткие автоматные очереди. Еще усиливаем огонь — и они замолкают.

А через железнодорожную насыпь уже бегут наши партизаны. Находим знакомых, обнимаемся, целуемся. Вот и высокий, подтянутый Федор Новицкий. Как без него я соскучился за этот месяц! Он сжимает меня огромными ручищами.

— Тише, черт, раздавишь! — кричу от радости.

Подбегают ребята. Обнимают кто кого. Все довольны. Наконец-то вместе!

Уже занималось утро 5 февраля 1943 года, когда отряды стали расходиться по своим деревням в прежней партизанской зоне.

Бригада Короткина переходила железную дорогу спустя трое суток. На встречу ее мы вышли полным боевым составом.

НАС БЛОКИРУЮТ

Наш отряд, как и прежде, расположился в ближайших от Трудов деревнях. Задача тоже прежняя: вести наблюдение за гарнизоном, в наиболее подходящий момент — разгромить.

Разведке работы хватало. Гитлеровцы восстановили трудовской гарнизон. Теперь он стал крупнее, увеличилось число огневых точек. Надо было точно определить их размещение, снова искать надежные пути для ликвидации вражеского гнезда.

Вели разведку наблюдением, если требовалось — боем, получали сведения от связных.

Постоянно находясь в поиске, мы заметили, что немцы активизируют наблюдение с воздуха. Целый день в небе висели «рамы», иногда гонялись за одиночными всадниками, обстреливали, изредка бомбили деревни. Такая, если можно сказать, тактика длилась недолго. Вскоре «рамы» начали довольно часто обстреливать и бомбить деревни. Затем появились двухмоторные бомбардировщики, базирующиеся на дретунском аэродроме. Они бомбили не только деревни, но и густые лесные чащи, реже мелколесье.

Командование уже подумывало уничтожить самолеты на аэродроме. Но это нам было не под силу. Очень сильно он укреплен. К нему даже не подойдешь близко. Кроме того, Дретунь находится на железнодорожной магистрали. Помощь всегда может подойти, и очень быстро.

Надежда Марковна Багрунова.

Евгений Савельевич Крахмалов.

Лариса Федоровна Коптелова.

Елизавета Макаровна Козлова.

Мария Михайловна Пыкина.

Александр Николаевич Федотов.

Из опыта мы знали, что такая активная воздушная разведка и бомбардировка всегда бывают перед крупной блокировкой. Но признаков ее в ближайших гарнизонах еще не замечали. Правда, иногда гитлеровцы делали вылазки, но далеко от своей базы не отходили.

Мы решили узнать, каково положение в соседних бригадах — Короткина и Фалалеева. Послали разведчиков. Те вскоре возвратились и доложили, что немцы начинают снова постепенно теснить партизан от железных дорог Невель — Витебск и Витебск — Полоцк. Значит, нас хотят опять зажать в треугольнике.

Из Белорусского штаба партизанского движения получили подтверждение этому. Значит, нужно готовиться ко второй блокаде.

В первую блокаду мы нанесли чувствительные потери немцам. Дело в том, что на помощь местным гарнизонам приходили фронтовые подразделения. Они, не имея опыта борьбы с партизанами, очень часто оказывались битыми. Да и не задерживались долго в наших местах. Их быстро отзывали на передовую. Пока прибывало следующее подразделение, вело разведку, народные мстители уходили из-под удара, накапливали силы для отпора. Боялись мы охранных частей. Те специально изучали нашу тактику, знали наши базы и могли более эффективно вести наступление.

Весна 1943 года на Витебщине была необычно ранней и бурной. В марте половодье уже бушевало на реках. Снег таял на глазах, даже лед на озерах почернел, приподнялся. А снегу в ту зиму было очень много. В непролазное месиво превратились проселочные дороги, тропинки. Нельзя было пройти по полям. Луга затопило. Осталось единственное место для переходов и жилья — наш старый добрый лес. Но и в нем было сыро и холодно. Многих партизан свалили с ног различные болезни. Начался сыпной тиф.

Немцы на огромных тягачах подвозили своих солдат в такие места, где не бывали ни разу за все время оккупации. Самолеты контролировали просеки, не давали покоя ни днем ни ночью, поэтому нельзя было разжигать костры.

На случай весенне-летнего наступления Красной Армии на Центральном фронте гитлеровцы заблаговременно старались очистить свои тылы от партизанских сил. Им не удалось сделать этого в январе. Народные мстители избежали разгрома, совершив маневр в Россонскую зону. Сейчас, используя половодье, немцы решили раздробить партизанские силы и по частям уничтожить.

О том, как складывалась обстановка к этому времени, говорится в докладной командования бригады Белорусскому штабу партизанского движения:

«...18 февраля к 18.00, выступив со стороны Трудов силою до 1000 человек с артиллерией и минометами, противник занял деревни Дюдьки, Стадольницу, Б. Суровни, Ставицу, Пономари и окапывается в них...

В ночь с 20 на 21 февраля немцы внезапно выступают со стороны местечка Сиротино и со стороны станции Оболь силою до 1200 человек, со стороны Горян — силою до 400 человек, со стороны Юрович, совхоза «Полота» и станции Полота — силою до 700 человек, со стороны Трудов — до 200 человек.

К 12.00 21 февраля штаб бригады и часть отрядов оказываются запертыми в деревне Крутели. Комбриг приказывает прорваться по единственному узкому, еще не закрытому пути — через озеро Болныря.

В течение всего дня передвигающиеся колонны подвергаются обстрелу из бортового оружия четырех двухмоторных самолетов...»*.

Эти скудные строчки донесения характеризуют сложность положения, в котором оказалась наша бригада.

В ежедневных боях истощались запасы патронов. Появилось много раненых, а партизанские аэродромы в треугольнике уже не действовали.

В целях сохранения личного состава бригады А. Я. Марченко приказал отрядам Астрейко, Рединова, Власенко в ночь с 21 на 22 марта перейти железную дорогу Невель — Полоцк в район действия отряда Тимонина. Отрядам Гукова и Кухаренко — расчлениваться поротно, повзводно и рассредоточиться. Отряду Гукова — уйти в бельские леса.

Выполняя приказ, бригада в составе трех отрядов, взяв с собой больных и раненых, вышла за железную дорогу Полоцк — Невель. Первый отряд Гукова — Шенделева в полном составе остался в треугольнике.

Однажды на рассвете я проснулся от страшного грохота. Стонал старый лес от разрывов бомб и снарядов дальнобойных орудий. Началось второе наступление гитлеровских карательных частей, снабженных танками, артиллерией и поддерживаемых авиацией.

На наш отряд немцы пошли из Трудов, Дретуни, Алеши. Перед этим, по данным разведки, в гарнизоны прибыло большое подкрепление. Гитлеровцы заняли Федоровку и, таким образом, разъединили наш отряд на две части. Разведка, которая находилась за дорогой у Новки и Чигрин, была отрезана от основной части, оставшейся у Буховцов и Горватки.

Подвела нас река. Она вздулась, разлилась и помешала соединиться с основной группой. Река Свина во время половодья стала помощницей для карателей.

* ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 4, д. 24, л. 140.

Из Федоровки гитлеровцы быстрым маршем двинулись на Новку и снова разъединили нас. Получилось уже три группы из одного отряда.

Большая часть разведчиков, в том числе Новицкий и я, оказались вместе с группой партизан из роты Кистенева, здесь был и сам командир.

Кистенев подозвал нас:

— Что будем делать?

Решили разведать путь на Городок и быстрее выходить отсюда.

А стрельба вокруг нас не утихает ни на минуту. Мы не знаем, кто с кем ведет бой, а может, немцы стреляют, чтобы нагнать на нас панику. Но тактика их ясна. Они пытаются окружить малые группы партизан, которым не под силу одним вырваться.

Мы двинулись на Городок, потому что в том направлении немцев пока не слышно было. Пошли на деревни Чигрины и Белая.

В первой же деревне нам сказали, что только-только был здесь Гуков с партизанами. Мы ускорили шаг и нагнали их в лесу. Группа небольшая — около полсотни человек. А в отряде перед этим насчитывалось 250 бойцов. С нами человек тридцать. Вот и выходит, что всего нас уже около восьмидесяти.

Поставили посты в Чигринах и Белой, сами же ушли в лес и стали ждать разведку из Городка. Среди ночи прибегают наши постовые: гитлеровцы заняли и Белую и Чигрины. Значит, мы зажаты между озер.

— Провести тщательную разведку. Все уточнить, — приказывает Гуков.

Я повел своих ребят. Куда ни сунемся — везде немцы. Выход отсюда для нас закрыт. Даже отдельные хутора и те заняты крупными группами немцев. В лесу, на опушке, они устраивают засады.

На рассвете предпринимаем отчаянную попытку прорваться через Белую. Но гитлеровцы не дали нам даже приблизиться к деревне, ударили из минометов и пулеметов.

Положение наше становилось критическим. Надо было немедленно что-то предпринимать. Но — что? Не спросишь ведь совета в штабе бригады.

А самолеты то на бреющем полете проносились над лесом, то с высоты высматривали нас. Безусловно, немцы знали, что здесь окружены партизаны. Надо только найти их.

Из вещмешков мы вытряхиваем последние патроны, кладем в карманы гранаты. Пустой мешок болтается за плечами — продукты тоже вышли. Холод пробирает все тело. Костра нельзя разжечь. Маленький дымок в лесу заметят даже с большой высоты и станут бомбить.

С надеждой ждем ночи. Может, хоть удастся согреться или уйти отсюда.

Напрасно ждали. И ночью продолжают реветь моторы стервятников над нашими головами. В деревнях и на хуторах расположились немцы, на опушках тоже. Кажется, их стало намного больше.

Среди ночи Гуков вызывает меня и Кистенева.

— Ребята, убейте моего коня. Людям нечего есть. Я сам, знаете, не могу, рука не поднимается.

Это единственный конь на всю нашу группу. Серый красавец в крупных «яблоках». Да, мы уже попробовали вкус коры, молодых побегов сосны. Собирали на окраине болота перезимовавшую клюкву. От нее еще пуще разгорается аппетит.

На рассвете глухо прозвучал одиночный револьверный выстрел. Конь сразу рухнул на все четыре ноги, забился в предсмертных судорогах.

Под густыми елями раскладываем маленькие костры, в котелки мелко-мелко нарезаем конину и долго варим. Огня увеличить нельзя, а ковырнешь ножом мясо — оно красноватое, значит, сырое еще. Вот так на пятый день только пробовали мы вареного.

Сначала кости и голени выбрасывали. Но к вечеру и это пошло в котелки. Единственным топором дробили кости и варили в рыжеватой болотной воде. Ели, конечно, без соли и хлеба.

Назавтра я нашел лошадиную ногу, долго сбивал огромную подкову. Сбил наконец.

— Положи подкову в вещмешок, — шутя посоветовал Кистенев. — Для счастья.

А чуть в стороне от нашего «огонька», где мы варили голень, под толстой елью ребята откапывали внутренности. Лошадиные кишки тоже пошли в дело, чтобы на некое время поддержать ослабших.

— Ну, что, хлопцы, — оглянувшись, тихо сказал нам Гуков. — Если еще три-четыре дня — и голодная смерть. Надо искать выход. Не может быть, чтобы мы не вышли.

Глаза его лихорадочно горели. Видно, сильно простыл наш командир. Но чем можешь ему? Медикаментов давно уже нет. А если бы и была последняя таблетка или порошок, не принял бы он. Не из таких. Другие тоже в беде.

Да, если бы предполагали гитлеровцы, в каком бедственном положении мы находимся, одного хорошего удара хватило бы, чтобы разгромить нас, обессиленных, голодных, промерзших до костей и не имеющих боеприпасов. Но это, к счастью, было фронтовое подразделение, не опытное в партизанских делах. А может не хотели фашисты рисковать

своей жизнью? Они только что из-под пуль. Зачем же лезть еще и под партизанские?

Кто их знает, из каких соображений они не наступали на нас.

Перед рассветом на седьмой день блокады я снова пошел в разведку. Мертвая тишина висит над Белой. Подошли к огородам, присмотрелись: жители ходят по улице!

Бросились назад. Еще не добежав до Гукова десятка шагов, я крикнул:

— Белая свободная!

Гуков подхватился, шагнул навстречу:

— Сам видел? Говори, сам видел?

— Сам! Сам!! Сам!!!

В деревне отогрелись. Население накормило нас. Отсюда пошли в разведку на Городок. Прошли через свободные Чигрины до Устья — это в направлении Езерища. В Устье нас обстреляли. Почему же из Белой ушли немцы?

Спокойно подходим снова к Чигринам, а по нас открыли огонь... Мы — в кустарник, затем в лес. Стараемся найти проход к основной группе, но везде натываемся на посты и засады. Значит, мы вошли в Белую, когда одно подразделение сменяло другое.

Так мы оказались еще раз отрезанными от своих, уже небольшой группой — всего двадцать человек.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА СВИНА

1

Отчаяние охватило нас. Что могут сделать двадцать человек, если вокруг каратели, которые идут по пятам? И все-таки разведчики — народ смелый и находчивый. Не раз мы прорывались там, где, казалось, не было выхода.

А что если ударить на Чигрины? Правда, там основные силы гитлеровцев. Но в этом их и слабость. Они беспечны, если их очень много.

Бой около Чигрин был коротким. Мы ударили длинными очередями, бросили гранаты. Но на нас обрушился такой шквал огня, что идти вперед было бы полнейшим безрассудством, через сто метров из группы не осталось бы ни одного человека. И так в этой схватке убиты разведчики Иван Оболок, Сидор Крюков и Василий Абраменко.

А напряжение такое, что некогда думать об убитых товарищах. Ведь в любую минуту каждого из нас может постигнуть та же участь. Немцы наседают, и я, сжав зубы, ловлю на мушку узкий просвет между каской и глазами и нажимаю на спусковой крючок.

Попробовали прорываться на Устье. Но не удалось. Нас прижали к широко разлившейся реке Свина и берегу озера, такого же названия. И снова мы потеряли отличных разведчиков Геннадия Мальгина, Максима Гордеева, Федора Павлова и Марию Пыскину.

Во время боя появился самолет. Он, видимо, обнаружил нас, и теперь сюда из соседних деревень подтянулись подразделения немцев. Значит, попали мы в западню...

Целый день искали хотя бы маленькую лазейку. Не нашли. Надо ждать ночи и под покровом темноты предпринять попытку прорваться снова через Чигрины.

Ночь выдалась темная. В воздухе висела изморось. Это как раз нам на руку.

Осторожно пробрались к огородам, но из-за плетней внезапно ударили пулеметные очереди, в небо взвились ракеты. Еле удалось отползти к кустарнику.

Снова собрались вместе. Думаем, критически оцениваем свои промахи.

— А что если сделать плот и попробовать форсировать озеро прямо на Белую? — тихо предлагает Федор Новицкий.

Долго ли смастерить плот? Деревья есть, лозы для связки бревен вдоволь. На льду полуметровый слой воды. Для плота достаточная глубина.

Утром подошли к берегу. Озеро Свина шириной здесь километра в два.

— Смотрите, ребята, смотрите! — вдруг крикнул Ивая Новицкий, показывая на озеро.

Видим, во многих местах бьют небольшие «ключи» — водовороты. Мы, выросшие в озерном краю, знаем, как опасны, коварны они. Попадешь на них — закружит, словно в речном омуте, потащит под лед.

Присмотрелись: водовороты по всему озеру. Лед давит на воду, та ищет выхода и взламывает его. Не погибнешь от пули, так можешь попасть на такой «ключ».

Снова серое небо темнеет, наступает ночь. Мы с Федором прижались друг к другу под елью, долго молчим, думаем — ищем выхода.

— А что если мне и еще нескольким добровольцам пойти на плоту ночью, когда меньше «ключей», это я знаю. Если переплывем, дадим вам сигнал. Не вижу другого пути. Ну, не удастся — погибнем. Так и здесь все равно в живых не останешься.

Я думаю, перебираю в памяти все, что когда-то читал. Нет, подобной ситуации не встречалось нигде. Может, прав Федор: единственный выход — ночной переход?

— Хорошо, — почему-то шепотом говорю я. — Только будем делать сразу два плота.

Забылись в кошмарном сне часа на полтора. И вдруг слышу: где-то невдалеке кипит бой. Растолкал Федора.

— Слышишь?

— Значит, живы наши! — радостно кричит Новицкий. — Живы!

Выскочили на берег Свины. Вдали, за озером, там, где деревня Белая, полыхает пожар, бьют пулеметы, ракеты висят в ночном небе, отражаясь полосами в воде.

Мы тяжело опустились на землю. И в Белой немцы. Выходит, заняли противоположный берег — наш единственный выход.

А вокруг оживает ночной лес. Затрещали пулеметные очереди, где-то ухнул миномет, и мина шлепнулась в озеро, подняв розовато-грязный столб воды и льдинок. Совсем рядом послышались выстрелы ракетницы, и огненные шары начали дырявить черное небо. Значит, гитлеровцы буквально рядом.

Федор поднимается из мокрого мха, отряхивает шубу. Отряхивает так деловито, будто это самое главное в данный момент.

В сложной обстановке для бойцов всегда имел большое значение личный пример. Разведчики — люди опытные. В силу своей военной профессии они становятся находчивыми и наблюдательными, от них не скроется, как ведет себя командир или политрук. Правильные ли они принимают решения, есть ли у них трезвый расчет, не дрогнули ли в беде — все замечают. Мы с Новицким постоянно учитываем это обстоятельство, в тяжелую минуту всегда впереди, увлекаем за собой остальных. В обращении тоже просты и искренни, но требовательны и стараемся быть справедливыми. Нам верят. В подразделении хорошая дисциплина, основанная на глубоком сознании своего долга. Вот и сейчас все партизаны спокойны, ни у кого ни тени паники. Они собрались вокруг нас и ждут нашего решения.

— Так что будем делать, ребята?

Уже светает. Видны лица разведчиков, серые от бессонных ночей, холода и голода.

— Давайте спрячем друг друга, — говорю я почти шепотом, будто немцы могут подслушать меня. — Гитлеровцы утром, конечно, пойдут на проческу. Спрячемся, а вдруг кто-то из нас уцелеет, хоть правду донесет о том, как погибли мы...

— Лучше бой принять, чем прятаться! — звонко отзывается Сергей Новицкий.

Хотя мы старались последние крохи отдать, чтобы самый молодой наш разведчик не голодал, Сергей отвергал эти приношения. Питался тем, что и мы, — корой и почками. Он худющий, острые плечи выпирают из-под ветхой фуфайки.

— Нет, лучше бой! — уверенно говорит Сергей, поправляя автомат на груди.

Мнения разделились. Молчит один Федор Новицкий. Наконец он поднимает голову, пристально осматривает каждого.

— Я еще тут командир. Приказываю: всем спрятаться, пока не пройдут цепи.— Он вздохнул.— Ну, а если найдут кого, тогда бейся до смерти! Ясно?

— Ясно! — прозвучало так, будто и не было тяжелых дней блокировки.

2

Решили, что будем прятать мы с Федором, чтобы знать, где находится каждый партизан. Если из нас двоих кого-то убьют, будет знать все места оставшийся в живых.

Рядом — вырубленная поляна. Перед ней — стройные редкие сосны. Настоящая роща. В нескольких метрах вглубь от опушки — пять землянок. Кто и когда сделал их, мы не знаем. Зашли в одну из землянок, разобрали заднюю стенку, сложенную из мелких сосновых бревен. Выбрали землю, чтобы поместились пятеро. Попрощались с ребятами и заложили их теми же самыми бревнами. Песок внутри землянки разровняли, следы замели еловыми ветвями. Были у нас еще мины. Поставили три противопехотные у входа. Приказали ребятам:

— Без нас не выходить! Вы заминированы.

Странно и страшно прозвучали эти слова...

Разведчик Михаил Глазкин нашел себе место в старой траншее. Выгреб листву и хвою, лег на дно полуобвалившегося рва, а мы замаскировали его той же листвой и хвоей.

— Хоть отдохну, хлопцы, — слышится будто из-под земли охрипший голос Михаила.

Хорошо, что нет мороза, просто сырая холодная погода, а то в таком убежище много не пролежишь.

На берегу озера — молодой густой ельник, сплошные заросли, не прорваться через них. Туда мы отправили остальных ребят.

Нас осталось трое: я да Федор Новицкий с меньшим братом.

— Ну, вояка, а куда тебя девать? — спросил Федор, и видно было, что не хочется ему расставаться с Сергеем.— Полезай-ка со всеми, в ельник. И я туда приду...

— Полезу! Но не в ельник! — На Сергея, видно, в эти последние минуты нашло недоигранное детство.— Угадайте, куда полезу? А вот и не угадаете.

Мы поддержали его невинную шалость. Сергея все жалели.

— В озеро, — сказал Федор.

— В соседнюю землянку, — предположил я и улыбнулся. А лицо Сергея светилось от удовольствия.

— Не угадали, не угадали! На сосну. Во-он на ту.

На голом месте на окраине поляны стояла сосна-семенник. Высокая, с густыми ветвями, идущими почти от половины ствола.

— А ты лучше стань посередине поляны,— недовольно проворчал Федор, явно не одобряя выбор брата.

— Немцы будут искать в густом лесу. Им и в голову не придет, что тут спрятался я.

Да, Сергей в чем-то прав. Гитлеровцы обычно прочесывают густозаросшие массивы леса, голые места быстро проходят редкой цепью. Даже в небольшом кустарнике на опушке можно спрятаться. Они только пошлют туда автоматную очередь,— а сами не заглядывают.

Мы посадили Сергея на сосну, и он быстро покарабкался вверх, прижимая худенькими коленями шершавый ствол.

— Ты ветками замаскируйся,— проговорил я.— За пояс, за голенища засунь.

Отошли, посмотрели — хорошо, почти не видно юного разведчика.

Накануне Федор передал мне наш «НЗ» — килограммов пять мяса. Я побежал к устью Свины, приподнял ольховый корч и под него положил вещмешок, затолкнул его глубоко в воду. Сознание работало четко: если немцы с собаками обнаружат мешок, будут искать здесь и нас.

Федор говорит:

— Далекое не пойду. Залягу с ребятами в ельнике. Что будет, то и будет.

— И я не пойду далеко...

Тут я увидел вывороченную ель.

— Вот это мое сквище!

Нетолстое дерево. Видно, осенью было свалено бурей. Корневища с приподнятой землей образовали что-то похожее на небольшой шалаш. Ноги и туловище как раз залезали, снаружи оставалась лишь часть головы. Все бы терпимо, если бы не оказалось там воды, залившей углубление, где когда-то сидела ель. К тому же под водой был нарастающий лед.

Федор набросал на кожаный верх моей кубанки сухих иголок, листьев, чуть прибавил валежника на корни, чтобы спрятать мою голову. Отошел, критически оглядел, сказал:

— Ты лучше всех устроился. Ну, будь здоров,— улыбнулся.— И не кашлай...

Мы так и не простились по-настоящему. Он, сутулясь, пошел к густому ельнику, и скоро зеленые ветви скрыли его.

Уже минут через десять мои ватные брюки промокли до пояса. Вода забралась в сапоги. Под локтями тоже чувствовалась сырость. Дрожь начала трясти тело. Но надо лежать, не двигаться. Вскоре послышались голоса, какие-то коман-

ды. Раздались первые автоматные очереди. Немцы пошли на проческу леса.

Я положил перед собой автомат, чуть прикрыл веточкой ко́жух, присыпал прошлогодними листьями. Из кармана вынул две ребристые лимонки, отогнул скобы предохранительных колец. Из-за пазухи достал наган, привычно повернул барабан. Все патроны были на месте. Уж если погибать, так подороже отдать свою жизнь.

Собачий лай постепенно стал приближаться. Значит, идут с собаками — «мурашки» пробежали между лопатками. От собак не спасет мое убежище. Они моментально почуют меня.

Огляделся. В стороне на полянке высилась сосна. Где же Сергей? Что-то не видно. Ага, во-он, чуть гуще, темнее одно место среди ветвей. Почему же он повыше не полез? Надо было к самой вершине.

Тесно мне, повернуться нельзя. А когда думаю об этом, то начинаю замечать, что нога упирается во что-то твердое, корень уткнулся под правый бок и давит — терпенья нет.

Стараюсь отвлечься. Но чем? Не станешь же слушать автоматные очереди, взвизгивание нетерпеливых овчарок, которые рвутся, может, ко мне.

Правее — ельник, тот самый, куда ушел Федор, где остальные ребята. Даже отсюда видны серые латки снега. Хотя бы хлопцы не оставили следов. Нет, не может быть. Разведчики — осторожные люди, знают, куда ногу поставить, где показать след, где замести его.

Верткая синица появилась на маленьком кустике лещины, покачалась, будто ребенок на ноге ласковой матери, и, довольная, запела. К ней откуда-то сверху слетела вторая. И вот уже чудесная песенка полилась вокруг. Вспомнилось почему-то, как мальчишкой делал кормушку и вешал у самого окна, а утром, еще не умывшись, бежал к ней, зажимая в руке кусок хлеба. Разламывал его, крошил, а синицы уже облепили куст сирени, ждали лакомки.

Я слушаю нехитрую песенку синиц и вдруг ловлю себя на очень страшной мысли: а если это последние живые существа, которые вижу перед смертью? Нет, еще будут собаки и будут фигуры в черной или серо-зеленой форме.

Перевожу взгляд на сосняк. Там, в землянке, наших пятеро. К ним первым подойдет цепь. Хотя бы не заметили. Не должны, в крайнем случае подорвутся на минах. Затем на очереди Михаил Глазкин, тот, что в траншее. Во-он она желтеет песчаной чертой, присыпанной прошлогодними листьями. Если только собаки не обнаружат, не подумают гитлеровцы, что туда может спрятаться партизан.

Крики и стрельба приближаются. Нарастает собачий лай. Бидно, много овчарок собрали. Нам не сдобровать — учуют, вынюхают.

В это время огненно-рыжий шар выкатился из густого леса, упал чуть в стороне от меня и, подпрыгивая, покатился к озеру. По опыту уже знаю, что офицер, идущий позади, выпустил ракету — указал движение основной цепи.

Вот и каратели замелькали среди деревьев. Идут густой цепью, метрах в трех друг от друга, то и дело посылая короткие очереди.

Подходят к землянкам. Густо затрещали выстрелы. Бьют по входам. И вдруг три взрыва сотрясают лес. В ушах зазвенело. Цепь смешалась, немцы бросились к землянкам. Кто-то стонет, троих поднимают, под руки отводят в лес. Что-то грозно кричит офицер в кожаном пальто с серым воротником. Эх, сейчас бы нажать на спусковой крючок автомата, как бы запрыгали гады! Но нельзя.

Вдруг цепь отхлынула от землянок, и глухие два взрыва снова сколотнули землю. Это бросили в землянку гранаты.

Снова тишина. Она прерывается громким голосом офицера. Цепь быстро развернулась и пошла прямо на меня. Немцы ступили на бруствер траншеи, легко перепрыгнули и — сюда.

Захватило дыхание. Я сжал автомат. Свалилась веточка, маскировавшая кожух автомата.

Так близко я видел их только в рукопашной. Под ноги не обращают внимания, идут только вперед и бьют тоже вперед. Значит, по выворотню уже не угодит слепая очередь. А специально посланная в меня?

Вот он, высокий, чуть сутулый, в длинной шинели, из-под которой выглядывают хорошо начищенные сапоги. Как он умудрился не запачкать их?

Не успел разглядеть его лица. А сейчас нельзя поднять голову. Осыпется с кубанки листва-маскировка. За пояс у него заткнуты две гранаты, деревянными ручками вниз. Автомат на груди. Вдруг из короткого ствола вырываются яркие огоньки. Пули щелкают над моей головой.

Теперь я вижу только сапоги. Они идут прямо на меня. Неторопливо поблескивают шестигранные плешки гвоздей. По каким дорогам печатались эти большие металлические плешки, чтобы вот сейчас подойти ко мне?

Немец наступил прямо на ствол вывороченной ели и зыбнулся, будто хотел придавить еще ниже повергнутое дерево. На меня посыпался песок, сбивая маскировку с кубанки, козырек которой перечеркнула алая лента.

Где же собаки? Может, во второй цепи? Нет, не должно быть. Скосил глаза влево — там четыре овчарки, натягивают

поводки, но хозяева удерживают их, не хотят быстрее других идти. Пронесло!

Да не совсем. По опыту знаю, что обычно пускают на проческу две-три цепи.

Вторая цепь оказалась совсем редкой. Эти шли, не обращая внимания ни на что, перекликались, что-то рассказывали друг другу. В густой ельник они тоже не заходили, обстреляли и свернули в сторону.

Немцы направились дальше, к деревне Устье. Там почему-то началась частая стрельба. Но слышны только выстрелы немецких «шмайссеров». Гитлеровцы любят пострелять.

Нам пока нельзя вылезать из своих убежищ. Цепи должны возвратиться туда, откуда пришли. Это непреложное правило. Да и некуда им дальше идти. Вокруг озера, деревня Устье. Пограбят час-другой и назад.

Ноги затекли, озябли. Стараюсь шевелить пальцами. Растираю колени. Под ними ямки. Это растаял лед от тепла.

3

Только в полдень возвратились немцы. Опять шли густой цепью. Минули ельник, на ходу обстреляли его. Мимо меня просеменил невысокого роста солдат, зябко хукая на руки. Офицер шел позади цепи, теперь меньше покрикивал на своих. И вдруг споткнулся, шагнул не на бруствер, а в траншею. В тот же миг из-под его ног выскочил наш Михаил Глазкин. Офицер так опешил, что долго не мог нажать на спуск парабеллума. Громыкнул резкий выстрел, но партизан уже был далеко. Цепь обернулась, дала несколько очередей туда, куда скрылся Глазкин, но преследовать его не стала.

Короткие очереди стали удаляться. Я подумал было, что проческа уже закончилась, хотел вылезать из-под выворотня. Но послышались голоса. Сюда шли немцы. Неужели снова на проческу?

Нет, идут группой, не цепью. Проходят мимо меня. Оставиваются на опушке, о чем-то спорят, указывая на сосну. Я похолодел. Неужели заметили нашего Сергея? Точно, они направляются туда...

Пусть бы швырнул гранату, у него же две лимонки. «Ну, чего же ты, бросай, пока не открыли огонь!» Молчит Сергей.

Немцы снимают автоматы. Видно, располагаются надолго, потому что вот уже некоторые обламывают сухие ветви елок, тащат к сосне, разжигают костер. Ветер дует с той стороны, приносит сюда дым и аппетитный запах консервов. Засосало под ложечкой. У меня с утра макового зернышка не было во рту. Просто забыли, что нужно поесть, — искали выход из создавшегося положения.

Кажется, они думают остаться тут на всю ночь, потому что больше половины снова идут в лес, приносят целые охапки сушняка и опять отправляются за ним. Значит, это усиленный пост-пикет, который станет здесь на всю ночь. Только бы не на большее время. Если же будут сменять друг друга, плохо нам придется. Не вылезешь из своего убежища. Что же предпринять? А если ночью выползти — и к своим?

Да, ночью можно выскользнуть. Но где гарантия, что постов нет по всему лесу? Тогда какая польза от риска? Зачем покидать свои убежища, если их не обнаружили четыре вражеские цепи?

Теперь под сосной горит не один, а несколько костров, окружив ее плотным кольцом. Под отсветами пламени нижние ветки кажутся темно-сизыми, а выше, где сидит Сергей, они совсем черные. Как он там, наш юный разведчик?

Вдруг сюда, ко мне, идет немец. Может я чем выдал себя? Сжимаю автомат. Если что — дам очередь, а сам в лес. Попробуй найди в темноте!

На ходу распоясывает ремень, автомат положил рядом...

До полуночи гитлеровцы галдели, играли на губных гармошках, даже пробовали петь. Почти все подходили к моему убежищу. Здесь, за ветром, устроили отхожее место... Потом все утихло, только трое бодрствовали, изредка подбрасывая в костры сухие ветви.

А я лежал все под выворотнем. Одежда вся промокла, холодно. Хотелось спать, но боялся, что захраплю, а они могут прийти по надобности и услышать.

Утром немцы снялись. Хотел было вылезать, но вдали послышалась стрельба. Сюда снова шла цепь, на этот раз без овчарок. Я не беспокоился, что могут обнаружить. Какое-то безразличие нахлынуло на меня. Клонило ко сну.

Цепь прошла чуть стороной, направляясь к Устью. Возвратилась под самый вечер и таким же порядком проследовала на Чигрины.

Вскоре появился усиленный пикет, видно, прежний состав. Сразу же направились к сосне-семеннику на опушке, разожгли костры.

Меня знобило всего. Начался кашель. Хотелось пить. Почти вся лужа впиталась в мою одежду, лед под ногами растаял. Осторожно просовывал я руку под себя в остатки лужи и сосал мокрые пальцы. Жажда уходила, но не надолго.

Есть почему-то не хотелось, хотя опять потянуло аппетитным запахом от костров.

Не помню, не то я уснул, не то потерял сознание, как вдруг среди ночи раздался шум. Немцы шарахнулись от сосны, зашумели, подняли стрельбу. Потом возвратились, задрали головы вверх, пустили несколько очередей в черные ветви сосны.

Что-то случилось с Сергеем. Но что? Конечно, это стреляли по нему. Значит, он убежал! Мертвого притащили бы к костру...

Снова не то уснул, не то потерял сознание. Вижу, две синички опять колышутся на веточках лещины и поют свою простую песенку. Яркое солнце залило сосновую рощу, и она горит-переливается золотой корой. Золотится кора и у сосны-семенника на краю поляны. Немцев уже не видно. Догорая, легонько дымят головешки костров... Неужели это сон?! Ущипнул себя за руку, за щеку — болит, значит, все наяву!

Не тороплюсь оставлять свое ненадежное убежище, хотя уже нет мочи лежать. А есть очень хочется! Никогда в жизни так не хотел. И пить. Выпил бы, кажется, ведра два воды!

Прошло еще полчаса. Солнце уже поднялось выше, лес ожил птичьими голосами. Мои синицы куда-то улетели. Поднимаюсь на локти, выкарабкиваюсь из-под выворотня, оглядываюсь. Нигде никого. Хочу встать и... падаю. Не слушаются ноги. Что случилось, не пойму. Ущипнул за ногу — не болит, вроде и не щипал. Еще раз сжал пальцами. Вроде ничего не делал. Стало страшно. Перехватило дыхание. Мороз пробежал по спине...

— Хлопцы! — кричу и ползу к ельнику, подтягиваясь только на руках. — Фе-одор!

Охрипший, глухой голос, да еще с земли, кто услышит? Подползаю к тонкому дубу, на руках приподнимаюсь.

— Хлопцы! — выдохнул со всей силой, даже эхо отозвалось в сосновом бору. — Фе-одор!!

Прислушался уже лежа на земле. Невдалеке раздался осторожный треск валежника, сюда шли. Но вот остановились. И я вспомнил наш постоянный условный сигнал:

— Хо-хо-ху-у!

Так кричат зайцы во время мартовских гулянок,

— Хо-хо-ху-у! — раздалось в ответ.

Значит, наши ребята-разведчики!

— Давай сюда, хлопцы! — почти простонал я.

Подбежал Федор Новицкий с разведчиками.

— Чего лежишь? — в голосе тревога.

— Ног нет...

— Ранен?

— Не знаю. Посмотрите.

Он быстро снял мои кирзовые сапоги, закатал мокрую штанину.

— Нет, целы. Вроде отмерзли...

— Как так? — усомнился кто-то из разведчиков. — Температура-то плюсовая.

— Бывает, — почему-то проворчал Новицкий. — Лежал, не двигался. Быстрее снегу, ребята!

Из ельника притащили серого слежавшегося снега, стали растирать им мне ноги. Трут, но хоть бы что, ничего не чувствую.

Только часа через полтора начал шевелить пальцами. Откуда-то пришла острая боль. Сначала ударила под ногти, затем разлилась по голеням, резанула в коленях, перешла к бедрам.

Теперь уже огнем горят мои ноги, будто сунули их прямо в костер. Бледные, они постепенно краснеют до синевы и прямо на глазах пухнут. Неимоверная боль разрывает ноги. А может это кровь бросилась туда, и вот-вот лопнет сизоватая кожа от ее напора.

4

Федор посылает двоих в Устье и Чигрины. Вскоре они возвращаются и докладывают: нет ни немцев, ни населения, только в Чигринах несколько стариков.

Решили пойти проверить, как там те, что в землянке. Возле нее ямки от взрыва мин. Сама землянка полуразрушена. Ребята быстро растаскали вздыбившиеся бревна наката, разобрали боковую стенку.

Живы! Радостно улыбаются наши ребята.

— Ну, как вы тут? — весело спрашивает Федор.

— А? — переспрашивает каждый. — Не слышно, ты громче говори.

Оказывается, всех пятерых оглушило взрывами гранат. Это полбеда, главное — живы!

А по лесу и на поляне раздается наше условное:

— Хо-хо-ху-у! Хо-хо-ху-у!

Далекий ответный звук нарастает, и вскоре новая радость: нашелся Сергей Новицкий. И тут же начал взахлеб рассказывать, как, пригревшись от теплых костров, он задремал и свалился прямо на гитлеровцев.

— Как шлепнись кому-то прямо на пузо. А он ка-ак заорет! Все подскочили, а я ка-ак дам стрекача в темноту да в сторону. Ну и шум подняли немцы. Вот смеху было!

И сам смеется. Партизаны улыбаются — скорее оттого, что все обошлось хорошо.

Ноги болят, терпения нету, и я отполз в сторону. Неудобно политруку морщиться и кривиться, когда другим весело.

Хотелось есть. Ведь почти двое суток голодные. Надо принести мясо, которое спрятал в устье Свины. Один не дойду, не в силах. Позвал Федора, и мы пошли. Вернее, Федор шел, а я тащился на руках...

Я как политрук старался, чтобы люди были одеты, обуты и накормлены. От этого зависит настроение разведчиков, их боеспособность. Притом «отдельного стола» ни у Новиц-

кого, ни у меня не было. Ели то, что и все наши разведчики. Это сближало.

Ольховый корч был в том же положении, только иссечен пулями. Быстро нащупал в воде вещмешок. И впился зубами в него, рву — достаю мясо. Не догадался развязать.

«Что я делаю?!» — ужаснулся, но зубы мимо моей воли грызут мешковину, добираются до мяса.

Развязал Федор и тоже набросился на мясо. Правда, тут же отложил мешок в сторону:

— Много нельзя, вредно.

Возвратились к своим. Федор тут же послал ребят в наши запасные склады за горохом. Разожгли костер, выжгли из найденных касок материал, принесли в них воды из озера. Высыпали горох, положили мясо, нашлась у кого-то и щепоть соли.

И вот мы — тринадцать человек (нашелся и Глазкин Миша) сидим вокруг двух немецких касок и аппетитно уплетаем кашу из гороха с говяжьим мясом. Так хочется есть, что забываю о боли в ногах. Но Федор вдруг протягивает руку к каскам.

— Хватит, ребята! — не говорит, а приказывает он. — Остальное съедим через час.

С неудовольствием каждый засовывает ложку за голенище. Но мы-то люди взрослые, понимаем, что нельзя сразу много есть. Даже Сергей молча тщательно облизывает ложку, заворачивает в тряпочку и прячет ее.

В Чигрины меня отнесли на плащ-палатке Федора. Боль в ногах не унималась. Каждый шаг несущих меня отзывался пронизывающими колючими стрелами в пятки.

Поместили в крайней хате. Хозяева рассказали, как сегодня на рассвете в деревню приехала легковая машина, а через полчаса гитлеровцы ушли. Слово «фронт» очень уж часто повторяли они. Значит, ушли на передовую. Да, нам повезло.

Пять дней пробыли в Чигринах. Думали, что сюда будут собираться партизаны, оставшиеся в живых. Пришло немного — человек пятнадцать. Среди них была моя сестра Нина вместе с нашими разведчицами Валею Пашковской и двумя Анями — Смоляковой и Павлюченко. Здесь и командир роты Дмитрий Кистенев и командир взвода Анатолий Медведев с остатками своих людей.

Решили произвести разведку деревень, где раньше стояли наши партизаны. Может, там собираются ребята. Разведчики вернулись в ту же ночь. В Федоровке, Стадольнице, Заболотье, Шавеках и в других окружающих деревнях стоят немцы.

Боль в ногах не проходит. Они опухли, стали как колоды, нельзя пошевелить пальцами. Если сюда нагрянут гитле-

ровцы, что будут делать мои товарищи? Я стану обузой для них. Прошу Федора переправить меня ближе к дому. Там подлечат, а главное — не стану помехой партизанам.

— Да какая же ты помеха? — сердится Федор. — Лежишь и молчишь, только во сне стонешь...

— А какая польза от меня?

— Знаешь, не пой.

Все-таки я убедил переправить меня к Заполью, а может, и в самую деревню.

Две гибкие березовые палки ребята перевязали ремнями, застелили моей шинелью, привязали рукава, чтобы не болтались. Вот и готовы носилки. Можно и в путь.

Я живой, хоть и больной. А в этих местах остались навеки наши боевые друзья — партизаны Г. С. Щемелев, С. С. Немченко, А. Я. Абраменко, И. Д. Федотенко, М. И. Давыденко, О. А. Круглов, Н. А. Ксензов, П. П. Дмитриев, П. Т. Богданов и другие.

В РОДНЫХ МЕСТАХ

1

Возвратилась разведка. Везде по нашему пути в деревнях стоят немцы — в Соломинке, Ставице, Городище, Попомарях, притом крупными гарнизонами. Их надо осторожно обходить, чтобы не вызвать огонь на небольшую группу.

Вышли под вечер. Уже садилось солнце. За ночь прошли километров пятнадцать. Несли меня Федор и Иван Новицкие, Дмитрий Кистенев, даже Сергей помогал. Смеясь, отнимали у них носилки наши девушки — мол, вся боль пройдет. Правда, через полкилометра их подменяли. Ребята берегли своих разведчиц.

Ноги страшно болели от толчков. Ночью идти — не днем. С утра и до темна отлеживались в лесу возле Ставицы. Вторая ночь прошла тоже в пути. На третьи сутки на рассвете подошли к Заполью. Остановились на опушке.

Вон и наша хата, крайняя в деревне. Журавль колодца во дворе наклоняется, значит, мать или отец уже берут воду. Не спится старикам. И вовсе не догадываются, что в двухстах метрах их сын. Но не может подойти.

Нина пошла в деревню. Федор для прикрытия послал троих разведчиков. Вскоре они возвратились. С ними пришел и отец. Бросился к носилкам, стал на колени, обнял, поцеловал, и слезы потекли по морщинистому лицу.

— Что с тобой, сыночек? Как это случилось?

Он думал, что я ранен в обе ноги. Когда узнал, что со мной произошло, немного успокоился, хотя не переставал гонять:

— Чем же лечить теперь? Где доктора взять?

— Ничем не надо лечить, — говорю ему, а у самого соленый комок застрял в горле. — Мне бы покой да питание.

— Хлеба расстараемся, да и к хлебу будет. Только вот насчет покоя — не знаю. Немцы каждый день наезжают. На постой, правда, не становятся, боятся, гады, нашей глухомани...

— Со мной более двадцати человек. Если что — не дадут в обиду.

Из дому отец принес хлеба и соленых огурцов. Это было очень кстати. Наши скудные запасы за трое суток вышли. Вчера в полдень мы только съели по маленькому кусочку хлеба, испеченного в Чигринах наполовину с мерзлой картошкой. Тут же, перекусывая, Новицкий и Кистенев договорились с отцом о том, как приходить в дом за продуктами. Вечером можно не опасаться, а днем, если немцы будут в Заполье или какая-нибудь другая беда, журавль будет опущен в колодец.

Ребята, как могли, утешили отца. Мол, с сыном ничего серьезного нет. Подумаешь, малость приморозил ноги. Полежит спокойно недельку-другую и поднимется молодцом.

Отец ушел, а у меня, видно, после тяжелой дороги начался жар. Теперь не только ноги, все тело горело. Я то впадал в полузабытье, то метался на носилках, корчась от боли.

Когда прихожу в сознание, стараюсь подбодрить себя и вспоминаю своих товарищей, их боевые дела, «переплеты», в которые попадали они, и это приглушает боль.

Только на третий день мне стало лучше. Жар спал, но ноги болели по-прежнему.

Отец принес для меня чулки, которые пошил из овчины Матвей Антипов, наш сосед. Он же чуть позже починил мне галоши, чтобы надевать на эти чулки.

Боль временами вспыхивала с такой силой, что я сутками не мог уснуть. Тогда ребята ходили в далекий лесной овраг, оттуда приносили лед, обкладывали мои синюшные ноги. На исходе второй недели острые приступы боли стали реже. А на третьей неделе я уже надел галоши на теплые овчинные чулки. Поднялся с носилок. Гудело в голове, звенело в ушах, а все-таки прошел десять шагов!

2

Вскоре я твердо стал на ноги. Правда, они болели, временами очень сильно, но все-таки я мог передвигаться без посторонней помощи. Решил обрадовать отца, мать, братьев,

Да и самого домой магнитом тянуло. Не был почти год, хотя находился недалеко от Заполья. Сказал Новицкому. Федор согласился со мной.

Пошли втроем, взяли с собой и Прокопа Кириллова — разведчика из бригады Короткина. Журавль задрал «шею» высоко в небо — значит, все в порядке, спокойно в нашей деревеньке.

Родным, бесконечно дорогим дохнуло на меня подворье. Знаешь каждый колышек, каждую жердь и даже гвозди в них, о которые когда-то изорвал новую полотняную рубашку.

Были слезы радости у отца, у матери. Было самое лучшее, самое вкусное угощение. Я ведь сидел за своим столом, вместе со своей семьей!

Младшие братья Володя и Витя с интересом смотрели на меня. Они уже оба «обстрелянные». Местные партизаны бригады Короткина часто посылают их в разведку даже в гарнизоны противника. Володя рассказал мне, как они с Витей недавно ходили в Старое Сиротино посмотреть, много ли там немцев и где окопы.

— Все разузнали, — с каким-то мальчишеским озорством сказал он. — Сам партизанский командир похвалил нас за проведенную разведку.

Братья владеют оружием и довольно метко стреляют. Между собой дружны, один без другого — ни шагу.

Забегая вперед, хочется сказать, что после войны Володю наградили медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Это большое признание заслуг 11-летнего парнишки.

— Ну, вот и хорошо, сыночек, что ты на ноги поднялся, — говорит мать и вытирает глаза. — А то как гады в деревню понаедут, душа каменеет, жожу сама не своя. А сейчас спокойнее.

— Теперь он подкован на все четыре! — говорит Федор, уплетая за обе щеки горячую картошку с толченым льняным семенем.

А у меня гудят ноги от непривычки: так далеко я еще не ходил. Но молчу, ведь специально пришел стариков своих успокоить.

Пробыли мы с час и пошли назад. Можно было бы на ночь остаться, но побоялся, что во сне буду стонать.

Долго не спал. Болели ноги, и какая-то непонятная тревога и предчувствие томили сердце. Майская ночь была теплой, звездной и тихой. Нигде ни выстрела. Лишь изредка спросонок отзовется чибис на лугу, и опять тишина.

Задремал под самое утро, когда хорошо рассвело, но тут же проснулся от автоматной очереди. Стреляли из нашего ППШ. Была только одна короткая очередь. Как мне показалось, в стороне от нашей деревни. Но я уже не мог уснуть.

Тревога прочно овладела мной. И хотя старался думать, что кому-то почудилось что-то, вот и пустил очередь, но беспокойство не покидало меня. Вдруг это у нас, в деревне. Хотя нет, не должно быть, я ошибся. Ветра нет, выстрелы раздались правее. Скорее в Заложном стреляли, чем в Заполье...

Поднялся и пошел на опушку. В нашей деревне было тихо, нигде ни человека. Но почему же журавль теперь опущен в колодец? Под самый вечер Нина ходила на опушку, журавль смотрел в небо, а сейчас опущен... Значит, ночью случилось что-то.

Еле добрался до шалаша, сбросил галоши. Ноги болели так, что с трудом сдерживался, чтобы не стонать. И все же забылся в тяжелом сне. Проснулся, когда солнце поднялось над лесом. Все еще спали. Только часовой, прислонясь к дереву, стоял и что-то тихонько насвистывал. Все равно мне теперь не уснуть, пойду сменю его. Кистенев заупрямился:

— Больным не положено быть на посту.

— Да имей ты совесть,— возразил я.— Четыре недели вы со мной нянчитесь. Дай хоть немного делом займись, а ты иди подреми часок.

— Ладно,— согласился Кистенев.— Стой, раз так захотел.

— Стоять не смогу. Посижу.

— Ну и сиди,— он сладко зевнул и не спеша пошел к шалашу.

Невдалеке был пенек, я дотащился до него, присел, вытянул ноги. Стало легче, будто отхлынула куда-то ноющая боль. Но беспокойство снова начало расти. Почему же все-таки стреляли? Почему журавль смотрит в колодец?

Решил еще раз сходить на опушку. Журавль был в прежнем положении. Значит, нам «семафор» закрыт. Не пойдешь, не узнаешь, что случилось в Заполье. Если бы не ноги, прополз бы этих двести метров, узнал все, чем вот так мучиться...

Снова пошел на пост. По-прежнему спокойно. Только теперь всю заливали лес птичьих голоса, с луга долетел сюда крик беспокойных чибисов.

Проснулись ребята. Я поделился с Федором своими опасениями.

— Надо как-то проверить,— сказал он, видя, что я на себя не похож от ночных волнений.

Мы отправились вдвоем на опушку. И тут долетел до нас звук ударов, будто кто-то бил и бил в доску. Журавль был опущен в колодец. Но откуда же эти удары?

— Смотри, Миша,— как-то вздрогнув, показал рукой Новицкий.— Кто это там?

Какой-то человек отбивал доски с нашего фронтона. Зачем ему эти доски? Нет, это не отец. Скорее сосед — Матвей Антипов. Но зачем он разбирает нашу хату?

Дернулся журавль, поднялся вверх. Какая-то женщина набрала два ведра воды. И снова он на прежнем месте, внизу...

— Нет, среди дня туда идти нельзя, — категорически сказал Федор. — Там что-то происходит. Видишь, люди ходят, больше женщины...

Целый день я не находил себе места.

Как только стемнело, с Новицким, Кистеневым и Кирилловым пошел в Заполье. Подворья нашего не узнать. Разломан забор, высажены двери сарая. Дверь в сени раскрыта настежь, окна выбиты. В хате тоже погром. Поломан шкаф, перевернуты кровати, распороты подушки. И — ни души.

Почти бегом бросился к тете Елене. Наши, боясь гитлеровцев, иногда ночевали у соседей.

Тетя Елена запричитала, увидев меня:

— А Мишенька ты мой родненький! Не увидишь ты своего батюки. Забили его немцы проклятые. Сегодня вот и похоронили.

Сердце, оказалось, предчувствовало верно. Оно теперь будто остановилось, только молоточками стучала кровь в висках и гудела голова. Ноги подкосились, и я бы упал, не подхвати меня вовремя ребята под руки.

А трагедия началась сразу же, как только мы ушли из дому в лес. В Заполье нагрянули гитлеровцы — и прямо в нашу хату.

— Где сын-комиссар? — первым был вопрос переводчика к Николаю Федотовичу.

Отец молчал. Его сбили с ног, исполосовали спину шомполами, а он твердил одно:

— Не знаю, не знаю...

— Он только был тут со своими дружками!

— Не знаю. Не был...

Стянули с печи мать. Тоже избili. Младшего брата Витю не били, давали конфеты, но и он твердил, что никто не был у них в хате, а про меня ничего не знает.

Володю поставили к стенке, и офицер достал никелированный пистолет, маленький, будто игрушечный:

— Кде брат?

Володя молчал.

Офицер выстрелил раз, второй, третий. Пули крошили дерево поверх его белесой головки, но одиннадцатилетний подросток молчал.

— Куда пошешь брат?

— Не знаю, не видел брата. Он не был,— уверял Володя. Еще дважды выстрелил офицер. Пули снова угодили в стенку. А Володя уже не мог говорить, только вертел головой, мол, не знаю...

Мать оставили избитую на полу, а отца повели в Заложное. Вместе с ним гнали и нашу сваную Катю Лопухову, родную сестру Анны Ивановны Карноушенко.

Снова начался допрос. Правда, теперь только дважды наотмашь ударил офицер рукой в кожаной перчатке, Шомполами больше не били. Офицер допрашивал недолго, написал бумажку-пропуск и подал отцу. Переводчик сказал:

— Иди домой и никуда не отлучайся.

Видно, гитлеровцы намеревались установить за ним слежку.

Отец, спотыкаясь, уже дошел до окраины Заполья. И здесь его остановил полицейский Николай Салопаев, тот самый, который когда-то передал мне две полуавтоматические винтовки со спиленными бойками, стараясь войти к нам в доверие и выведать наши тайники.

— Куда? — окликнул Салопаев.

— Вот... — отец показал пропуск.

— Так где же твой Мишка? Скажешь? — он поднял автомат, кляцнул затвором, загоняя патрон в патронник.

— Не знаю я...

— Эх, сволочь, он не знает. Иди! Ну, быстрее!

Отец повернулся, сделал несколько шагов. И тут ударила короткая очередь. Та самая, которую слышал я на расвете...

На выстрелы приехали немцы. Салопаев оправдывался: — Хотел бежать. Я его и урезал...

3

Долго мне пришлось искать мать и братьев. Даже соседка, Елена Косьянова, не знала, где они спрятались. Решил пойти по старым подпольным связям.

Нашел их в Суровнях у Ефросиньи Зуевой, бывшей нашей связаной. Зуева никому не говорила, что у них живет часть семьи Федотовых, иначе поплатилась бы сама жизнью. Ведь нас пятеро в партизанах: я, Нина, Саша, Лида со своим мужем, Петром Максимовым.

В середине мая наша группа пополнилась партизанами из бригады Короткина, отбившимися от своих отрядов. Это Евгений Крахмалов, Прокоп Кириллов, его брат Леонид и другие. Собрали боеприпасы у местных ребят, а оружие у нас было свое. Когда почувствовали себя боеспособными, решили дать знать немцам, что партизаны не разгромлены.

Быстро наладили разведку. Как правило, основную роль в ней играли девушки Аня Павлюченко, Аня Смолякова, Валя Пашковская и моя сестра Нина. Они хорошо знали окрестные деревни и, переодевшись, пошли на задание. Своими наблюдениями и на основании данных, собранных от местных жителей, установили, что немцы свободно разъезжают по деревням, грабят население и награбленное увозят в гарнизоны, расположенные в Трудах, Сиротино, Городке. Основной путь продвижения немцев — шоссе Полоцк — Городок через Ровное, Козьяны, Суровни, Селище.

Стали думать, где лучше дать бой гитлеровцам. Долго советовались, сами выходили наблюдать за дорогой. Немецкие подразделения идут и едут. Обозы следуют на Городок и дальше, на фронт.

15 мая на рассвете всей группой мы вышли на шоссе около Рудни, недалеко от Козьян. Немцы двигались без предосторожностей. Шли машины, повозки, пехота.

Через реку Чернавка мы переправились в Рудне по спиленным сваям, на которых когда-то стоял мост. По высокому бурьяну вышли к дороге и залегли.

Ждать долго не пришлось. Из Козьян появилась вражеская колонна, человек пятьдесят, с четырьмя повозками-фугонами, в которые были запряжены короткохвостые буланно-серые битюги.

Крахмалов расположился чуть впереди меня за вековой березой бывшего помещичьего парка. Я залег за какой-то бугорок, на возвышенности. Мне видны все партизаны, готовившиеся к бою. Рядом со мной Прокоп Кириллов, моя сестра Нина.

Медленно и напряженно тянутся секунды. Наконец колонна поравнялась с нами.

— Огонь! — скомандовал Крахмалов и застрочил из автомата, затем вскочил и бросил гранату.

Мы тоже открыли огонь, бросили гранаты.

Немцы заметались в панике. Повозки остановились, потому что лошади уже судорожно бились у дышел. По ним дал очередь из автомата Прокоп.

Гитлеровцы побежали. Победа наша!

Но задерживаться нам нельзя, потому что из Козьян шла колонна с бронемашинами. Пора отходить. И мы ушли с поля боя тем же путем, каким и подошли.

Немцы очень всполошились после разгрома колонны возле Рудни. Они не предполагали, что в этих краях остались партизаны.

Зная, что гитлеровцы не простят за такую вылазку, мы усиленно вели разведку в окрестных деревнях.

Лагерь нашей группы располагался в лесу возле хутора Сергея Золотого, где мы когда-то прятали оружие. Вокруг

леса находились деревни Рудня, Скатица, Гапоново, Заложное, Заполье. Вот в эти населенные пункты и направили разведку.

В Скатицу пошли Наташа Борейша и Аня Смолякова. Разведчицам выдали по две лимонки и пистолету.

Они вышли на окраину леса и долго вели наблюдение за деревней. Что-то показалось им подозрительным. Лаяли собаки, а на кого — неизвестно. Людей в Скатице не видно. И все же они решили пойти в деревню. Смолякова пошла впереди, Борейша — за ней.

Когда Аня вошла в Скатицу, из первой хаты выскочили немцы и хотели схватить ее. Вероятно, гитлеровцы заметили наших разведчиц еще на опушке и дожидались их.

Смолякова выхватила гранаты. Бросила сначала одну, а когда немцы поднялись и попытались приблизиться, — вторую. Оставшиеся в живых побежали назад. Воспользовавшись растерянностью врагов, Аня побежала к лесу, а Борейша в это время открыла огонь из пистолета по гитлеровцам, которые начали преследовать ее подругу.

Оставалось совсем недалеко до опушки, как раздался винтовочный выстрел, видно, снайперский, из-за угла крайней хаты. Аня схватилась за грудь и упала. Пуля навывлет пробила ее сердце...

В лагере мы услышали стрельбу и бросились на опушку. Здесь увидели, как Борейша бежала к поляне, за ней гнались с десяток гитлеровцев. Вот тут мы и открыли огонь. Отомстили за нашу разведчицу. Анатолий Медведев и Федор Новицкий в упор с колена начали стрелять в преследователей. Пять гитлеровцев было убито, остальные отползли в деревню.

Мы уже возвращались, как Евгений Крахмалов схватил ручной пулемет и дал длинную очередь вдоль Скатицы. Там поднялась паника. Вскоре немцы начали отходить в сторону Козьян за речку Чернавку.

Наша группа ворвалась в Скатицу и заняла ее. Гитлеровцы из-за реки открыли по нам огонь. Заняв высокий берег, мы с криком «ура!» бросились в атаку. Фашисты не выдержали и побежали, бросая свои ранцы с боеприпасами и сумки с награбленным.

Девять вражеских трупов насчитали на поле боя.

Некоторое время немцы не появлялись. Мы предполагали, что теперь они нагрянут большим подразделением. Надо было оставлять эти места.

Боль в моих ногах начинала слабеть. Так кстати: нам предстояла дальняя и трудная дорога — в деревню Бочкины, что между Оболью и Ловшей, где собирались партизаны.

Готовились в этот путь основательно. Запасались по ночам продуктами у родных и добрых знакомых. Чинили одежду. Из последнего тайника пополнили боеприпасы.

Правда, патроны теперь приходилось долго очищать от ржавчины и зеленого налета. Но это все-таки были патроны.

Матвей Антипов принес мне свой старенький кожушок, заново отремонтировал галоши. Залатал мои овчинные чулки.

В самом конце мая мы отправлялись в путь. Я подошел к опушке, откуда виден был наш дом. Теперь окна и двери были заколочены крест-накрест досками. Журавль посматривал в небо. Но родных там не было никого. Хотя в деревне жили отличные люди, которые приходили нам на помощь в тяжелое время.

И невдалеке на пригорке стояла израненная береза. На ней появились мелкие зеленые листочки. Береза пережила зиму.

С матерью и братьями я распрощался накануне. Очень хотелось пойти на кладбище, побыть на могиле отца. Ребята отговорили.

Что ж, прощай, отец! Я приду еще к тебе, под старые березы на высокой горе, отдам последнюю дань.

Прощай, хата с заколоченными окнами и дверью. Я приду к тебе, чтобы сорвать эти доски!

***

Время не властно только над нашей памятью. Многие мои боевые товарищи, с которыми пройден тяжелый и опасный путь, не дождалась Дня Победы. И нам не забыть героизм людей, проявленный ими в годы Великой Отечественной войны.

Как живой предстает перед глазами Шура Пашковский, коренастый весельчак, а порой и балагур. Тот день — 13 декабря 1942 года — запомнился мне навсегда. На деревню Любасово ползли немецкие танки, автоматчики густо облепили броню. Вот они соскочили на белый снег, пошли в атаку. И мы поднялись. А когда через час они второпях отошли, оставив на поле боя три подорванных танка, снег уже был черным. Среди наших убитых я нашел Шуру. Он лежал без шапки, белые кудряшки шевелил ветер на ложе автомата. Пуля попала прямо в сердце...

Вспоминаю Тамару Лолухову. Ее, как лучшую разведчицу, направили за линию фронта на курсы минеров-подрывников. Оттуда с группой партизан она ходила в глубокий тыл немцев в Крупский район, установила связь с партизанскими бригадами, действовавшими в той местности, и возвратилась в Белорусский штаб партизанского движения. Там окончила краткосрочные курсы и 3 января 1943 года в составе спецгруппы пошла в Освейский район, в бригаду И. К. Захарова. А через две недели у станции Бигосово погибла во время подрыва вражеского эшелона.

В октябре 1942 года при перелете через линию фронта погибли в авиационной катастрофе комбриги Семен Михайлович Короткин, Яков Христьянович Сташкевич, комиссар нашей бригады Евгений Александрович Козлов.

Лежат под обелисками на Витебщине мои земляки Степан Федорович Пашковский, Прокоп Иванович Кириллов, его брат Леонид, Валентина Ефремовна Сафонова, Иван Филиппович Понкратьев, моя сестра Нина, Анна Константиновна Потапова — хозяйка квартиры, где помещался подпольный райком, а затем партизанка. Даже не перечесть всех...

Ушли без времени из жизни многие мои товарищи — сказались раны и партизанские невзгоды. Не встречусь уже с Антоном Владимировичем Сипко — бывшим секретарем Сиротинского подпольного РК КП(б)Б, затем комиссаром партизанской бригады имени Ленина, послевоенным председателем нашего райисполкома. Не увижу больше Василия Михайловича Фролова — в прошлом секретаря Сиротинского подпольного райкома партии, послевоенного секретаря Могилевского обкома. И нет в живых Федора Сазоновича Шляхтунова, Адольфа Брониславовича Эрдмана, комиссара нашего отряда Семена Семеновича Черкунова.

Пытки и военное лихолетье подорвали здоровье и моего брата Владимира, юного разведчика, а потом журналиста, написавшего две книги о тех героических днях...

Да, каждый год на партизанских встречах-поверках мы недосчитываемся то одного, то другого боевого друга. Тяжелы минуты молчания...

Но жизнь продолжается. И радостно, что бывшие партизаны и поныне в строю. Не стареет душой наш комбриг Аркадий Яковлевич Марченко — после войны партийный и советский работник. Теперь он живет и трудится в Новополоцке. Вместе с ним и его боевая подруга — разведчица-проводник Галина Ефимовна Марченко.

Бесстрашная подпольщица и партизанка Анна Ивановна Карноушенко после войны долгое время находилась на ответственной партийной и советской работе в Шумилино. Она — организатор всех наших послевоенных встреч — ведет переписку со всеми товарищами по оружию. И хотя на заслуженном отдыхе — Анна Ивановна персональный пенсионер, — а ее жизнерадостной неуемности позавидуешь... Как и в военные годы, рядом с ней Антонина Ефимовна Иванова. Это она вовремя предупредила жителей Суровней, Пономарей и Тижмы о приближении карателей.

В Шумилино живет и мой довоенный друг Григорий Ефремович Константинов, бывший политрук роты бригады имени Чапаева. Там же живет и здравствует Иван Петрович Михайлов, который принял в октябре 1941 года в свой дом Сиротинский подпольный райком партии и был его первым

связным. Благодаря его умелой конспирации, хорошо налаженной связи с населением не было случаев провала подпольных групп и связных райкома.

На своей родине, в Городокском районе, трудятся Федор Петрович Новицкий, бывший командир нашей разведки, и его младший брат Сергей, юный разведчик. Средний, Иван, живет в Сморгони. Новицким, как говорится, повезло... В том же городе Сморгонь работает и наш отважный разведчик Михаил Терентьевич Глазкин, с которым мне не раз довелось побывать в «переделках».

В Полоцке живет и работает бывший секретарь Полоцкого подпольного РК КП(б)В Георгий Сергеевич Петров. Этому человеку, умудренному жизненным опытом, благодарны мы за чуткость, внимательность, отеческую заботу в тяжелой военной обстановке.

В том же Полоцке, как два брата, живут бывшие командир 1-го отряда Иосиф Сидорович Гуков и комиссар Владимир Кузьмич Шенделев. Как и тогда, в грозные годы войны, держат прочную связь со своими бывшими бойцами, проводят большую воспитательную работу с молодежью, рассказывают ей о славных делах народных мстителей.

На станции Дретунь в кругу боевых друзей и наша Лариса Коптелова, по-прежнему жизнерадостный человек.

Бывший подпольщик, а затем комиссар партизанского отряда Евгений Савельевич Крахмалов всегда в гуще народа: долгое время занимал и занимает ответственные посты в комсомольских, советских и партийных органах. Он до сих пор остается обаятельным и общительным человеком.

Длинным и трудным был и мой партизанский путь. С мая 1943 года мне пришлось продолжить борьбу с фашистскими захватчиками в Полоцко-Лепельском партизанском соединении В. Е. Лобанка, и тоже в разведке. Непрерывные разведывательные поиски, бесконечные тяжелые бои с наседавшим со всех сторон противником, потеря боевых друзей, ранение, голод, холод, постоянные лишения...

И только 2 июля 1944 года мы соединились с частями Красной Армии.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Так начиналось...	7
Товарищи, друзья, единомышленники	20
Первые шаги	29
Военная весна	39
Партизанские дни	51
Июль — месяц жаркий	65
Крепкий орешек	77
К нам прибывают самолеты	87
Трудные дни и ночи	98
Один-единственный выход	108
Снова в треугольнике	117
Нас блокируют	128
На берегу озера Свина	134
В родных местах	147

Михаил Николаевич Федотов

РАЗВЕДКА
ВЕДЕТ
ПОИСК

Редактор А. П. Костелецкая,
Художник П. В. Калинин.
Художественный редактор И. Г. Славянин,
Технический редактор М. И. Гриневич.
Корректор А. В. Сачкова.

АТ 10610. Сдано в набор 13/1 1976 г. Подп. к печати 2/IV 1976 г.
Тираж 60 000 экз. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офс. Усл.
печ. л. 9,03. Уч.-изд. л. 9,87. Зак. 2940. Цена 50 коп.

Издательство «Беларусь» Государственного комитета Совета
Министров Белорусской ССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 79.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного
комитета Совета Министров Белорусской ССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

Федотов М.

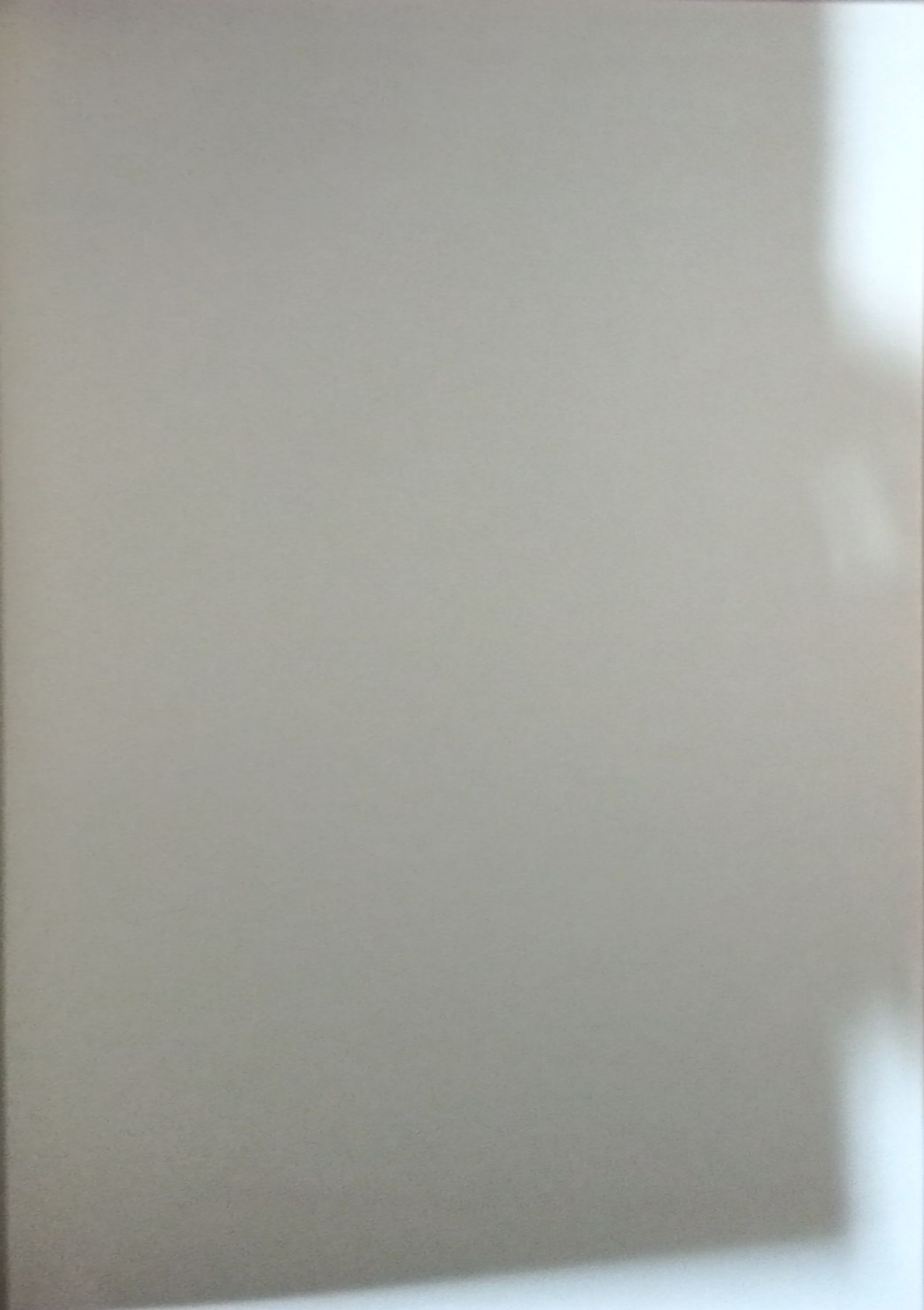
Ф 34 Разведка ведет поиск. Минск, «Беларусь», 1976 г.
160 с. с ил., 12 с. ил.

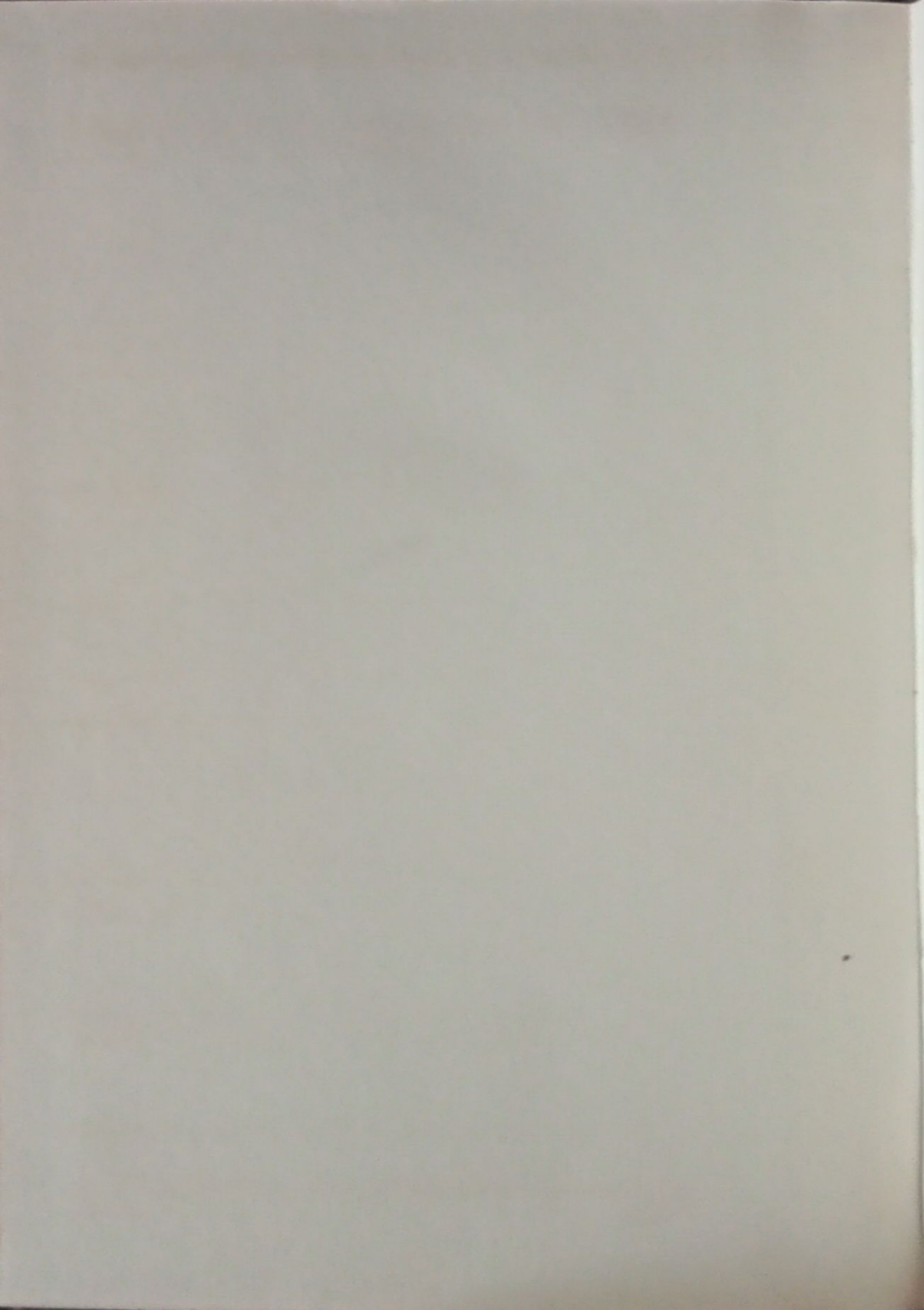
О героических буднях партизан-разведчиков рассказывает автор этой книги, политрук разведвзвода 1-го отряда 3-й Белорусской партизанской бригады, действовавшей в годы Великой Отечественной войны на территории Полоцкого района.

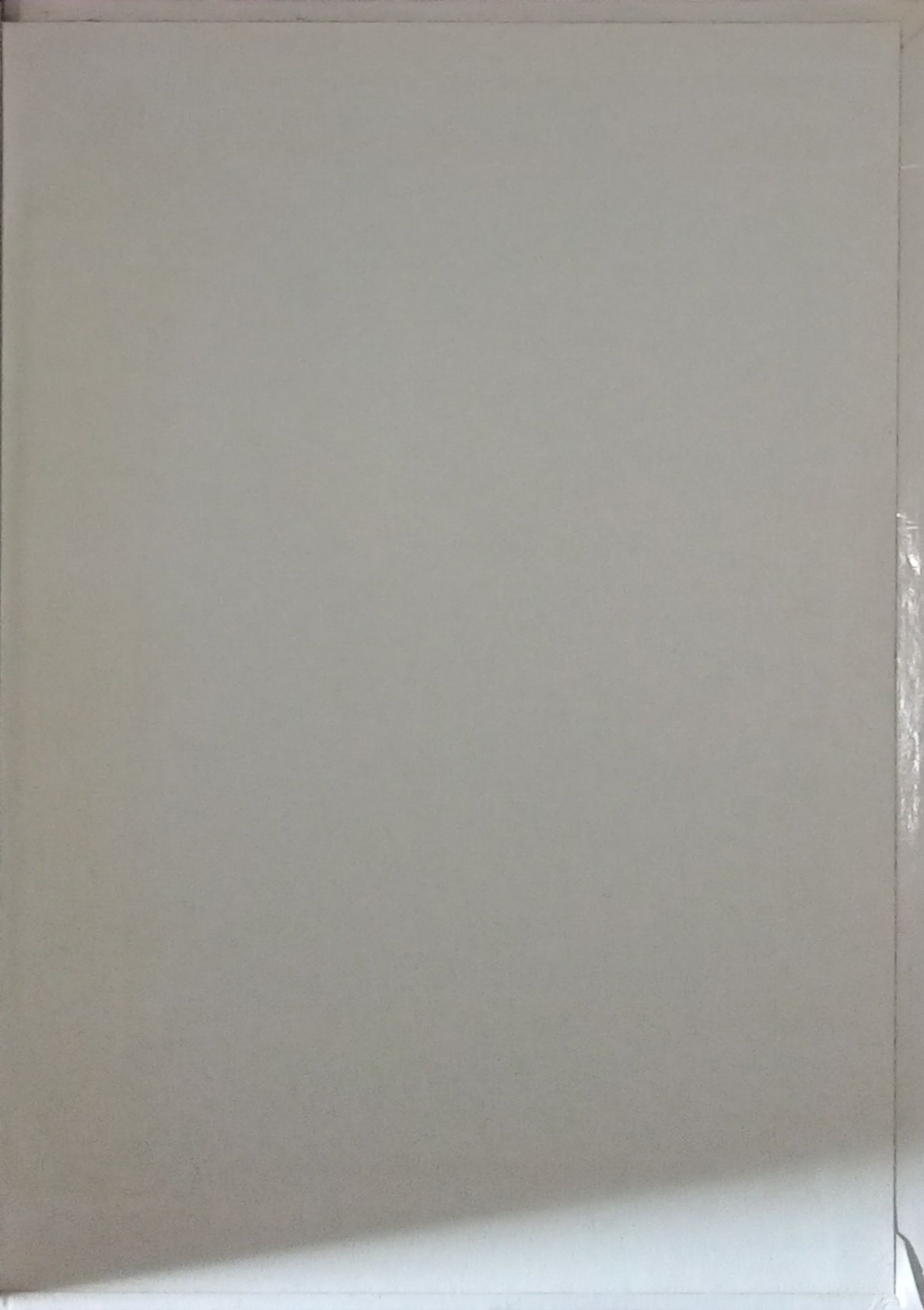
Ф $\frac{10604-114}{М 301(05)-76}$ 086-76

9(С)27

50 11